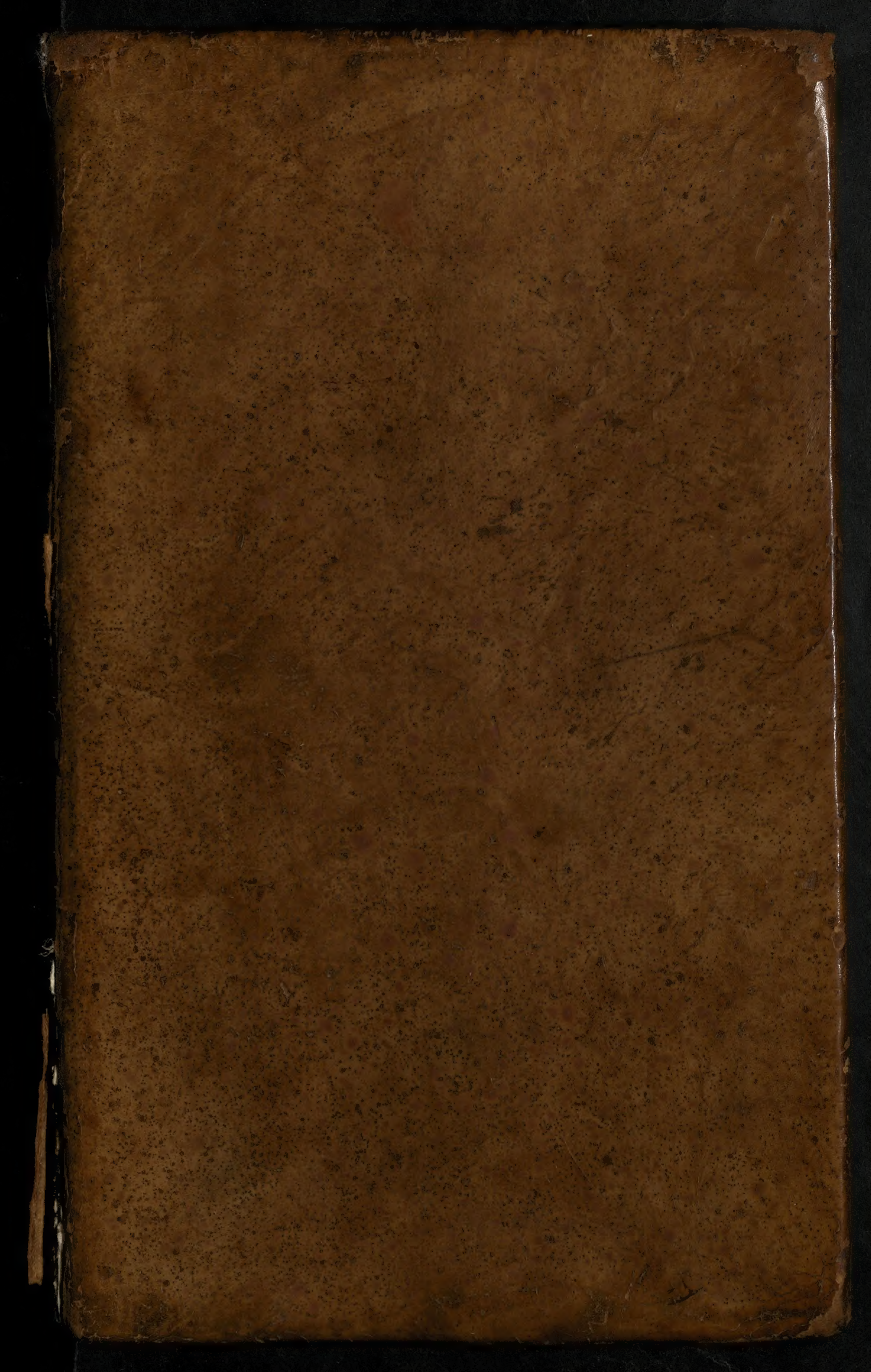
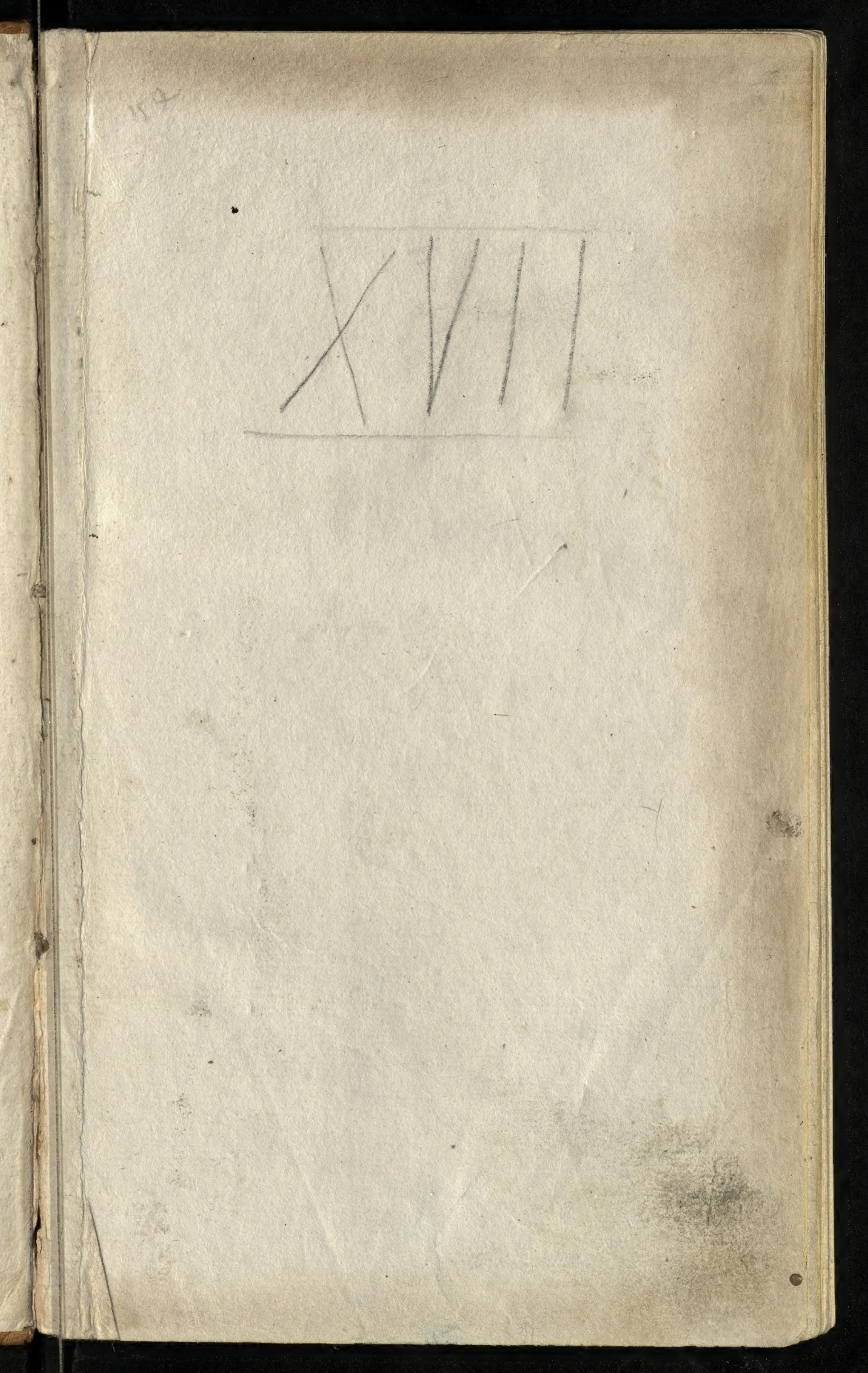
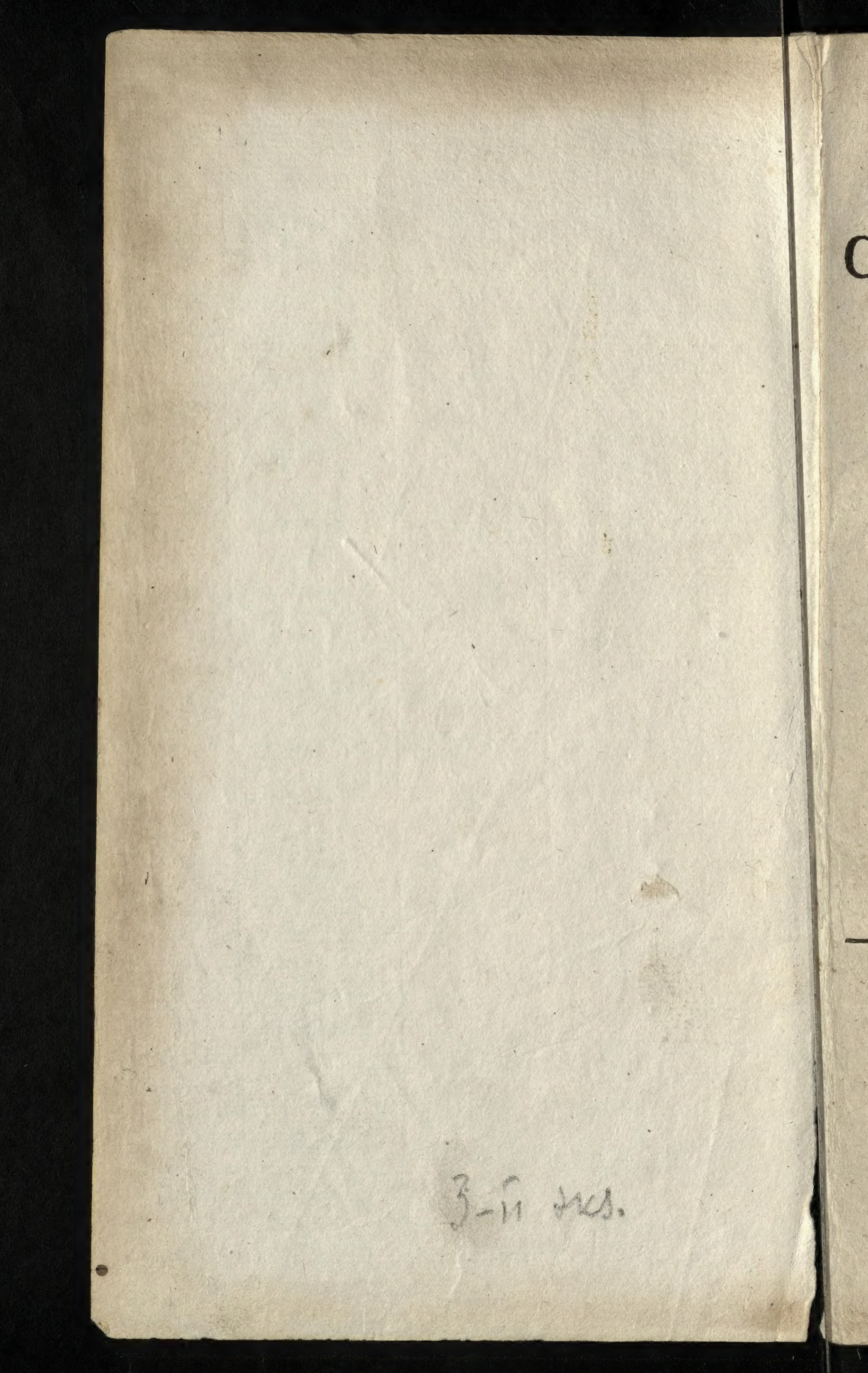

XVII

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА,

ЕПИСКОПА ИППОНІЙСКАГО.

Часть II.

МОСКВА.
ВЪ Типографіи Компаніи Типографической,
сЪ Указнаго дозволенія,
1786.

ОГЛАВЛЕНІЕ II ЧАСТИ.

Книга VI.

Книга VII.

Книга VIII.

Книга IX.

Глава

Стран.

Книга X.

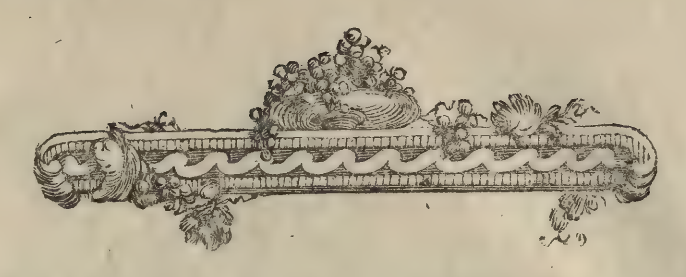
Книга XI.

Стран.

Стран.

КНИГА XII.

Глава

БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА, ИППОНІЙСКАГО ЕПИСКОПА,

КЪ МАРКЕЛЛИНУ

О градѣ Божіемъ.

КНИГА IV.

Глава первая.

О тѣхъ, которые говорятъ, что они боговъ почитаютъ не ради настоящей жизни, но ради вѣчной.

Въ первыхъ пяти книгахъ довольно кажется я тѣхъ опровергъ, которые многихъ и ложныхъ боговъ, кои не болѣе что составляютъ, какъ безполезные кумиры, или нечистыхъ духовъ и пагубныхъ бѣсовъ, или по крайней мѣрѣ тварь, а не Творца, какъ показываетъ Христіянская истинна, ради выгодъ сего временнаго житія и вещей земныхъ тѣмъ служеніемъ, которое Греки называютъ Латріею, и которое одному истинному Богу прилично, почитаютъ. При всемъ томъ думаю, что для крайнь безумныхъ, или упорныхъ, ни сихъ пяти книгъ, ни другихъ, сколькобъ ихъ числомъ ни было,

будетъ не довольно, когда въ томъ слава безумія поставляется, чтобъ не уступать никакой силѣ истинны къ погибели того, надъ коимъ владычествуетъ толь тяжкій порокъ. Ибо при всемъ попеченіи врача когда болѣзнь не исцѣляется, то не врачу, но неисцѣлимости болѣзни оное приписать должно. А тѣ, которые написанное нами читаютъ или безъ всякаго, или безъ великаго древняго заблужденія упорства, и читанное разсматриваютъ и разсуждаютъ, скажутъ, что мы въ оконченныхъ нами пяти книгахъ больше написали, нежели сколько требовала въ отвѣтъ нужда; и всю ненависть, которой достойнымъ тщатся учинить Христіянское благочестіе невѣжи по причинѣ сея жизни нещастій, бѣдствій, перемѣнъ, совсѣмъ несправедливою, здравому разуму несовмѣстною, наполненною легкомысленнаго безразсудства и погибельной дерзости почтутъ, хотя ученые люди нѣкоторые не только притворяются о точности того незнающими, но и въ противность своей совѣсти невѣжамъ въ томъ способствуютъ. И такъ теперь, какъ обѣщанный мною порядокъ и планъ того требуетъ, отразить и наставить должно тѣхъ, которые говорятъ, что боговъ языческихъ, коихъ Христіянское благочестіе разрушаетъ, почитать должно не ради выгодъ сей жизни, но ради оной, которая по смерти быть имѣетъ. Я за благо разсудилъ начать сіе неложнымъ словомъ святаго Пророка Давида:

Бла-

Блаженъ, ему же Господь Богъ (1) его упованіе его, и не призрѣ въ суеты и неистовленія ложная. При всемъ томъ въ сихъ суетахъ и безумствахъ сноснѣе мнѣ кажется слушать философовъ, коимъ отвратительными стали сіи мнѣнія и заблужденія народовъ, которые кумиры мнимыхъ боговъ поставили, много ложнаго и недостойнаго или вымыслили, или вымышленнаго приняли, и принятое совокупили съ ихъ почитаніемъ и обрядами священнослуженій. И такъ съ философами, которые хотя несвободно проповѣдывали (2) о томъ, но тайно въ словопрѣніяхъ, какъ бы сквозь зубы шепча, охуждающими народныя поступки себя показывали, приличнѣе сей вопросъ разобрать надлежитъ, единаго ли Бога, который сотворилъ духовную и тѣлесную тварь, ради жизни, которая послѣ смерти быть имѣетъ, почитать должно; или многихъ, которые отъ Него созданы будучи (3), въ горнихъ мѣстахъ поставлены, какъ нѣкоторые непослѣдніе философы думали? Но кто можетъ снести рѣчи, или словопрѣнія, аки бы тѣ боги, о коихъ, хотя не о всѣхъ, въ четвертой книгѣ я упоминалъ, коимъ препоручены малыя должности и самыя мѣлочи, жизнь вѣчную даровать въ состояніи? Или оные искусные и острые люди, которые за славу себѣ почитаютъ, что для памяти написали, дабы всякой зналъ, для чего которому богу молиться и что отъ каждаго бога особенно просить должно, дабы кто по не-

осторожности не попросилъ отъ Бахуса воды и у Нимфъ вина, могутъ сдѣлать, чтобы какой либо человѣкъ, молящійся богамъ безсмертнымъ, когда попроситъ у Нимфъ вина, и онѣ ему отвѣчали бы: мы не имѣемъ вина, объ этомъ проси Либера, или Бахуса, могъ не лишившись ума сказать: естьли вина не имѣете, то даруйте мнѣ жизнь вѣчную? Что сего безразсуднѣе? Не дадутъ ли Нимфы смѣясь (ибо онѣ смѣяться охотницы) такого отвѣта: о человѣче! не уже ли ты думаешь, что мы во власти имѣемъ вѣчную жизнь, когда слышишь, что мы не имѣемъ и виноградной лозы? И такъ крайняго безумія знакомъ есть отъ таковыхъ боговъ надѣяться вѣчной жизни, которые сея бѣдственныя жизни и всего къ продолженію и подкрѣпленію оной служащаго такъ каждыя мѣлкости, по мнѣнію язычниковъ, каждый въ своей власти имѣетъ, что просить у одного того, что не подъ его состоитъ властію, великимъ почитается безразсудствомъ. И такъ какому богу, или богинѣ, и для чего молиться, и сколько дѣлъ каждаго бога касается, коихъ поставили народы: оное ученые люди изобрѣли и для памяти потомкамъ на письмѣ оставили, что, на примѣръ, просить у Вулкана, что у Нимфъ, что у Либера и прочихъ, о коихъ я частію упомянулъ въ четвертой книгѣ, частію за благо разсудилъ оставить. Почему ежели не малой составляетъ проступокъ просить у Цереры вина, у Либера хлѣба, у Вулкана воды,

у Нимфъ огня: то не большее ли безуміе есть, естьлибъ кто коему либо изъ сихъ боговъ сталъ молиться о жизни вѣчной? Чего для, когда мы выше сего разсуждали о царствѣ земномъ, которые бы боги, или богини могли оное людямъ даровать, то разобравъ все, совсѣмъ отъ разума удаленнымъ показали и истинны думать, что какой либо богъ, или богиня изъ толь многихъ ложныхъ боговъ, царства земная даруетъ и уставляетъ: то не крайняго ли нечестія знакомъ будетъ вѣрить, что жизнь вѣчная, которая безъ всякаго сомнѣнія и сравненія предпочтена быть должна всѣмъ государствамъ, отъ коего либо изъ числа боговъ дается? Ибо не потому, показали мы, боги не могутъ дать царства, понеже они велики и по природѣ своей высоки, а царство есть нѣчто низкое, такъ что недостойно о томъ пещися ихъ величеству; но что боги суть дѣйствительно таковыми, что они не въ состояніи ничего таковаго учинить. Такимъ образомъ когда, какъ въ положенныхъ предъ сею двухъ книгахъ мы показали, ни одинъ богъ изъ толь великой толпы или мѣлкихъ, или большихъ боговъ, не можетъ временнаго царства смертнымъ даровать, то какимъ образомъ изъ смертныхъ безсмертными въ силахъ будетъ учинить? Притомъ когда мы говоримъ противъ тѣхъ, кои утверждаютъ, что боговъ почитать должно не ради выгодъ настоящей жизни, но ради той, которая по смерти быть имѣетъ: то не для

шого почитать ихЪ не надлежитЪ, что ихЪ власти не истинна, но безумное мнѣніе приписываетЪ частное и какЪ бы отдѣленное, какЪ вѣрятЪ тѣ, которые почтеніе боговЪ нужнымЪ для выгодЪ сея жизни поставляютЪ, противЪ коихЪ вышеписанными пятьми книгами довольно отвѣтствовано. КогдажЪ такЪ, естьлибЪ у тѣхЪ людей, кои богиню молодости почитаютЪ, у всѣхЪ, или нѣкоторыхЪ долговременнѣе процвѣталЪ оный возрастЪ; также естьлибЪ презрители оной богини, не проживЪ молодости, умирали, или вЪ молодости вдругЪ состарѣвались; естьлибЪ подобно богиня Фортуна бородатая почитателей своихЪ красивою одаряла бородою, а презрителей своихЪ дѣлала безбородыми, или рѣдкобородыми и безобразными: то и тогда бы сказали мы, что сіи богини вЪ своихЪ должностяхЪ крайнѣ ограничены, и тѣмЪ самимЪ ни отЪ богини молодости не стали бы просить жизни вѣчной, когда она не вЪ состояніи послѣдней сдѣлать вещи, то есть дать бороды, ни отЪ Фортуны бородатой не стали бы требовать какого либо добра послѣ смерти, когда власти ея и вЪ сей жизни никакой не примѣчается, кромѣ того, что она одаряетЪ бородою. И такЪ когда почитаніе сихЪ богинь ни для того самаго, что власти ихЪ присвояется, не нужно: понеже многіе, почитающіе богиню молодости, не проживЪ молодыхЪ лѣтЪ, лишились жизни, и многіе не почитающіе имѣютЪ тѣлесную крѣпость,

пость, также многіе молившіеся Фортунѣ бородатой или никакой, или безобразную получили бороду, и тѣ самые ради бороды почитающіе оную отъ другихъ бородачей пересмѣхаемы бываютъ. Такъ ли безумствуютъ люди, что познавая почитаніе боговъ ни мало неслужащимъ къ временному и скоро преходящему добру, да еще и смѣха достойнымъ, думаютъ, что для полученія будущей вѣчной жизни оное пособствуетъ? Сего, что аки бы боги могутъ жизнь вѣчную даровать, и тѣ не дерзали говорить, кои богамъ временныя ихъ дѣйствія и должности, поелику крайнѣ многихъ признавали, раздѣлили.

Глава вторая.

Какихъ мыслей былъ Варронъ о богахъ языческихъ, коихъ и родословіе и священнослуженія описалъ таковыми, что почтительнѣе для боговъ было бы, ежели бы онъ объ ономъ умолчалъ.

Кто Марка Варрона сіе любопытнѣе изслѣдывалъ? кто лучше нашелъ? кто тщательнѣе разсуждалъ? кто остроумнѣе различалъ? кто старательнѣе и совершеннѣе описалъ? который хотя не весьма былъ краснорѣчивъ, однако во всякой наукѣ искусенъ, которыя мы называемъ свѣтскими, а они свободными, такъ что желающему знать множество вещей столькожъ долженъ нравиться Варронъ, сколько хотящему научиться кра-

сотъ словъ Цицеронъ. Да и самъ Туллій такъ о немъ свидѣтельствуетъ въ книгахъ Академическихъ, въ коихъ объявляетъ, что то словопрѣніе, о коемъ въ оныхъ предлагаетъ, имѣлъ онъ съ Маркомъ Варрономъ, человѣкомъ наиострѣйшимъ. Не говоритъ: человѣкомъ краснорѣчивѣйшимъ, понеже онъ въ самомъ дѣлѣ былъ не таковъ; но изъ всѣхъ острѣйшимъ. И въ оныхъ книгахъ, когда обо всемъ сомнѣвался, приложилъ однако безъ всякаго сомнѣнія ученѣйшимъ. Конечно онъ такъ былъ увѣренъ, что оставилъ всякое сомнѣніе, которое во всякихъ вещахъ употреблялъ; и для того-то защищать намѣревая сомнѣніе Академиковъ, забылъ въ семъ случаѣ, что онъ Академикъ. Въ первой же книгѣ, когда Варроновы прославлялъ сочиненія, насъ, говоритъ, какъ бы внѣ Рима странствующихъ и заблуждающихъ какъ бы путешественниковъ, книги твои какъ бы въ домъ возвратили, дабы и мы нѣкогда могли познать, кто мы таковы и гдѣ находимся. Ты вѣка отечества, ты описанія временъ, ты священныя права, ты священнослужителей, ты частное и общественное наставленіе, ты зданій, странъ, мѣстъ, ты всѣхъ Божественныхъ и человѣческихъ дѣлъ имена, роды, должности, вины открылъ. Сей-то мужъ толь знаменитый и превосходный въ знаніи, и что о немъ и Терентіанъ въ прекрасномъ стихѣ кратко сказалъ: мужъ наиученѣйшій Варронъ, который столько читалъ,

шалъ, что удивляться должно, какъ ему доставало времени писать; столь многія писалъ (1) сочиненія, что повѣрить не можно, дабы кто столько могъ прочитать; сей-то, говорю, мужъ толь высокій разумомъ и знаніемъ, ежели бы дѣлъ Божественныхъ, о коихъ пишетъ, былъ опровергателемъ и разрушителемъ, и утверждалъ бы, что оныя надлежатъ къ суевѣрію, а не благочестію: то не знаю, можноль бы въ оныхъ книгахъ его найти столько вещей, смѣха, поношенія, презрѣнія и проклятія достойныхъ? Но когда онъ тѣхъ же боговъ почиталъ и почтенія достойными такъ признавалъ, что боялся, какъ въ своихъ сочиненіяхъ пишетъ, дабы оные не отъ набѣговъ непріятельскихъ, но нерадѣніемъ гражданъ не погибли, отъ которой погибели онъ какъ бы отъ бездны оныя свобождаетъ, и поставляетъ за лучшее, ежели оныя въ памяти добрыхъ гражданъ углубятся, и что оное будетъ несравненно полезнѣе, нежели когда Метеллъ отъ пожара исхитилъ священныя вещи Весты, и Эней отъ раззоренія Троянскаго домашнихъ боговъ. Но когда то предлагаетъ потомкамъ, что и невѣжи отринуть должны, и что истиннѣ благочестія почитается враждебнымъ: то что надлежитъ думать намъ о Варронѣ? То, что сей острый и искуснѣйшій мужъ преодолѣнъ былъ своего града обычаемъ и закономъ; и однако не хотѣлъ умолчать, что его побуждало подъ видомъ одобренія благочестія.

Глава третія.

По объясненію Варронову у почитателей боговъ дѣла человѣческія древнѣе, нежели Божественныя.

Признается Варронъ, что для того онъ писалъ о дѣлахъ и вещахъ человѣческихъ прежде, нежели о Божественныхъ, понеже Божественныя уставлены людьми. А причину тому даетъ такую: какъ старше, говоритъ, живописецъ, нежели картина; старше плотникъ, нежели зданіе: такъ древнѣе города и общежительства, нежели то, что оныя уставили. Говоритъ также, что онъ прежде бы сталъ писать о богахъ, а послѣ того о людяхъ, ежели бы о всей природѣ боговъ писать началъ, какъ будто бы здѣсь пишетъ о нѣкоторой только, а не о всей, и будто бы и нѣкоторая природа боговъ не древнѣе должна быть человѣческой. Ибо онъ въ трехъ послѣднихъ книгахъ изъясняя о богахъ вѣдомыхъ и невѣдомыхъ, и отборныхъ, никакой древнѣйшей природы не полагаетъ. Чтожъ такое значитъ, что онъ говоритъ: ежели бы о всей природѣ боговъ и людей онъ началъ писать, то прежде описалъ бы касающееся до боговъ, нежелибъ коснулся людей? Ибо или онъ о всей природѣ боговъ пишетъ, или о нѣкоторой, или ни о какой. Ежели о всей, то конечно предпочесть бы оную надлежало людямъ. Ежели о нѣкоторой, то для чего и оная не предваряетъ человѣческихъ дѣлъ? Не

уже

ужели не стоитъ того, дабы часть нѣкоторая боговъ предпочтена была всей природѣ людей? Ежели не стоитъ того, то по крайней мѣрѣ должна предпочтена быть хотя однимъ Римлянамъ. Ибо онъ книги о дѣлахъ человѣческихъ не до всего свѣта, но касательно писалъ до Римлянъ; которыя однако въ разсужденiи порядка достойно поставляетъ себя предпочетшимъ предъ Божественными, такъ какъ живописца картинѣ, плотника зданiю, ясно признаваясь, что и сiи самыя Божественныя вещи, какъ живопись, какъ зданiе, отъ людей введены. И такъ остается сказать, что онъ писалъ ни о какой, однако не хотѣлъ сказать того откровенно, но оставилъ на разсужденiе разумнымъ. Ибо когда говорится не все, то обыкновенно подразумѣвается нѣкоторое. Но можно разумѣть и ничто, понеже ничто есть ни все, ни нѣчто. Понеже какъ самъ говоритъ: ежелибъ была вся природа боговъ, о коей онъ писалъ, то въ порядкѣ дѣла и вещи Божественныя надлежало бы человѣческимъ предпочесть. Но хотя бы, какъ самая истинна вопiетъ, хотя онъ и молчитъ, и нѣкоторую природу онъ описывалъ, и тогда бы долженствовало предпочесть дѣламъ Римлянъ. И такъ полагаются послѣ. Слѣдовательно оныя Божественныя вещи суть ничто. Ибо въ томъ, что онъ писалъ о дѣлахъ человѣческихъ, послѣдовалъ исторiи; а въ томъ, что о Божественныхъ, однимъ безумнымъ мнѣнiямъ. Сiе-що

са-

самое означаетъ, что онъ хотѣлъ тонкимъ знаменованіемъ показать, не только пиша о богахъ послѣ, но и дая причину, для чего оное сдѣлалъ, о чемъ онъ ежели бы умолчалъ, то можетъ быть инаково другіе его защитили. И въ самой той винѣ, которую предложилъ, никакого никому сомнѣнія не оставилъ, и показалъ, что онъ предпочитаетъ людей предъ ихъ установленіями, а не природу людей боговъ природѣ. И такъ признался онъ, что книги свои писалъ не по правилу истинны, которая принадлежитъ къ природѣ, но о ложности, которая принадлежитъ къ заблужденію. О семъ откровеннѣе на иномъ мѣстѣ сказалъ, которое мы въ книгѣ четвертой предложили, что онъ тогда бы сталъ писать по правилу природы, ежели бы новой основывалъ городъ. А какъ уже онъ жилъ въ древнемъ, то не могъ инаково поступать, какъ только послѣдовать онаго обыкновенію.

Глава четвертая.

О трехъ родахъ богословіи по мнѣнію Варрона, то есть баснословной, природной и гражданской.

Но посмотримъ, оное каково, а имянно, что онъ три рода богословіи полагаетъ: одинъ родъ богословіи называетъ баснословнымъ, другой природнымъ, или физическимъ, третій гражданскимъ. Потомъ говоритъ: миѳиче-

ческимъ, или баснословнымъ называется, которой употребляютъ стихотворцы; физическимъ, которой философы; гражданскимъ, которой народы. Первой, говоритъ, о которомъ я упомянулъ, есть тотъ, въ которомъ много противъ достоинства и природы безсмертныхъ боговъ вымышлено. Въ немъ описывается иной богъ родившимся отъ головы, иной отъ лядвѣй, иной отъ каплей крови. Въ ономъ также изъясняется, какимъ образомъ нѣкоторые боги воровали, прелюбодѣйствовали, служили вмѣсто рабовъ людямъ. Въ ономъ то приписывается богамъ, что никакому человѣку, кромѣ безчестнаго, не приличествуетъ. Здѣсь сколько могъ, сколько въ немъ было смѣлости, сколько почиталъ недостойнымъ казни, показалъ ясно, сколь великая учинена обида богамъ лживѣйшими баснями. Ибо онъ говорилъ не о богословіи природной, ни о гражданской, но о баснословной, которую охуждать позволительнымъ для себя дѣломъ почиталъ. Посмотримъ же, что онъ о другой богословіи говоритъ. Другой, сказываетъ, родъ (1) богословіи, какъ я показалъ, о которомъ многія книги философы сочинили и оставили, въ коихъ изъясняется, кто таковы боги, гдѣ они находятся, какой ихъ родъ, съ коего времени богами быть начали, или были они отъ вѣка, или родились отъ огня, какъ думалъ Ираклитъ (2); или отъ чиселъ, какъ Пиѳагоръ (3) почиталъ; или изъ атомовъ, или недѣлимыхъ частей,

какъ

какъ поставлялъ Епикуръ (4). Такъ и прочее, которое сноснѣе въ училищахъ, нежели въ народѣ произносимо и разсуждаемо бываетъ. Ничего въ семъ родѣ не охуждалъ, который физическимъ назвалъ, и принадлежитъ къ философамъ. При всемъ томъ не пропустилъ упомянуть о раздорѣ философовъ, кои составили своимъ несогласіемъ множество сектъ. Однако сей родъ богословіи удалилъ отъ народа, и заключилъ въ однѣхъ стѣнахъ училищъ. А оной родъ богословіи ложной и мерзской отъ городовъ не удалилъ. Благочестивыя уши народовъ, а наипаче Римскаго, что о богахъ безсмертныхъ философы говорятъ, того снести не могутъ; а что стихотворцы бредятъ и актеры представляютъ, хотя противъ природы безсмертныхъ боговъ оное вымышлено, хотя оное кромѣ наиподлѣйшаго человѣка, никому приличествовать не можетъ, не только сносятъ, но и охотно слушаютъ! И не только то, но думаютъ, что и богамъ то угодно, и что боговъ чрезъ то умилостивлять должно. --- Посмотримъ же, какимъ образомъ изъясняетъ онъ о родѣ богословіи гражданской. Я понимаю, для чего надлежитъ различить баснословный родъ богословіи; понеже онъ ложенъ, понеже мерзокъ, понеже боговъ не достоинъ. Дѣлать же раздѣленіе между естественнымъ родомъ и гражданскимъ богословіи что иное есть, какъ утверждать, что и самой гражданскій есть ложный? Ибо ежели оный есть природный,

то

то что имѣетъ въ себѣ достойнаго охужденія, дабы его отвергать? Ежели сей, который называется гражданскимъ, не есть природный, то что особенное въ себѣ заключаетъ, дабы его принимать? Сія-то самая была вина, для чего онъ писалъ прежде о человѣческихъ, а послѣ того о Божественныхъ вещахъ; понеже онъ въ Божественныхъ не природѣ боговъ, но установленіямъ человѣческимъ послѣдовалъ. Разсмотримъ же и гражданскую богословію. Третій, говоритъ, богословіи родъ есть, который въ городахъ граждане, а наипаче жрецы знать должны. Въономъ заключается, какихъ боговъ общенародно почитать, какія священнослуженія и жертвоприношенія отправлять надлежитъ. Послушаемъ же, что онъ далѣе говоритъ. Первая, сказываетъ, богословія употребляется и приличествуетъ ѳеатру, вторая касается до міра, третія до города. Кто здѣсь не видитъ, которой преимущество отдалъ? Всѣ непремѣнно второй, которую онъ присвоилъ философамъ. Ибо онъ свидѣтельствуетъ, что она принадлежитъ къ міру, котораго ничего въ вещахъ превосходнѣйшимъ не почитаютъ. Двѣ же оныя богословіи, первую и третію, то есть ѳеатральную и гражданскую, различилъ и раздѣлилъ. Понеже видимъ, что не все гражданское принадлежитъ къ міру, хотя города состоятъ въ мірѣ; ибо статься можетъ, что по ложному мнѣнію то почитаемо и вѣруемо бываетъ въ городѣ, что ни въ мірѣ, ни внѣ міра не существуетъ.

Гдѣ

Гдѣ же ѳеатрЪ, какЪ не вЪ городѣ? Кто ѳеатрЪ устроилЪ, ежели не городЪ? Для чего устроилЪ, ежели не для игрЪ? Для чего же игры, естьли не для отправленія дѣлЪ Божественныхъ, и коихЪ толь великія сочиняются книги?

Глава пятая.

О богословіи баснословной и гражданской противЪ Варрона.

О МаркЪ ВарронЪ, человѣкЪ изЪ всѣхЪ наиострѣйшій и безЪ всякаго сомнѣнія наиученѣйшій, однако человѣкЪ, а не БогЪ, ни ДухомЪ БожіимЪ кЪ зрѣнію и возвѣщенію вещей БожественныхЪ на истинну и свободу наставленный! безспорно ты чувствуешь, что Божественныя вещи отЪ вздоровЪ и лжи человѣческой отличать должно, но развращенныя народовЪ мнѣнія и обыкновенія вЪ общественныхЪ суевѣріяхЪ страшишься раздражить, которыя удалены отЪ природы таковыхЪ боговЪ, какихЪ сего міра вЪ стихіяхЪ человѣческое скудоуміе поставляетЪ. Что вЪ семЪ случаѣ сдѣлать можетЪ человѣческій, хотябЪ наипревосходнѣйшій, разумЪ? Какую тебѣ великое и многовидное человѣческое ученіе подаетЪ здѣсь помощь? Ты природныхЪ боговЪ почитать желаешь, однако градскихЪ почитать принужденЪ. Ты нашелЪ ложныхЪ боговЪ, и говоришь о нихЪ свободно, что разумЪ тебѣ внушаетЪ; но градскихЪ, хотябЪ хо-

хотѣлъ ты, хотя нѣтъ, оскорбить не можешь. Ты сказываешь, что боги баснословные принадлежатъ къ ѳеатру, природные къ міру, градскіе къ городу. Когда міръ есть дѣло Божіе, ѳеатры же суть дѣла человѣческія. И не инымъ богамъ люди смѣются въ ѳеатрахъ, какъ тѣмъ, коихъ почитаютъ въ храмахъ; не иныхъ въ честь вы представляете игры, какъ тѣхъ, коимъ приносите жертвы. Сколь бы лучше и тончае могъ ты раздѣлить боговъ, сказавъ, что иные суть природные, другіе людьми обоготворенные! Но о установленіяхъ человѣческихъ иное содержатъ писанія стихотворцовъ, другое жрецовъ; однако такъ оныя въ разсужденіи сходства лжи между собою совокуплены, что обоихъ мнѣнія злымъ духамъ пріятны, которые ненавидятъ ученія правды. И такъ, оставивъ на время природную богословію, о которой послѣ имѣемъ говорить, спросимъ теперь, могутъ ли они просить и надѣяться жизни вѣчной отъ боговъ, стихотворцами описываемыхъ, ѳеатральныхъ, играми почитаемыхъ? Никакъ; не дай Богъ, дабы они въ толь великое и святотатское впали безуміе. Какъ можно отъ таковыхъ боговъ просить жизни вѣчной, коимъ таковыя дѣла угодны, которыя тѣмъ умилостивляемы бываютъ, когда ихъ беззаконія представляются? Никто, я думаю, до таковаго неистовства нечестія не доходитъ. Слѣдовательно ни помощію баснословной, ни гражданской богословіи, никто не

получаетъ жизни вѣчной; ибо оная разсѣваетъ о богахъ мерзскіе вымыслы, а сія пожинаетъ. Оная распускаетъ лжи, а сія собираетъ. Оная смѣшиваетъ беззаконія съ Божественными вещами, сія оныхъ беззаконій наполненныя игры принимаетъ. Оная о богахъ гнусные пороки вымысливъ, произноситъ человѣческими стихами, а сія тожъ самое тѣмъ же богамъ въ празднества отправляетъ. Оная воспѣваетъ преступленія и злодѣянія боговъ, а сія то любитъ. Оная издаетъ, или вымышляетъ, а сія одобряетъ какъ истинное, или увеселяется ложнымъ. Обѣ мерзски, обѣ отверженія достойны. Но ѳеатральная общественную мерзость предлагаетъ, а сія ея мерзостію украшается. Отсюда ли жизни вѣчной надѣяться можно, гдѣ краткая сія и временная жизнь оскверняется? Не уже ли только оскверняетъ житіе сообщество съ непотребными людьми, ежели кто себя препоручитъ склонностямъ и желаніямъ ихъ, а не оскверняется жизнь отъ сообщества съ бѣсами, которые почитаются беззаконіями своими? Которые ежели справедливы, то сколь они злы! Ежели ложны, то сколь почитаются худо! Сіе когда мы говоримъ, то можетъ быть сыщется кто либо изъ несмысленныхъ, который скажетъ, что то одно недостойно величества боговъ, что стихотворцы описываютъ въ стихахъ, и что отправляется въ ѳеатральныхъ играхъ; напротивъ священнослуженія, которыя не актеры,

ры, но жрецы отправляютъ, чисты и удалены отъ всякой непристойности. Сіе ежели бы такъ было, то никтобъ за нужное не почелъ ѳеатральныя гнусности въ честь имъ отправлять, да и боги сами не требовали бы, дабы оное было имъ представляемо. Но для того изъ повиновенія къ богамъ не зазираютъ себя таковое въ ѳеатрахъ представлять, понеже равное отправляется въ храмахъ. Наконецъ помянутый писатель, когда гражданскую богословію отъ баснословной и природной третіею хотѣлъ сдѣлать, то только растворилъ оную, а не раздѣлилъ; ибо говоритъ: то, что *стихотворцы пишутъ*, не стоитъ того, дабы *народы оному слѣдовали*; а что философы, оное больше, нежели чтобъ простой народъ въ испытаніе того входить съ пользою могъ, изъ коихъ хотя одно отъ другаго различествуетъ, однако не мало изъ оныхъ заимствовано къ благоустройству городовъ. Чего для мы о общемъ съ стихотворцами купно съ гражданскими опишемъ. При всемъ томъ болѣе общества имѣть мы должны съ философами, нежели съ стихотворцами; слѣдовательно не совсѣмъ не должны. Однако на другомъ мѣстѣ признается о рожденіи боговъ, что народъ наипаче уклонился въ слѣдъ стихотворцовъ, нежели физиковъ. Здѣсь изъяснился онъ, какъ быть должно, а тамъ, какъ бываетъ. Физики, говоритъ, писали ради пользы, а стихотворцы ради забавы. И потому народъ не долженъ

послѣдовать написанному отъ стихотворцовъ; понеже въ томъ заключаются преступленія и пороки боговъ, которые однако и боговъ и людей увеселяютъ. Ради забавы, говоритъ, стихотворцы пишутъ, а не ради пользы; однако то пишутъ, чего боги требуютъ, а народъ отправляетъ.

Глава шестая.

О сходствѣ и связи баснословной и гражданской богословіи.

И такъ относится къ богословіи гражданской богословія баснословная, ѳеатральная, мерзости наполненная. И сія вся охужденія и отверженія достойная часть есть той, которую признаваютъ необходимо потребною, да и часть приличная, какъ я намѣренъ показать, и не такая, которая, будучи удалена отъ цѣлаго тѣла, непристойно соединена, но связана такъ, какъ того же тѣла членъ; ибо что иное означаютъ оныя изображенія лица, лѣта, полъ и одежда боговъ? Не уже ли Юпитеръ бородатой и безбородый Меркурій у однихъ стихотворцовъ, а не равно и у первосвященниковъ? Не уже ли Пріапу одни актеры, а не купно и жрецы ужасный дѣтородный удъ присвоили? Не уже ли инаково онъ отстоитъ, когда ему покланяются, и инаково, когда ему насмѣхаются въ ѳеатрахъ? Не уже ли только, когда Сатурна старикомъ (1), Аполлона юношею пред-

представляютЪ, актеры одни лице таковое на себя принимаютЪ, а ваянія ихЪ иное означаютЪ? Для чего ФоркулЪ, богЪ дверей, и ЛиментинЪ, богЪ порога, суть богами мужескаго рода, а между оными Кардеа женскаго, которая хранитЪ крюкЪ? Не вЪ священныхЪ ли сіе находится у нихЪ книгахЪ, что важные стихотворцы недостойнымЪ судили внесть вЪ свои стихи? Не уже ли Діана вЪ ѳеатрѢ представляется носящею оружіе (2), а вЪ городѢ просто она дѢвицею? Не уже ли только вЪ ѳеатрѢ АполлонЪ гуслистЪ, а вЪ ДельѳахЪ вЪ ономЪ искусствѢ не упражняется? Но сіе честнѢйшее есть вЪ сравненіи сЪ гнуснѢйшимЪ. КакихЪ были мыслей о ЮпитерѢ, которые кормилицу его вЪ Капитоліи поставили? Не засвидѢтельствовали ли симЪ купно сЪ ЕвемеромЪ (3), который не баснословно написалЪ, что всѢ таковые боги были люди смертные? Также тѢ, кои поставили нѢсколько человѢкЪ пріуготовляющихЪ пиры для боговЪ, что иное хотѢли представить, какЪ только что таковыя священнослуженія безумны? Ежели бы сказалЪ актерЪ, что при ЮпитеровомЪ столѢ находятся прихлебатели (4), то подумалЪ бы иной, что онЪ смѢхЪ одинЪ произвесть хочетЪ; но нѢтЪ, ВарронЪ сказалЪ, да и сказалЪ тогда, когда не насмѢхался богамЪ, но выхвалялЪ оныхЪ. Сіе содержится вЪ книгахЪ БожественныхЪ, а не человѢческихЪ дѢлЪ. И притомЪ написалЪ сіе ВарронЪ не вЪ томЪ мѢстѢ, гдѢ изЪяснялЪ ѳеатральныя игры, но

гдѣ права Капитолинскія открывалъ. Наконецъ признается, что какъ люди боговъ въ своемъ видѣ изобразили, такъ боги увеселяются тѣмъ, что дѣлаетъ людямъ удовольствіе; ибо злые духи съ своей стороны не пропускали сіи заразительныя мнѣнія, играя человѣческими мыслями, утверждать. Отсюдато и оное произошло (5), какъ сказываютъ; сторожъ Ираклієва храма, будучи въ праздности и не имѣя никакой работы, игралъ одинъ въ шашки одною рукою съ одной стороны за себя, съ другой другою, за Ираклія, или Геркулеса, съ тѣмъ условіемъ, что ежели онъ выиграетъ, то бы изъ доходовъ храма Ираклієва невозбранно ему было изготовить ужинъ и привесть къ себѣ полюбовницу. Ежелижъ выиграетъ Ираклій, то онъ для Ираклія тожъ самое приготовитъ изъ своихъ денегъ. Наконецъ, самъ отъ себя какъ бы отъ Ираклія побѣжденъ будучи, по договору приготовилъ великолѣпный ужинъ, и славную блудницу привелъ для бога Ираклія Лаврентину (6), которая когда спала въ храмѣ, то казалось ей, что Ираклій съ нею имѣлъ опытъ любовный, и сказалъ ей, что она награжденіе получитъ отъ того юноши, который, какъ она поутру изъ храма пойдетъ, попадется ей на встрѣчу. Такимъ образомъ когда она изъ храма пошла, то повстрѣчался съ нею Тарутій, юноша богатый, который съ виду ее полюбивъ, взялъ съ собою, и содержавъ весьма долго у себя, и оставивъ ее наслѣдницею, умеръ. Она же,

полу-

получивъ великое богатство, дабы не остаться къ богу Ираклію неблагодарною за такое награжденіе, и щитая, что богамъ сдѣлаетъ угодное, наслѣдникомъ имѣнія оставила народъ Римскій, и какъ она невѣдомо куда пропала, то найдена одна духовная и имѣніе. И такимъ-то сказываютъ способомъ достигла она чести Божественной. Сіе ежели бы вымыслили стихотворцы, ежели бы представляли актеры, то можнобъ было подумать, что оное безъ сомнѣнія принадлежитъ къ баснословной богословіи, и что должно оное отдѣлить отъ изящества богословіи гражданской. Но когда таковыя гнусности не стихотворцовъ, но народовъ; не актеровъ, но священнослужителей; не ѳеатровъ, но храмовъ, то есть не баснословной, но гражданской богословіи, какъ толь важный свидѣтельствуетъ писатель: то не напрасно актеры представляютъ боговъ мерзости, но напрасно жрецы тщатся доказать небывалую непорочность своихъ боговъ. Священнослуженіе отправляется Юнонѣ въ любимомъ ей островѣ Самосѣ (7), гдѣ она въ замужство за Юпитера вышла; священнослуженіе Церерѣ, гдѣ похищенная Плутономъ Прозерпина искома бываетъ; священнослуженіе Венерѣ, гдѣ любимаго ей Адониса (8) зубомъ вепря растерзаннаго оплакиваютъ; священнослуженіе матери боговъ, гдѣ по Атисѣ, ей любимомъ, которому она изъ ревнивости женской дѣтородный отрѣзала удъ, самопроизвольнымъ самихъ себя таковымъ же обрѣзаніемъ жрецы,

называемые Галлы, рыдаютъ. Сіе поелику въ самомъ дѣлѣ несравненно мерзостнѣе, нежели ѳеатральныя дѣйствія, то для чего баснословные о богахъ вымыслы стихотворцовъ стараются отдѣлить отъ богословіи гражданской, которая принадлежитъ до города, такъ какъ бы отъ честнаго и достойнаго недостойное и безчестное? И такъ благодарить наипаче должны актеровъ, что они пощадили людскія очи, и не все въ зрѣлищахъ открыли, что въ священныхъ скрывается храмахъ. Какимъ образомъ будемъ мы хорошія имѣть мысли о ихъ священнослуженіяхъ, кои скрыты, когда толь мерзостны оныя, кои въ народѣ отправляются? И такъ пускай они сами осмотрятся, что дѣлаютъ чрезъ своихъ обрѣзанныхъ и распустныхъ. Однако они тѣхъ же самыхъ людей, нещастно и мерзко обезсиленныхъ, никакъ скрыть не могли. Пускай кого хотятъ увѣряютъ, что они нѣчто добродѣтельное дѣлаютъ чрезъ таковыхъ людей, о коихъ сказать не могутъ, аки бы при ихъ священнослуженіяхъ оные не обращаются. Мы не знаемъ, что они дѣлаютъ, но то вѣдаемъ, чрезъ какихъ дѣлаютъ. Знаемъ же, что дѣлается въ ѳеатрѣ то, чего не дѣлается и въ собраніи блудницъ, куда никакой обрѣзанной и распустной не входитъ; и однако то самое дѣлаютъ гнусные и мерзскіе, ибо не можно было, дабы оное дѣлали честные. Такъ каковы же тѣ священнослуженія, къ отправленію коихъ таковыхъ избра-

брала святыня, каковыхъ и театральная не допускаетъ мерзость?

Глава седьмая.

О изъясненіи природныхъ причинъ, которыя вмѣсто боговъ своихъ языческіе учители тщатся предлагать.

Но имѣетъ все сіе, говорятъ, физіологическія нѣкоторыя, то есть природныхъ причинъ изъясненія, какъ будто бы мы въ семъ словопрѣніи разсуждаемъ о физіологіи, а не о богословіи, то есть не о Богѣ, но о природѣ; ибо истинный Богъ хотя не по мнѣнію, но по природѣ есть Богъ, однако не всякая природа Богъ, понеже и человѣкъ и скотъ и древо и камень природу имѣютъ, однако они не боги. Ежели же изъясненія сего, когда говоримъ о священнослуженіи матери боговъ, есть главою, что мать боговъ есть земля, то что искать, что болѣе испытывать? Не ясно ли сіе подтверждаютъ повѣсти тѣхъ людей, которые говорили, что всѣ сіи боги были люди? Ибо очевидно, что они земные, когда земля есть ихъ матерію. Въ истинной же богословіи земля есть твореніе Божіе, а не мать. Но какъ бы ни изъясняли священнослуженіе матери боговъ, и какъ бы ни относили оное къ природѣ; однако чтобъ мужамъ терпѣть тожъ, что терпятъ жены (1), не есть по природѣ, но противъ природы. Сіе преступленіе, сія зараза, сіе беззаконіе при

священнослуженіи неистовствуетЪ, вЪ семЪ развращенные подЪ наказаніемЪ признаться не хотятЪ. ПритомЪ ежели сіи священнослуженія вЪ разсужденіи мерзости актеровЪ открываются скверными, и тѣмЪ только извиняемы и оправдаемы бываютЪ, что оныя имѣютЪ свои изъясненія, коими показывается природа вещей: то для чего и стихотворцовЪ тѣмЪ же не извинять и не оправдать? Ибо и они много такимЪ же образомЪ толковали, такЪ что и самое варварское и наинепотребное дѣло Сатурново, который поядалЪ своихЪ дѣтей, такимЪ образомЪ протолковали: чрезЪ Сатурна, говорили, разумѣется долгота времени, которая все собою раждаемое истребляетЪ; или какЪ тотЪ же ВарронЪ думаетЪ, что СатурнЪ означаетЪ сѣмена, которыя паки падаютЪ на землю, отЪ которой родились; и другіе инако, подобно и прочее. При всемЪ томЪ сіе называется баснословною богословіею, и со всѣми своими таковыми толкованіями охуждается, поносима бываетЪ и отвергается, и не только отЪ природной философамЪ свойственной, но и отЪ гражданской, о коей мы теперь говоримЪ, и народной тѣмЪ, что недостойное вымыслила, такЪ какЪ отверженія достойная отличается. Я думаю сЪ тѣмЪ намѣреніемЪ, понеже острые и ученѣйшіе люди, которые сіе написали, обѣ отверженія достойными почитали, и баснословную и гражданскую. Но баснословную охуждать могли, гражданской не смѣли. Одну для

для охужденія описывали, другую ей подобную снискивали, не съ тѣмъ, дабы сію избрать, но что оная отверженія достойна, дать знать, дабы безбѣдственно тѣ, которые боялись богословію гражданскую, презрѣвъ обѣ, позволили имѣть природной въ сердцахъ разумныхъ людей мѣсто; ибо и гражданская и баснословная обѣ баснословны, и обѣ гражданскія. Обѣ баснословными примѣтитъ ихъ тотъ, которой разсмотритъ обѣихъ безуміе и мерзости. Обѣ гражданскими признаетъ, который разберетъ ѳеатральныя игры, принадлежащія къ баснословной во время празднествъ боговъ, и въ городахъ при священнослуженіяхъ *отправляемыя*. Какимъ же образомъ сказать можно, что какой либо богъ изъ числа сихъ имѣетъ власть даровать вѣчную жизнь, о коихъ изображенія и священнослуженія ихъ доказываютъ, что они въ разсужденіи видовъ, возраста, пола, одежды, браковъ, родовъ, обрядовъ, были люди, и что или по причинѣ ихъ житія и смерти священнослуженія имъ уставлены и празднества; или внушеніемъ и одобреніемъ злыхъ духовъ, взятымъ отъ какого либо случая, для прельщенія человѣческихъ умовъ таковыя введены заблужденія?

Глава

Глава осьмая.

О должностяхъ каждаго изъ боговъ.

Что самыя боговъ должности, толь подло и дробно раздѣленныя, по причинѣ коихъ каждому особенно должно молиться, о чемъ мы хотя не обо всемъ, однако много уже говорили, не безуміе ли означаютъ наипаче, нежели приличествуютъ величеству боговъ? Ежели бы къ одному младенцу двухъ кто приставилъ кормилицъ, изъ коихъ одна ничегобъ болѣе не дѣлала, какъ только подавала ему питіе, равно какъ язычники двухъ богинь приставили Едуку и Потину: не сказалиль бы мы, что такой человѣкъ дурачится въ своемъ домѣ и дѣлаетъ похожее на шута? Либеръ, говорятъ, названъ отъ свобожденія, понеже мужи пособіемъ его испустивъ сѣмя свобождаются. Тожъ дѣлаетъ Либерія, которую другіе Венерою почитаютъ, въ женахъ. И для того-то Либеру полагается мужескій удъ въ храмѣ, а Либеріи женскій. Притомъ прилагаютъ, что жены препоручены Либеру, и вино, ради возбужденія сладострастія. Такимъ образомъ Бахусовы празднества съ крайнимъ безуміемъ и неистовствомъ отправляемы были, гдѣ по признанію Варронову то дѣлаемо было, чего, неповрежденный имѣя разумъ, дѣлать не можно. Однако таковыя священнослуженія благоразумному Римскому Сенату не полюбилися, который приказалъ оныя уничтожить. Можетъ быть хо-

хотя въ семъ случаѣ почувствовали Римляне, сколько нечистые духи, почитаемые за боговъ, превращаютъ разумы людскіе; но ежели бы почувствовали, то не было бы подобнаго въ ѳеатрахъ. Правда, играютъ тамъ, а не бѣсятся, однако имѣть такихъ боговъ, которые утѣшаются играми, подобно есть бѣшенству. Сколь же съ разумомъ согласно и оное, когда различаетъ Варронъ благочестиваго отъ суевѣрнаго тѣмъ, что суевѣрный боится боговъ, а благочестивый хотя и боится также, но какъ родителей, а не какъ враговъ; и когда говоритъ, что боги столь благи, что удобнѣе оскорбляющихъ себя прощаютъ, нежели вредъ причиняютъ, однако къ родившей младенца женѣ трехъ боговъ приставляли въ стражи, дабы не пошелъ къ ней ночью богъ Сильванъ и ее не коснулся. А чтобъ означить стражу трехъ оныхъ боговъ, то опредѣляли трехъ человѣкъ, которые бы, ходя по всему дому, посѣщали пороги, и вопервыхъ по онымъ ударяли бы топоромъ, потомъ весломъ, наконецъ мели бы метлою, дабы Сильванъ богъ, чувствуя таковые знаки, не отважился войти. Отъ сихъ трехъ вещей названы три бога: Интерцидона отъ ударенія топоромъ, Пилумнъ (1) отъ весла, Деведра отъ метлы, которые боги стрежа не допускали бога Сильвана, дабы онъ родившей младенца не причинилъ насилія. Изъ сего видно, что противъ наглости злотворнаго бога благіе боги охранить были бы не въ состояніи

ина-

инаково, какЪ только множествомЪ. Сiе ли есть невинностiю боговЪ, сiе ли согласiемЪ? Сiи ли боги хранители градовЪ, которые болѣе смѣха достойны, нежели смѣхотворство стихотворцовЪ и өеатровЪ? Когда мужЪ и жена вЪ бракЪ вступаютЪ, то приставляется кЪ тому богЪ ЮгатинЪ. Пускай такЪ. Но какЪ вЪ домЪ поведутЪ невѣсту, тогда приставляютЪ бога Домидука; (2) чтобЪ она была вЪ домѣ, то бога Домитiя; чтобЪ пребывала сЪ мужемЪ, то богиню Мантурну. На чтобЪ кажется сего болѣе? На что болѣе стыда причинять новобрачнымЪ? Пускай прочее одно вождѣлѣнiе плоти и крови совершаетЪ. Для чего наполняется спальня новобрачныхЪ толпою боговЪ, когда изЪ оной и дружка удаляется? Да и наполняется не сЪ тѣмЪ, дабы новобрачные, воображая присутствiе ихЪ, тщались о цѣломудрiи, но чтобЪ новобрачная, вЪ разсужденiи пола своего немощная и вЪ разсужденiи новости страхомЪ поражаемая, помощiю и содѣйствiемЪ ихЪ удобно лишилась дѣвства. ТутЪ присутствуетЪ богиня ВиргенсисЪ (2) и богЪ отецЪ СубикЪ, и мать богиня Према, и богиня Партунда, Венера и ПрiапЪ (3). КЪ чему столько ихЪ набилось? Ежели бы изнемогалЪ новобрачный, то не довольно ли было бы одного какого либо вЪ помощь бога, или богини? Не уже ли не довольно было бы одной Венеры, которая оттуда и имя получила, что безЪ нее дѣвица дѣвицею быть не престаетЪ? Не стыд-

ноль

ноль по крайней мѣрѣ людямъ, когда не стыдятся боги? Пускай теперь гражданскую богословію отъ баснословной, города отъ ѳеатровъ, храмы отъ зрѣлищъ, священнослуженія жрецовъ отъ сочиненій стихотворческихъ, такъ какъ вещи честныя отъ мерзскихъ, истинныя отъ ложныхъ, важныя отъ подлыхъ, справедливыя отъ забавныхъ, достойныя пріятія отъ недостойныхъ, ежели могутъ, отличаютъ. Мы разумѣемъ, что дѣлаютъ тѣ, которые знаютъ зависимость баснословной богословіи отъ гражданской, и происхожденіе оной отъ стихотворческихъ стиховъ какъ отъ зеркала. И для того изъяснивъ оную, которой охуждать не смѣютъ, изображеніе оной свободнѣе охуждаютъ, дабы, познавъ кто либо ихъ намѣреніе, позналъ купно и лице, коего оный есть образъ; однако боги, видя себя представляемыхъ какъ въ зеркалѣ, любятъ оную столь, чтобъ въ обоихъ лучше быть имъ видимымъ. Почему и почитателей своихъ ужасными прещеніями понудили, дабы непотребство баснословной богословіи имъ посвятили, ихъ въ празднество назначили и въ числѣ Божественныхъ дѣлъ поставляли, и такимъ образомъ и себя самихъ нечистыми духами явственно показали, и сея гражданскія, какъ бы лучшія и избранныя богословіи, ѳеатральную оную, презрѣнія достойную и неодобряемую, частію сдѣлали, дабы, когда она вся непотребная и ложная, и въ себѣ содержитъ вымышленныхъ боговъ,

одна

одна часть ея была въ писаніи жрецовъ, другая въ писаніи стихотворцовъ. Имѣетъ ли же она и другія части, оное составляетъ другій вопросъ. Теперь въ разсужденіи раздѣленія Варронова довольно кажется я показалъ, что гражданская и ѳеатральная одну составляютъ богословію. Почему когда обѣ онѣ суть равныя мерзости, безсмысленности, недостоинства, ложности: не дай Богъ, дабы кто изъ людей чаялъ или отъ той, или другой жизни вѣчной. Потомъ и самъ Варронъ началъ изчислять боговъ, щитая оныхъ отъ Януса, показывая единственно къ человѣку касающихся боговъ, отъ самаго человѣческаго зачатія до старости, и заключилъ богинею Неніею. Потомъ началъ счислять другихъ боговъ, которые не къ самому человѣку принадлежатъ, но къ тому, что необходимо потребно человѣку, какъ-то пищи, одеждѣ и прочему, изъясняя каждаго бога должность, и для чего каждому особенно должно молиться. Однако при всемъ своемъ тщаніи ни одного не показалъ и не именовалъ бога, отъ котораго бы жизни вѣчной просить надлежало, ради которой единственно мы Христіяне живемъ. И такъ ктобъ былъ столь несмысленъ, которой бы не понялъ, что Варронъ, гражданскую богословію тщательно изъясняя и открывая, и оную баснословной подобною показывая, и давая знать, что баснословная богословія есть частію гражданской, хощетъ въ

серд-

сердцахЪ человѣческихЪ дать той мѣсто, которую касающеюся кЪ философамЪ объявилЪ, толь вЪ семЪ случаѣ хитро поступая, что баснословную охуждаетЪ, а гражданскую поелику не смѣлЪ охуждать, открытіемЪ оной представляетЪ оную охужденія достойною, дабы такимЪ образомЪ по охужденіи обѣихЪ одна осталась природная? О сей сЪ помощію Божіею на своемЪ мѣстѣ поговоримЪ.

Глава девятая.

О свободности Сенекиной, которой несравненно болѣе охуждалЪ гражданскую богословію, нежели ВарронЪ баснословную.

Свободность, которой не доставало вЪ Варронѣ, дабы гражданскую богословію, театральной подобную, безЪ боязни охуждать, имѣлЪ Сенека, которой по многимЪ признакамЪ процвѣталЪ во времена нашихЪ АпостоловЪ, хотя и не совсѣмЪ полную; ибо имѣлЪ оную, когда писалЪ, а не когда жилЪ. Понеже вЪ той книгѣ, которую писалЪ противЪ суевѣрія, несравненно жесточае охуждалЪ гражданскую богословію, нежели ВарронЪ баснословную. Ибо когда говорилЪ о ваяніяхЪ и кумирахЪ, такЪ сказалЪ: святыхЪ, безсмертныхЪ и нетлѣнныхЪ боговЪ вЪ веществѣ подломЪ и нечувственномЪ боготворятЪ, представляютЪ ихЪ вЪ одеждахЪ человѣческихЪ, вЪ видѣ звѣрей и рыбЪ, а иныхЪ смѣшанныхЪ поломЪ. Богами такія вещи называютЪ, которыя ежели

бы могли быть живыми, и попались кому изЪ почитателей своихЪ на встрѣчу, то чудовищами почтены былибЪ. ПотомЪ нѣсколько ниже, когда богословію природную превозносилЪ и нѣкоторыхЪ философовЪ мнѣнія разрѣшилЪ, противоположилЪ себѣ вопросЪ, и сказалЪ: вЪ семЪ мѣстѣ скажетЪ кто либо, не уже ли я стану вѣрить, что небо и земля боги, и что выше луны находятся другіе? Не уже ли для меня снoснѣе ПлатонЪ, или ПерипатетикЪ СтратонЪ (1), изЪ коихЪ первый бога зрѣлЪ безЪ тѣла, а другой безЪ разума? И на сіе отвѣтствуя, чтожЪ говоритЪ: не уже ли тебѣ истиннѣйшими кажутся Таціевы, или Ромуловы, или Туллія Остилія сновидѣнія? Клуацину ТитЪ Тацій сдѣлалЪ богинею; Пика и Тиберина богами РомулЪ; Остилій страхЪ и блѣдность, гнусныя человѣческія страсти, изЪ коихЪ первая есть устрашенной мысли движеніе, другая тѣла, не болѣзнь, но цвѣтЪ, или краска. Не уже ли сихЪ богами почтешь и поселишь ихЪ на небѣ? О самыхЪ же обрядахЪ, крайнѣ гнусныхЪ, сколь безбоязненно писалЪ! ОдинЪ, говоритЪ, дѣтородные себѣ отрѣзываетЪ уды, другой сѣчетЪ руки. ВЪ какомЪ случаѣ убоятся боговЪ, которые такимЪ образомЪ ихЪ умилостивляютЪ? БоговЪ же никакЪ почитать не должно, ежели они такого рода почтенія требуютЪ. Толикое есть смущеннаго разума и изгнаннаго сЪ своего мѣста неистовство, что боговЪ умилостивляютЪ такЪ, какЪ по-

чти не поступали изверги человѣческаго рода, описанные въ исторіи, съ своими непріятелями. Тиранны терзали нѣкоторыхъ людей тѣла, но своихъ никому терзать не повелѣвали. Ради сладострастія Царей подѣланы нѣкоторые скопцами; однако никто себя, дабы не быть мужеска пола, по повелѣнію Царей не умерщвлялъ. Сами себя въ храмахъ убиваютъ, раны свои и кровь въ жертву приносятъ. Ежели кому угодно посмотрѣть, что дѣлаютъ и что претерпѣваютъ, то увидитъ столь непристойное честнымъ, столь недостойное свободныхъ, столь несходственное съ разумными, что никакъ сомнѣваться не будетъ, что они ума лишившись неистовствуютъ, естьлибъ только неистовствовали немногіе! Нынѣ же тѣмъ ума лишенными не кажутся, понеже ихъ великая толпа. А то, которое онъ описываетъ дѣлающимся въ Капитоліи и обличаетъ безъ боязни, кто повѣритъ, что дѣлается не въ насмѣшку, или не отъ крайняго безумія? Ибо когда пересмѣялъ то, что въ Египетскихъ священнослуженіяхъ плачутъ люди о потерянномъ Озирисѣ (2) и паки о найденномъ радуются; когда потеряніе его и обрѣтеніе вымышленное, однако печаль и радость тѣми, кои ничего не теряли и не находили, неложно представляется и изображается. Но сему, говоритъ, дурачеству опредѣленное есть время. Сносно однажды въ годъ побезумствовать. Взойди въ Капитолію, то стыдно

будетЪ смотрѣть на обнародываемое безуміе, что тщетное неистовство за долгЪ себѣ почло. ОдинЪ боговЪ богамЪ подвергаетЪ, другой о часахЪ Юпитеру возвѣщаетЪ, иной тамЪ собою представляетЪ пристава, другой помазывающаго, который, по пусту движа плечами, подражаетЪ мажущему; иные Юнонѣ и Минервѣ раскладываютЪ волосы, другіе, не только отЪ кумира, но и отЪ храма стоя далеко, движутЪ персты, на подобіе молящихся; иные держатЪ зеркала, другіе вЪ ходатаи за себя боговЪ призываютЪ; иные подаютЪ богамЪ челобитныя и разсказываютЪ о своихЪ дѣлахЪ. Искусный начальникЪ актеровЪ, по причинѣ старости своей уже будучи неспособнымЪ, каждой день вЪ Капитоліи дѣлалЪ свои опыты, какЪ будто бы боги на него охотно смотрѣли, на котораго люди сЪ удовольствіемЪ смотрѣть перестали. ТамЪ всякаго рода художники, работающіе богамЪ безсмертнымЪ, сидятЪ. И нѣсколько ниже: однако сіи, хотя для излишняго употребленія, обѣщаются всячину дѣлать. СидятЪ также вЪ Капитоліи тѣ, которые думаютЪ, что вЪ нихЪ влюбленЪ ЮпитерЪ, не страшась, ежели вѣрить стихотворцамЪ, гнѣвливой богини Юноны, Юпитеровой супруги. Таковой вольности не имѣлЪ ВарронЪ, который единственно богословію стихотворцовЪ осмѣлился охуждать; но напротивЪ не дерзнулЪ опорочить гражданской, которую Сенека разрушилЪ. Но ежели вникнуть совершен-

шеніе, то храмы, въ коихъ сіе дѣлается, гораздо хуже, нежели театры, гдѣ таковое вымышляемо бываетъ. Почему Сенека для благоразумнаго человѣка такой даетъ совѣтъ, дабы онъ все то не въ благоговѣйномъ духѣ содержалъ, но видъ одинъ показывалъ. Ибо говоритъ: все сіе мудрый сохранитъ какъ законами повелѣнное, а не такъ какъ богамъ пріятное. И нѣсколько ниже: что болѣе мы боговъ и въ браки вступившими описываемъ, да и браки незаконные, когда представляемъ братьевъ понявшими своихъ сестръ? Беллону выдали мы за Марса, Венеру за Вулкана, Салацію за Нептуна; а нѣкоторыхъ оставили холостыми и непосягшими, какъ будто бы не было жениховъ. Но я не удивляюсь, что никто не требовалъ богинь нашихъ за себя въ замужство, понеже многія изъ нихъ находятся вдовы, какъ-то Популонія, или Фулгора, и Румина. Всю сію, говоритъ, подлую боговъ толпу, чрезъ столько вѣковъ суевѣріемъ собранную, такъ мы почитать должны, дабы памятовать, что почитаніе сіе принадлежитъ болѣе къ обыкновенію, нежели въ самой вещи къ богамъ. Слѣдовательно ни законы оные, ни обыкновеніе въ гражданской богословіи то уставили, что богамъ было бы пріятно, или принадлежало бы къ вещи. Но сей, котораго философы свободнымъ оставили, такъ какъ знаменитый народа Римскаго Сенаторъ (3), почиталъ то, что охуждалъ; дѣлалъ, въ чемъ

 обли-

обличалЪ; что опорочивалЪ, тому покланялся. Понеже, можетЪ статься, чему нибудь великому научила его философія, дабы онЪ не былЪ суевѣромЪ вЪ мірѣ, но ради законовЪ гражданЪ и обыкновеній людскихЪ не представлялЪ бы себя актеромЪ вЪ ѳеатрѣ, но подражалЪ бы вЪ храмѣ гораздо предосудительнѣе, что ложно имЪ дѣлаемое народЪ поставлялЪ истиннымЪ. НапротивЪ актерЪ дѣйствіями своими увеселилЪ бы, нежелибЪ обманулЪ.

Глава десятая.

КакихЪ мыслей былЪ Сенека о ІудеяхЪ.

Сей же самый писатель между прочими гражданской богословіи суевѣріями охуждалЪ и Іудейскія тайны, а особливо субботы, утверждая, что они содержатЪ оныя не полезно; вопервыхЪ по тому, что они почти седьмую часть своего вѣка тратятЪ недѣланіемЪ, отдѣляя отЪ каждой недѣли по дню; вовторыхЪ, что содержаніемЪ субботы, вЪ самыхЪ крайностяхЪ ничего не дѣлая, вредЪ причиняютЪ себѣ. Однако о ХристіанахЪ, уже тогда Іудеями ненавидимыхЪ, ни вЪ которую сторону не упомянулЪ, чтобЪ или не выхвалить противЪ древняго обыкновенія своего отечества, или не опорочить вЪ противность, можетЪ статься, своего хотѣнія (1). О ІудеяхЪ когда говорилЪ, сказалЪ: до того беззаконнаго народа обыкновеніе усилилось, что во всѣхЪ почти

почти странахъ принято, побѣжденные побѣдителямъ предписали законы. Удивлялся онъ, о семъ пиша, но не вѣдалъ, что дѣлаетъ Богъ. Приложилъ также свое мнѣніе, коимъ бы означить, какихъ онъ мыслей о таинствахъ Іудейскихъ. Ибо говоритъ: однако они причины своихъ обрядовъ знаютъ, и большая часть дѣлаетъ то, чему причины, для чего дѣлаетъ, не знаетъ. Но о таинствахъ Іудейскихъ, которыя для чего Богомъ уставлены, и потомъ народомъ Божіимъ, которому жизни вѣчной тайна открыта, во время, въ которое надлежало, тѣмъ же Богомъ отмѣнены и въ другомъ мѣстѣ мы говорили, особливо когда писали противъ Манихеевъ (2), и въ семъ сочиненіи въ приличномъ мѣстѣ предложить имѣемъ.

Глава первая надесять.

О томъ, что по открытіи суеты языческихъ боговъ сомнѣваться не можно, что они жизни вѣчной даровать не въ состояніи, когда и во временной сей ни мало не помоществуютъ.

И такъ довольно кажется показали мы, что ни отъ баснословной ни отъ гражданской богословіи надѣяться не можно жизни вѣчной. Естьли же для кого сего не довольно, тотъ пускай присовокупитъ къ симъ четвертую книгу; особливо гдѣ говорили мы о подателѣ благополучія, тамъ много о томъ мы напи-

сали. Ибо ежели бы щастіе было богинею, то къ кому иному люди, какъ только къ щастію, ради жизни вѣчной прибѣгать должны? А какъ оно не богиня, но Божій даръ, то къ кому мы прибѣгать должны, какъ только къ Богу, подающему щастіе и жизнь вѣчную, гдѣ истинное и полное находится щастіе, и любить Его всемъ сердцемъ? Подателемъ же щастія ни одинъ изъ боговъ быть не можетъ, которые толь мерзско почитаются; и ежели бы такимъ образомъ почитаемы не были мерзостнѣе, за то гнѣваются, и тѣмъ самымъ показываютъ, что они нечистые духи. Я думаю, изъ вышесказаннаго мною никакого и ни въ комъ не остается сомнѣнія. И такъ кто не въ силахъ даровать щастія, тотъ какимъ образомъ возможетъ даровать жизнь вѣчную? Ибо мы жизнію вѣчною то состояніе называемъ, гдѣ находится безконечное щастіе; ибо естьли душа живетъ въ мукѣ вѣчной, коею наказаны будутъ и сами нечистые духи, то оное состояніе назвать наипаче должно смертію, нежели жизнію; понеже нѣтъ большей и хуждшей смерти, какъ когда не умираетъ смерть. Но какъ природа души тѣмъ самымъ, что сотворена безсмертною, требуетъ, дабы ей жить, то наивеличайшею есть смертію отчужденіе отъ житія съ Богомъ въ вѣчности мученій. И такъ жизнь вѣчную, то есть безконечное блаженство, тотъ единственно даруетъ, который даруетъ истинное благо-

получіе, котораго поелику тѣ боги, коихъ почитаетъ гражданская богословія, дать не въ силахъ, какъ показали: то не только ради жизни вѣчной, но и ради временнаго какого либо добра почитать ихъ не надлежитъ. Но какъ застарѣлая привычка крайнѣ глубоко вкоренилась въ людяхъ, то ежели кому не довольно вышеписанныхъ доказательствъ, тотъ пускай вникнетъ въ слѣдующую книгу, которую мы съ помощію Божіею начнемъ.

Конецъ шестой книги о градѣ Божіемъ.

ПРИМѢЧАНІЯ
на
Книгу Блаженнаго Августина, Епископа Иппонійскаго, о градѣ Божіемъ, шестую.

На главу первую.

(1) *Блаженъ, ему же Господь Богъ.* Семьдесятъ толковники перевели: блаженъ, ему же имя Господне упованіе его. Въ Еврейскомъ находится такъ, какъ приводитъ Августинъ.

(2) Не свободно проповѣдывали. Ибо боялися суда, какъ-то въ Аѳинахъ Ареопага, какъ о Епикурѣ пишетъ Цицеронъ.

(3) Отъ него созданы будучи. Такого мнѣнія былъ Платонъ, какъ видно въ Тимеѣ.

На главу вторую.

(1) Столь многія писалъ. Геллій въ книгѣ третіей пишетъ, что Варронъ на восемдесятъ четвертомъ году написалъ четыре ста девяносто книгъ, изъ коихъ многія, какъ онъ посланъ въ ссылку, пропали.

На главу четвертую.

(1) Другой, сказываетъ, родъ. Платоническіе и Стоики всѣ вымыслы о богахъ къ природнымъ причинамъ міра относили, какъ Платонъ показываетъ въ Кратисѣ и Цицеронъ о природѣ боговъ, Фурнутъ и другіе многіе; но по большей части насильственно и непристойно, такъ что всякъ почитать можетъ оное за игрушку.

(2) Ираклитъ Ефесской писалъ цѣлую о томъ книгу. Онъ утверждалъ, что все отъ огня родится и въ огнь обращается; что всѣ мѣста наполнены демонами и душами. Его мнѣнію послѣдовалъ Иппасъ Метапонтскій.

(3) Пиѳагоръ. Онъ увѣрялъ, что и Богъ и души наши и все находящееся въ мірѣ изъ числъ состоятъ, и изъ гар-

гармоніи оныхЪ все раждается, которыя числа послѣ того ПлатонЪ отЪ ИталіянскихЪ философовЪ, Пиѳагоровыхъ послѣдователей, перенявЪ, яснѣе оныя изобразилЪ; но не столь ясно во всемЪ; ибо читатель во многихЪ мѣстахЪ безЪ выразумѣнія долженЪ отставать отЪ чтенія.

(4) ЕпикурЪ. Сей, послѣдуя Демокриту, утверждалЪ, что все составилось изЪ несѣкомыхЪ.

На главу шестую.

(1) Сатурна старикомЪ. СатурнЪ старикомЪ, а АполлонЪ юношею вЪ храмахЪ видимы. Отсюда произошла оная насмѣшка Діонисія Тиранна, когда золотую бороду у Ескулапія оторвалЪ: непристойно сыну быть сЪ бородою, когда безЪ бороды отецЪ. АполлоновЪ кумирЪ вЪ Делосѣ вЪ правой рукѣ держалЪ лукЪ, вЪ лѣвой три Граціи, изЪ коихЪ у одной были гусли, у другой флейты, у третей дудочка.

(2) Носящею оружіе. ЛукЪ и колчанЪ.

(3) СЪ ЕвемеромЪ. ОнЪ родомЪ былЪ изЪ Сициліи изЪ города Мессана, которой Юпитерову и другихЪ боговЪ истинную писалЪ исторію изЪ надписей священныхЪ, находившихся вЪ древнихЪ храмахЪ, которую Греки называютЪ священною. Энній объяснилЪ оную, какЪ пишетЪ ЦицеронЪ. Упоминают о семЪ писатели изЪ ЛатинскихЪ авторовЪ: ЦицеронЪ, ВарронЪ, Лактанцій, Макровій, Сервій и другіе весьма многіе. Сего Евемера за то, что писалЪ о богахЪ исторію, ЕмпиринЪ называетЪ нечестивымЪ и безбожникомЪ. ТимонЪ вЪ СиллахЪ именуетЪ старикомЪ сумазброднымЪ, непотребнѣйшія издавшимЪ книги.

(4) Прихлебатели. КЪ обществу первосвященниковЪ прибавлены три мужа, которые о священныхЪ пирахЪ стараніе прилагали, представляемыхЪ во время игрЪ, богамЪ отправляемыхЪ, и названы тремя мужами пирующими. ВЪ слѣдующія времена прибавлены двое, и такимЪ образомЪ было пять. НаконецЪ изЪ любочестія прибавлены еще двое. ВарронЪ оныхЪ прихлебателями нарицаетЪ Юпитеровыми.

(5)

(5) Отсюда-то и оное произошло. Нѣкоторые думаютъ, что сія блудница была Флора; другіе, Акка Ларенція, которые праздники назывались Ларентиналія. Веррій Флаккъ пишетъ, что она называлась Флавою.

(6) Лаврентину. Въ другихъ книгахъ Ларентину и Ларенцію; ибо Акка Ларенція была Ромулова кормилица, и думаютъ многіе, что праздники ея назывались Ларенталія, а сея блудницы именовались Флоралія.

(7) Въ любимомъ ей островѣ Самосѣ. Самосъ островъ есть на морѣ Икарскомъ. Варронъ пишетъ, что островъ Самосъ прежде Парѳеніею назывался, понеже тамъ Юнона возрасла и въ замужство за Юпитера вышла. И такъ знаменитый и наидревнѣйшій храмъ ея находится въ Самосѣ, и праздники ея каждый годъ на подобіе браковъ отправляются. Любимъ былъ Самосъ Юнонѣ какъ такая земля, гдѣ она родилась.

(8) Гдѣ любимаго ей Адониса. Цинара отъ Мирры дочери своей хитростію кормилицы прекраснаго родилъ Адониса, который царствовалъ въ Кипрѣ. Валерій Пробусъ по мнѣнію Исіодову пишетъ, что онъ рожденъ отъ Филостефана Юпитеромъ безъ жены. Его любила Венера; и какъ онъ великую охоту имѣлъ ловить звѣрей, то отъ вепря былъ растерзанъ. Баснословятъ, акибы вепрь сей былъ на Адониса насланъ отъ ревнующаго на него Марса, и что Венера, плакавъ по немъ, превратила его въ цвѣтъ. Повѣствуетъ Макровій, что ваяніе Венерино изображено на горѣ Ливанѣ съ покрытою главою въ прискорбномъ видѣ, и что слезы текущими изъ глазъ зрителямъ представляются.

На главу седьмую.

(1) Что терпятъ жены. Галлы матери боговъ, когда не могли дѣлать того, что дѣлаютъ мужи, то терпѣли сами то, что терпятъ жены.

На главу осьмую.

(1) Пилумна. Сервій въ изъясненіи девятой книги Энеид. говоритъ, что Пилумнъ и Пикумнъ братья были

боги

боги. Пинумнъ научилъ людей навозить землю, а Пилумнъ молоть жито. Пилумнъ и Пинумнъ почитались богами браковъ.

(2) Домидука. Капеллъ Домидукою Юнону называетъ.

(3) Богиня Виргенсисъ. Капеллъ сею по видимому поставляетъ Юнону. Въ древнія времена дѣвицы носили подвязки, коими подвязывали дѣтородные уды.

(4) Пріапъ. Пишетъ Сервій, что его изгнали изъ Лампсака за то, что крайнѣ великъ имѣлъ дѣтородный удъ. Лактанцій говоритъ, что когда между Пріапомъ и осломъ Силеновѣмъ произошелъ споръ о великости дѣтороднаго уда, и Пріапъ отъ осла побѣжденъ былъ, то осла Пріапъ закололъ, и потому-то Колумеллъ Пріапа называетъ богомъ великаго дѣтороднаго уда.

На главу девятую.

(1) Стратонъ. Стратонъ былъ изъ Лампсака Арцезилаевъ сынъ, прозванный Физикомъ; понеже въ ономъ ученіи наипаче упражнялся; ученикъ Ѳеофрастовъ, и преемникъ его училища, учитель Птоломея Филаделфа.

(2) Озирисъ. Когда Озирисъ отъ брата Тифона растерзанъ былъ, и Изида съ Оромъ Аполлиномъ отмстила за то Тифону, тогда Изида повелѣла искать Озирисово тѣло, которое и искано было съ великимъ плачемъ; и по найденіи уставила Изида, дабы каждый годъ съ плачемъ какъ бы искомъ былъ Озирисъ.

(3) Народа Римскаго Сенаторъ. Сенека въ ссылку сосланъ былъ при Клавдіѣ; но когда Клавдій, убивъ Мессалину, взялъ за себя Агриппину, то оная Сенеку прозьбою своею изъ ссылки возвратила, сдѣлала Сенаторомъ и Преторомъ.

На главу десятую.

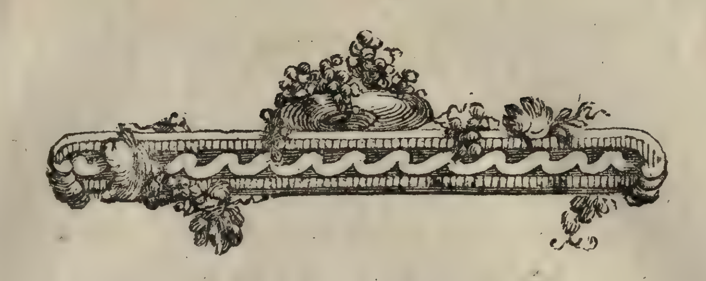
(1) Въ противность, можетъ статься, своего хотѣнія. По зажженіи Нерономъ Рима, когда чрезъ фискаловъ, нарочно посланныхъ отъ Царя, многіе аки бы виноватые представляемы были, тогда Неронъ повелѣлъ искать Христіянъ, вѣдая, что не неугодно будетъ для народа казнить оныхъ.

оныхЪ. Мученія и казни онымЪ употреблены были разумЪ человѣческой почти превосходящія. Сенека, дабы не видѣть сихЪ казней, просился у Нерона вЪ деревню, аки бы для излеченія себя отЪ болѣзни; однако поелику не былЪ уволенЪ, того ради изЪ дому своего чрезЪ многіе мѣсяцы не выходилЪ.

(2) ПротивЪ МанихеевЪ. Которые на Ветхой ЗавѣтЪ и на законЪ Іудейской клеветали, какЪ АвгустинЪ говоритЪ вЪ книгѣ о ересяхЪ кЪ діакону, что БогЪ хощетЪ, называемому, и утверждали, что Священное Писаніе не БогомЪ, но княземЪ тьмы написано. ПротивЪ сихЪ еретиковЪ многія книги писалЪ АвгустинЪ.

БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА, ИППОНІЙСКАГО ЕПИСКОПА, *КЪ МАРКЕЛЛИНУ* О градѣ Божіемъ.

КНИГА VII.

Глава первая.

Когда извѣстно, что Божества въ гражданской богословіи нѣтъ, то можно ли вѣрить, что оное находится въ отборныхъ богахъ.

Когда я тщательнѣе развращенныя и застарѣлыя мнѣнія, благочестію нетерпимыя, которыя въ сердцахъ омраченныхъ глубоко впечатлѣло человѣческаго рода долговременное заблужденіе, истребить и искоренить прилагаю попеченіе при помощи Божіей и по моей силѣ: то думаю острые умы и лучшіе, для коихъ довольно вышеписанныхъ книгъ, терпѣливно и безъ оскорбленія будутъ сносить и не станутъ то почитать излишнимъ для другихъ, что чувствуютъ для себя болѣе не нужнымъ. Много предлагать должно, когда о истинномъ и поистиннѣ святѣйшемъ Божествѣ нужда требуетъ доказать, что Оно, хотя и сей тлѣнной плоти, которую

рую мы носимъ, подаетъ потребное, однако не ради преходящей пары смертнаго житія, но ради блаженной жизни, которая есть вѣчна, почитать должно. И такъ что сего Божества въ оной богословіи нѣтъ, которая гражданскою называется, и которая Маркомъ Варрономъ въ шестнатцати книгахъ изъяснена, то есть, что не можно къ вѣчному достигнуть блаженству почитаніемъ таковыхъ боговъ: то ежели въ ономъ не увѣрила кого шестая книга, предъ сею оконченная, тотъ, ежели сію седьмую прочтетъ, не будетъ имѣть причины желать чего либо большаго къ разрѣшенію сего вопроса. Ибо можетъ статься, что нѣкоторые думать будутъ, что ради жизни вѣчной отборныхъ и главныхъ боговъ, о коихъ Варронъ послѣднюю писалъ книгу, и о коихъ мы мало говорили, почитать должно. О семъ болѣе забавно, нежели справедливо сказалъ Тертулліанъ (1): ежели боговъ отбираютъ люди на подобіе луковицъ, слѣдовательно прочихъ недостойными почитаютъ. Я не о томъ говорю; ибо вижу, что и отъ отборныхъ нѣкоторые избираются къ нѣкоторымъ важнымъ и изящнымъ дѣламъ, такъ какъ въ войскѣ изъ новобранныхъ лучшихъ воиновъ избираютъ превосходнѣйшихъ для нѣкотораго важнѣйшаго военнаго дѣла. И когда избираются въ церкви настоятели, то прочіе не почитаются недостойными, когда всѣ вѣрные достойно избранными называются. Избираются въ зданія камни

подъ

подъ углы, не охуждая прочихъ, которые другимъ частямъ зданія назначены. Избираются ягоды для снѣденія, не отвергая прочія, кои оставляемъ къ наливкамъ. Не для чего много приводить примѣровъ: вещь сама собою ясна. Чего для не должно ни тѣхъ, изъ коихъ избраны боги, ни людей, которые о томъ писали, ни почитателей боговъ охуждать, а только разсмотрѣть потребно, кто они таковы (боги) и къ какимъ должностямъ избраны.

Глава вторая.

Которые почитаются отборными богами, и изключены ли они отъ должностей нижшихъ боговъ.

Варронъ отборными богами сихъ почитаетъ: Юпитера, Сатурна, Генія, Меркурія, Аполлона, Марса, Вулкана, Нептуна, Солнце, Орка, Либера отца, Теллюру, Церору, Юнону, Луну, Діану, Минерву, Венеру, Весту, изъ коихъ, числомъ двадцати, двенадцать мужескаго пола, восемь женскаго. Сіи боги для того ли отборными называются, что имъ въ мірѣ большія должности препоручены, или для того, что они болѣе стали народу извѣстными, или что имъ большее почтеніе отдаваемо было? Ежели для того, что большія они дѣла дѣлаютъ въ мірѣ, то не надлежало ихъ искать въ толпѣ мѣлкихъ боговъ, къ малѣйшимъ дѣламъ приставленныхъ. Ибо

вопервыхъ самъ Янусъ, когда зачинается младенецъ, откуда всѣ оныя боговъ дѣла начинаются, дробно имъ раздѣленныя, отворяетъ дверь для пріятія сѣмени. Тамъ находится и Сатурнъ ради самаго сѣмени. Тамъ Либеръ, который тожъ благодѣяніе дѣлаетъ женамъ. Сіи всѣ боги изъ числа тѣхъ, кои отборными называются. Но тамъ же присутствуетъ и богиня Мена, владычествующая надъ теченіемъ мѣсячныхъ кровей, которая хотя Юпитерова дочь, однако не славна. Но Варронъ въ книгѣ отборныхъ боговъ сію должность приписываетъ Юнонѣ, которая между богами отборными Царицею почитается; и сказываетъ, что въ сей должности упражняются Юнона, Луцина съ тоюжъ своею патчерицею Менею. Тамъ же присутствуютъ и два невѣдомо какіе недостопамятные боги, Витумнъ и Сентинъ, изъ коихъ одинъ даетъ жизнь, другой сообщаетъ младенцу чувства. При всемъ томъ хотя они ни мало не славны, однако больше дѣлаютъ, нежели оные высокіе и отборные боги; ибо безъ жизни и чувства все то, что жена носитъ во чревѣ, что иное есть, какъ только нѣчто презрѣнное и персти, или блату подобное?

Глава

Глава третія.

Что язычники никакой не могутЪ показать причины о избраніи нѣкоторыхЪ боговЪ, когда многимЪ изЪ нижайшихЪ изящнѣйшія дѣла препоручены.

И такЪ какая причина толикое число избранныхЪ боговЪ кЪ мѣлкимЪ дѣламЪ принудила, которыхЪ ВитумнЪ и СентинЪ, ни мало не славные боги, вЪ удѣленіи своей щедрости превосходятЪ? Ибо подаетЪ отборный богЪ ЯнусЪ входЪ, и какЪ бы отворяетЪ дверь сѣмени; подаетЪ отборный СатурнЪ самое сѣмя, подаетЪ отборный ЛиберЪ мужамЪ свобожденіе отЪ сѣмени, подаетЪ тожЪ самое Либера, которая и Церера, или Венера (1) женамЪ; подаетЪ отборная богиня Юнона, да и то не одна, но сЪ Меною, Юпитеровою дочерью, теченіе мѣсячныхЪ кровей кЪ возвращенію зачавшагося; подаетЪ ВитумнЪ, незнатный и презрѣнный богЪ, жизнь; подаетЪ СентинЪ, столь же неславный богЪ, чувство. Сіи двѣ вещи столь всѣхЪ оныхЪ вещей превосходнѣе, сколько разумЪ изящнѣе вещей неразумныхЪ; ибо какЪ разумЪ имѣющіе лучше непремѣнно тѣхЪ которые, лишены будучи разума, живутЪ какЪ скоты, и чувствуютЪ: такЪ и тѣ вещи, которыя, одарены движеніями и чувствомЪ, предпочитаются не имѣющимЪ движенія и чувства. И такЪ непремѣнно между отборными богами почитать Витумна и Сентина надлежало, а не Януса и Сатур-

 на,

на, и Либера и Либеру; ибо сіи боги отборные того не даютъ, но нѣкоторые маловѣдомые и по причинѣ важности сихъ презрѣнные. Теперь пускай поищутъ, чтобъ имъ отвѣтствовать о Витумнѣ и Сентинѣ, имѣютъ ли они надъ всѣми живущими и чувствующими власть? Ежели имѣютъ, то пускай осмотрятся, сколь высоко они сихъ боговъ превознесутъ предъ прочими отборными; ибо сѣмена родятся въ земли и отъ земли, жизнь же и чувство небесные боги имѣютъ. Юнона отборная богиня Царица и Юпитерова сестра и жена (2), однако она вожатою малыхъ дѣтей, и должность свою отправляетъ съ двумя мало извѣстными богинями, Абеоною и Аледною. Тамъ же поставили и богиню Мысль, которая даетъ малымъ дѣтямъ разумъ и добрыя мысли; однако сія богиня между отборными не полагается, какъ будто бы нѣчто большее (3) можно дать человѣку. Полагается же въ числѣ отборныхъ боговъ Юнона, которая служитъ путеводительницею изъ дома въ домъ, какъ будто бы великая была польза совершать путь и возвращаться въ домъ, естьли нѣтъ доброй мысли. Однако богиню Добрую Мысль тѣ, кои боговъ отбирали, въ числѣ отборныхъ боговъ не поставили, которую подлинно и самой Минервѣ предпочесть бы надлежало, которой присвояли память малыхъ дѣтей; ибо кто сомнѣваться можетъ, что лучше имѣть добрую мысль, нежели великую память?

мять? Понеже нѣтъ ни одного злаго, который имѣетъ добрую мысль. Нѣкоторые же непотребные люди удивленія достойную имѣютъ память, которые тѣмъ непотребнѣе, чѣмъ меньше могутъ злыя забывать мысли. При всемъ томъ Минерва поставляется въ числѣ отборныхъ боговъ, а мысли въ толь подлой толпѣ не видно. Что скажу о Добродѣтели, что о Щастіи? о которыхъ я въ книгѣ четвертой не мало говорилъ, которыя когда богами почитали, однако никакого имъ мѣста между отборными богами не дали, а дали Марсу и Орку, изъ коихъ одинъ умерщвлялъ, а другой мертвыхъ принималъ. И такъ когда видимъ, что въ сихъ мѣлкихъ дѣлахъ, дробно богамъ раздѣленныхъ, и отборные боги на подобіе Сената съ народомъ равномѣрно упражняются, и что нѣкоторые боги, которые не удостоились быть въ числѣ отборныхъ, большія и лучшія дѣла отправляютъ, нежели тѣ, кои отборными называются: то остается думать, что не ради изящнѣйщихъ въ мірѣ должностей, но ради того, что болѣе народамъ стали извѣстными, отборными боги названы. Чего для и самъ Варронъ говоритъ, что нѣкоторые боги отцы и богини матери остались почти въ невѣденіи. И такъ естьли Щастіе для того можетъ быть въ числѣ отборныхъ боговъ не положено, что народъ Римской въ знаменитость пришелъ не заслугами, но по случаю, при всемъ томъ должно оно или поставляе-

мо быть въ числѣ отборныхъ, или лучше сказать, выше ихъ. Оно долженствовало первенство взять у боговъ, надъ которыми оно силу свою и власть показало, когда видимъ, что оные боги не по особенной какой либо добродѣтели, но безразсудною Фортуны властію сталися отборными; ибо и мужъ краснорѣчивый Саллюстій кажется касается боговъ, когда говоритъ: подлинно Фортуна надъ всемъ владычествуетъ, которая по изволенію наипаче, нежели правдѣ иное прославляетъ, другое унижаетъ; понеже не могутъ найти причины, для чего прославлена Венера и въ забвеніи осталась Добродѣтель, особливо когда обѣихъ ихъ обоготворяли, и одна другую достоинствомъ несравненно превосходитъ. Или ежели для того Венера прославлена, понеже большая часть людей къ Венерѣ стремятся, нежели къ Добродѣтели: то для чего прославлена богиня Минерва и въ незнатности осталась богиня Пекунія (деньги), когда во всемъ человѣческомъ родѣ большую часть людей привлекаетъ сребролюбіе, нежели искусство, и изъ всѣхъ художниковъ не сыщешь почти ни одного, который бы художество свое не имѣлъ продажнымъ за деньги? И такъ ежели приговоромъ безумнаго народа учиненъ сей богамъ разборъ, то для чего богиня Пекунія не предпочтена Минервѣ, когда ради денегъ всѣ художники обучаются? Ежелижъ сей разборъ есть малочисленныхъ разумныхъ людей, то для чего не предпочтена Добро-

Добродѣтель Венерѣ, когда самый разумъ оную предпочитаетъ? Или по крайней мѣрѣ самая Фортуна, которой по своему мнѣнію присвояютъ много, и которая, надъ всѣми вещами владычествуя, по изволенію своему наипаче, нежели по правдѣ, одно прославляетъ, другое уничижаетъ, первое мѣсто долженствовала бы имѣть между отборными богами, которая и надъ самыми богами толикую имѣетъ власть. Не уже ли Фортуна претерпѣла какое нещастіе, чтобъ ей не быть включенной въ число отборныхъ боговъ? Ежели такъ, то она сама себѣ стала противною, когда другихъ прославила, а себя въ презрѣнное повергла мѣсто.

Глава четвертая.

Что лучше поступлено съ богами мало вѣдомыми, которые никакихъ поношеній не претерпѣли, нежели съ отборными, коихъ толь многія мерзости представляемы были.

Порадовался бы можетъ быть кто либо честолюбивой и ищущій славы, и сказалъ бы, что боги щастливы, ежели бы увидѣлъ, что они избраны къ чести, а не безчестію; ибо толпу нижшихъ боговъ самая незнатность скрыла, дабы она поношеніями обременена не была. Мы смѣемся, когда видимъ по мнѣнію и вымыслу человѣческому боговъ упражняющихся въ раздробленныхъ имъ дѣлахъ, такъ какъ мѣлкихъ откупщиковъ, или какъ на фабри-

 бри-

брикѣ художниковъ, у которыхъ, дабы что либо могло выйти совершеннымъ, то переходитъ оное изъ рукъ въ руки, когда отъ совершенно искуснаго и одного могло быть сдѣлано. Но инаково за благо не разсудили для успѣха художниковъ обучать, какъ только каждаго своему въ одной и той же работѣ искусству, дабы они долговременнымъ упражненіемъ во всемъ не принуждены были совершенными быть. Однако едва можно найти изъ числа неотборныхъ боговъ котораго либо, кой бы отъ какого либо порока получилъ безславіе; также едва коего либо сыщешь изъ отборныхъ боговъ, который бы крайнѣ не былъ обезславленъ. Отборные боги мѣшалися въ подлыя дѣла, а нижніе боги вступали въ тѣхъ высокія должности, но не достигли до высоты ихъ преступленій. О Янусѣ (1) ничего не приходитъ мнѣ на память, которое бы служило къ поношенію (2). И можетъ статься онъ таковымъ и былъ, можетъ быть жилъ непорочно. Сатурна бѣжавшаго принялъ благосклонно, раздѣлилъ съ нимъ свое царство, такъ что оба построили города, одинъ Яникулъ, другой Сатурнію. Но почитатели боговъ, желающіе всякаго непотребства, нашедъ житіе его не столь непотребнымъ, обезчестили его постановленіемъ въ честь ему чудовищнаго кумира, иногда изображая его о двухъ лицахъ, иногда о четырехъ. Развѣ они симъ то изображали, что какъ всѣ боги отборные, дѣлая гну-

гнусныя дѣла, потеряли стыдъ, то сей одинъ чѣмъ болѣе кажется имѣющимъ лицъ, тѣмъ былъ стыдливѣе и невиннѣе.

Глава пятая.

О тайномъ язычниковъ ученiи и физическихъ причинахъ.

Но послушаемъ наипаче ихъ объясненiй физическихъ, коими гнусность жалостнаго своего заблужденiя какъ бы видомъ высочайшаго ученiя прикрыть тщатся. Вопервыхъ Варронъ оныя изъясненiя такимъ образомъ одобряетъ, и говоритъ, что древнiе для того кумиры боговъ и знаки и украшенiе вымыслили, дабы тѣ, кои тайнамъ учились, увидѣвъ оныя, могли умомъ видѣть душу мiра и части его, то есть истинныхъ боговъ, коихъ ваянiя, которыя сдѣлали на подобiе человѣка, кажется то намѣревали изобразить, что духъ, пребывающiй въ человѣческомъ тѣлѣ, есть безсмертенъ, такъ какъ бы полагаемы были сосуды для означенiя боговъ, и въ храмѣ Либеровомъ боченокъ былъ бы поставленъ, которой бы означалъ собою содержимое: такъ и ваянiемъ, изображающимъ видъ человѣческiй, означилась бы разумная душа, въ которомъ, такъ какъ въ сосудѣ, она содержится. Сiи суть тайны ученiя, до которыхъ сей ученый мужъ достигнулъ и въ свѣтъ открылъ. Но скажи мнѣ, проницательный человѣкъ! не уже ли ты въ сихъ ученiя тайнахъ забылъ

онуюмысль, когда прежде благоразумно сказалЪ, что тѢ, кои поставили кумиры, и страхЪ у гражданЪ отняли и заблужденіе пріумножили, и что безЪ ваяній лучше древніе Римляне боговЪ почитали? Ибо они тебѢ были предводителями, что ты на потомковЪ ихЪ осмѢлился вооружиться. Понеже ежели бы и оныя древнія ваянія почитали, то можетЪ статься все оное разсужденіе о непоставленіи кумировЪ изЪ страха утаилЪ бы ты, и проповѢдалЪ бы громогласнѢе о сихЪ пагубныхЪ и пустыхЪ вымыслахЪ таинЪ. Однако разумная твоя душа не могла до Творца своего достигнуть. Но сіи ученія тайны каковы и коликаго уваженія *достойны*. слѢдующее откроетЪ. Ибо признается ученѢйшій мужЪ, что душа міра и части его суть истинные боги. Откуда познать можно, что природная оная имЪ уважаемая богословія до природы только души разумной достигаетЪ; ибо онЪ о природной мало говоритЪ. Но мы посмотримЪ, можетЪ ли толкованіемЪ физіологическимЪ кЪ сей природной относить гражданскую, которую онЪ о богахЪ писалЪ. Ежели можетЪ, то она вся будетЪ природною. И какая нужда была сЪ толикимЪ тщаніемЪ оную отЪ гражданской отличать? ЕжелижЪ она справедливо различена, то когда и та самая, которая ему нравилась, природная, не истинна; ибо она достигла только до души, а не до Творца души, то есть истиннаго Бога; то сколь должна быть хуждшею и лож-

нѢй-

нѣйшею гражданская, которая обращается вокругъ тѣлъ природы, какъ самыя его толкованія показываютъ!

Глава шестая.

О священнослуженіи Церерѣ Елевзинской.

Въ числѣ священнослуженій, отправляемыхъ Церерѣ (1), поставляются и прославляются оныя, которыя совершались въ Елевзинѣ, знаменитомъ городѣ у Аѳинянъ, о коихъ Варронъ ничего не изъясняетъ, кромѣ того, что касается до жита, которое изобрѣла Церера, и Прозерпины, которой она похищеніемъ Орка лишилась. И объявляетъ, что она означаетъ плодоносность сѣменъ, которой какъ въ нѣкоторое время не доставало, и земля по причинѣ бездождія и за неимѣніемъ влажности плодовъ не приносила, то начали думать, что дочь Цererину, то есть самую плодоносность, которая отъ Proſerpendo, *провозницанія*, Прозерпиною названа, похитилъ Оркъ и держитъ въ преисподнихъ. Сіе самое когда общественно всѣ оплакивали, то поелику тажъ плодоносность паки появилась, почли, что возвратилась Прозерпина; чего для и началась общественная радость и отъ того уставлено празднество.

Глава

Глава седьмая.

О мерзости священнослуженій, которыя отправляемы были вЪ честь Либеру.

О священнослуженіи же, отправляемомЪ вЪ честь Либера (1), который не только надЪ сѣменами, и чрезЪ то не надЪ одними соками плодовЪ, изЪ коихЪ первенство имѣетЪ вино, но и надЪ сѣменами животныхЪ владычествовалЪ по мнѣнію язычниковЪ, до какой то есть оныя дошли мерзости, и говорить скучно; однако по причинѣ непроницательности идолопоклонниковЪ нѣсколько предложить о нихЪ должно. Между прочимЪ, что я оставить принужденЪ, сказываютЪ, что вЪ Италіи священнослуженіе Либеру отправляемо было сЪ толикимЪ своевольствомЪ мерзости, что вЪ честь ему почитаемы были дѣтородные мужескіе уды, и сіе не тайно, но явно. Толико неистовствовало непотребство. Ибо сей гнусный удЪ вЪ праздничные дни, посвященные Либеру, поставивЪ на колесницѣ, возимЪ былЪ по полямЪ и привозился наконецЪ вЪ городЪ. ВЪ городѣ же Лавиніи опредѣлялся для празднества Либеру цѣлый мѣсяцЪ, вЪ которое время всѣ люди сквернословили, покуда дѣтородный оный удЪ, возимЪ бывши, на своемЪ поставленЪ былЪ мѣстѣ, на которой гнусный удЪ должна была знатная жена положить вѣнецЪ. Сего требовало умилостивленіе Либера, гдѣ честная жена принуждена была дѣлать всена-

народно то, чего смотрѣть въ ѳеатрѣ блудница не согласилась бы. И для того-то вѣрили, что Сатурнъ одинъ для сѣменъ недоволенъ, дабы имѣть способъ къ размноженію боговъ нечестивой душѣ, отъ единаго Бога достойно за нечестіе оставленной, которая, желая и стремясь къ большему нечестію, сіи священнотатства назвала священнослуженіемъ и вступила въ сообщество нечистыхъ демоновъ.

Глава осьмая.

О мерзости священнослуженій Великой Матери.

Но о распустныхъ, въ противность зазрѣнія мужей и женъ Великой Матери посвященныхъ, которыя по наши времена имѣя намоченные волосы и набѣленныя лица, походкою женскою по улицамъ Карѳагенскимъ и деревнямъ шатались, и требовали отъ народа денегъ, помощію которыхъ можнобъ было жизнь имъ препровождать гнусную, ничего Варронъ не написалъ. Не достало изъясненія, устыдился разумъ, пресѣклось слово. Преспобѣдило Матери Великой всѣхъ боговъ, сыновей не божества, но преступленія, величество. Сему чудовищу и Януса уподобить не можно; ибо Янусъ имѣлъ безобразіе въ своемъ кумирѣ, а сія въ священнослуженіи жестокость. Онъ въ камнѣ излишество членовъ, сія недостатокъ оныхъ у людей. Сіе безобразіе всѣ Юпитеровы преступленія и любо-

любодѣйство превосходитъ. Онъ, выключая растлѣніе женъ однимъ Ганимедомъ, осквернилъ небо; сія безчисленными распустнаго житія людьми, ей себя посвятившими, осквернила землю. Развѣ уподобимъ ее Сатурну въ семъ родѣ непотребнаго варварства, которой, сказываютъ, у отца своего дѣтородной отрѣзалъ удъ. Но при Сатурновыхъ священнослуженіяхъ убиваемы бываютъ люди чужими руками, а не своими обрѣзываются. Пожралъ онъ дѣтей своихъ, какъ стихотворцы говорятъ, физики же, какъ имъ угодно, пускай толкуютъ; однако исторія открываетъ, что онъ ихъ умертвилъ. Но что ему Карѳагенцы приносили дѣтей своихъ въ жертву, того Римляне не приняли, а напротивъ сія Великая Мать боговъ въ Римскіе храмы ввела кастратовъ, и сохранила сіе безчеловѣчное обыкновеніе безъ нарушенія. Всѣ вѣрили, что она силы подкрѣпляетъ Римлянъ, ежели станутъ Римляне обрѣзываться. Что въ сравненіи съ симъ злодѣяніемъ Меркуріевы татьбы, Венерино сладострастіе, любодѣянія и мерзости прочихъ боговъ, которыя мы предложилибъ, естьлибъ уже на ѳеатрахъ оныя не были представляемы? Но сіи злодѣянія что въ сравненіи съ сими, которыя единственно приличествовали величеству Великой Матери? А особливо что все оное, какъ говорятъ, стихотворцами вымышлено, какъ будто бы могли стихотворцы вымыслить, что богамъ угодно. И такъ что

со-

сочинили стихотворцы, оное должно происходить или отъ дерзости, или своевольства. А что вымышленное ими по повелѣнію самихъ боговъ къ священнымъ вещамъ причтено, оное не иное что означаетъ, какъ только преступленіе боговъ, или лучше сказать пригнаніе бѣсовъ и прельщеніе нещастныхъ людей. И что Мать боговъ почитаема была отрѣзываніемъ дѣтородныхъ удовъ, оное не стихотворцы вымыслили, которые страшились о томъ и писать. Таковымъ ли отборнымъ богамъ долженъ кто либо себя посвятить, дабы по смерти жить въ блаженствѣ, когда посвятившій себя ни одинъ не могъ жить честно прежде смерти, будучи подверженъ толь мерзскимъ суевѣріямъ и обязанъ нечистымъ демонамъ? Что скажетъ Варронъ, все сіе относится къ міру? Не лучше ли къ непотребству? Ибо извѣстно, что все то относится къ міру, что бываетъ въ мірѣ. Но мы души ищемъ, которая бы, имѣя истинное благочестіе, не кланялась міру, такъ какъ своему Богу, но какъ твореніе Божіе ради Бога похваляла, и очистившись отъ нечистотъ мірскихъ, чистою взошла къ Богу, который создалъ міръ. Сихъ же боговъ отборныхъ видимъ, что они извѣстными стали народамъ, нежели прочіе; однако не съ тѣмъ, чтобъ ихъ открылися заслуги, но поношенія. Почему болѣе симъ доказывается, что они были люди, въ чемъ не только стихотворцы, но и историки увѣряютъ. Ибо Виргилій

гилій говоритЪ: первый сЪ эѳирнаго пришелЪ СатурнЪ Олимпа, бѣгая отЪ Юпитерова оружія и лишась царства. А ЕвгемерЪ цѣлую о томЪ написалЪ исторію, которую Энній на Латинскій перевелЪ діалектЪ. Но какЪ о томЪ многіе писавшіе прежде насЪ какЪ на ГреческомЪ, такЪ и ЛатинскомЪ языкѣ, противЪ сихЪ заблужденій предлагали довольно, то я не разсудилЪ за благо пространно тожЪ описывать.

Глава девятая.

Что все то, кое физіологи кЪ міру и его частямЪ относили, долженствовали относить кЪ единому истинному Богу.

И такЪ все изЪ языческой богословіи какЪ бы физическими причинами относимое ими кЪ міру, все непремѣнно оставя сомнѣніе святотатскаго мнѣнія, относить должно наипаче кЪ Творцу души и всякой плоти. Мы Бога почитаемЪ, а не небо и землю, изЪ коихЪ двухЪ частей мірЪ сей состоитЪ; и не признаваемЪ, аки бы души по всѣмЪ одушевленнымЪ суть разліянны, но утверждаемЪ присносущіе Божіе, который создалЪ небо и землю, и все, что вЪ нихЪ; который сотворилЪ всякую душу, или какимЪ либо образомЪ живущую чувства и разума лишенную, или чувствующую и разумомЪ одаренную. А дабы изчислить единаго истиннаго Бога дѣла, изЪ коихЪ подЪ видомЪ благочестнымЪ свои непотребныя и беззаконныя тайны язычники

вво-

вводя, многихъ ложныхъ подѣлали боговъ. Мы того Бога почитаемъ, который природамъ, отъ Себя сотвореннымъ, бытія и движенія, начала и концы положилъ; который причины вещей имѣетъ, знаетъ, устрояетъ; который создалъ силу сѣменъ; который словесную душу по своему изволенію снабдилъ нѣкоторыхъ изъ одушевленныхъ; который слова возможность и употребленіе даровалъ; который даръ будущее предвозвѣщать далъ духамъ, коимъ Ему дать было угодно, и который, чрезъ коихъ хощетъ, открываетъ будущее, и чрезъ коихъ хощетъ, врачуетъ болѣзни; который и самыхъ браней, когда Ему благоугодно исправить, или наказать родъ человѣческій, начало, продолженіе и конецъ опредѣляетъ; который безмѣрный міра сего огнь соразмѣрилъ природѣ вещей, создавъ оный; который всѣ сотворилъ воды, и управляетъ; который сотворилъ солнце, блистательное свѣтило, и оному пристойную силу и движеніе даровалъ; который сѣмена и пищи смертныхъ, или сухія, или влажныя, различнымъ природамъ приличныя опредѣлилъ; который основалъ землю, и дѣлаетъ оную плодоносною; который плоды ея безсловеснымъ и разумнымъ даруетъ; который причины вещей не только начальныя, но и послѣдующія знаетъ и строитъ; который лунѣ уставилъ теченіе; который пути небесные и земные положилъ; который умамъ человѣческимъ, отъ Себя сотвореннымъ, знаніе разумныхъ художествъ

къ вспомоществованію жизни вліялъ; который сопряженіе мужа и жены ради распространенія рода уставилъ; который къ употребленію огнь даровалъ. Сіе все не знаю, по какимъ физическимъ толкованіямъ острый и ученѣйшій мужъ Варронъ, или отъ другихъ познавъ, или самъ вымысливъ, трудился раздѣлить отборнымъ богамъ.

Глава десятая.

Какимъ образомъ различается Творецъ отъ тварей; дабы не было почитаемо толикое множество боговъ, сколько находится дѣлъ одного Творца.

Сіе же творитъ и дѣйствуетъ одинъ истинный Богъ. Но какъ Богъ во всякомъ мѣстѣ есть, никакимъ не объемлется мѣстомъ, никакихъ предѣловъ не имѣетъ и нераздѣлимъ есть, все наполняетъ небо и землю присутствіемъ всемогущества своего, не не присутствуя и естествомъ: то такъ управляетъ все отъ Себя созданное, что попускаетъ вещамъ и свое имѣть движеніе; ибо хотя безъ Него ничего быть не можетъ, однако вещи не суть то, что Онъ. Творитъ же много и чрезъ Ангеловъ, но блаженными самъ дѣлаетъ Ангеловъ. Такимъ образомъ хотя ради нѣкоторыхъ причинъ посылаетъ людямъ Ангеловъ, однако люди не отъ Ангеловъ, но отъ Бога блаженными дѣлаются. Отъ сего Бога единаго и истиннаго жизни вѣчной надѣемся.

Глава

Глава перваянадесять.

Какія особливыя Божія благодѣянія, выключая общественное милосердіе ко всѣмъ, послѣдователи истинны имѣютъ.

Имѣемъ мы отъ Бога, кромѣ прочихъ благодѣяній, которыя тѣмъ Промысломъ, о которомъ мы нѣсколько говорили, добрымъ и злымъ подаваемы бываютъ, великій и однимъ добрымъ свойственный крайнія любви знакъ. Ибо хотя мы и за то, что бытіе имѣемъ, что живемъ, что на небо и землю взираемъ, что одарены разумомъ, коимъ къ Создавшему его стремимся, не можемъ довольно возблагодарить Ему; но за то, что насъ обремененныхъ и отягченныхъ грѣхами и отъ созерцанія Его свѣта отвратившихся, и тьмы, то есть неправды любленіемъ ослѣпленныхъ, въ конецъ не оставилъ и послалъ намъ Слово свое, своего единороднаго Сына, дабы изъ Его рожденія и страданія мы выразумѣли, сколь за велико поставляетъ насъ Богъ (1), и чтобъ мы, очистившись отъ всѣхъ прегрѣшеній, оною единственною жертвою, и по принятіи въ сердца свои Духа, препобѣдивъ трудности, въ вѣчный покой и къ неисповѣдимому Его лицезрѣнію достигли, какія сердца, какой языкъ благодареніе принесть доволенъ?

Глава втораянадесять.

Что таинство искупленія Христова во всѣ времена прошедшія было свѣдомо, и различными знаменованіями было предвозвѣщаемо.

Сія тайна вѣчнаго живота отъ начала человѣческаго рода чрезъ нѣкоторыя знаменія и таинства, временамъ приличныя, коимъ надлежало, Ангелами предвозвѣщена. Потомъ народъ Еврейскій въ одну республику совокупился, въ которой сія тайна хранилась, гдѣ какъ чрезъ вѣдущихъ, такъ и невѣдущихъ (1) все о пришествіи Христовомъ предсказано. А наконецъ стало оное извѣстнымъ и прочимъ народамъ по разсѣяніи Евреевъ въ разные языки ради открытія писаній, въ коихъ вѣчное спасеніе, чрезъ Христа быть имѣющее, предсказано. Ибо не только чрезъ пророчества, состоящія въ словахъ, и не только чрезъ заповѣди, исправляющія наши нравы къ благоговѣнію, но и чрезъ священнослуженія священниковъ, скинію, или храмъ, олтари, жертвы, обряды, празднества и все прочее, что къ оному служенію надлежитъ, которое Богу отдаваемо быть должно, и собственно на Греческомъ діалектѣ Латріею называется, предзнаменовано и предвозвѣщено все то, что ради жизни вѣчной вѣрныхъ во Христѣ и исполнившееся и исполняющееся видимъ, и котораго впредь исполненія надѣемся.

Глава

Глава третїянадесять.

Что чрезъ одно Христїянское благочестїе могло открыться лукавство злыхъ духовъ, радующихся о заблужденїи человѣческомъ.

И такъ чрезъ сїе благочестїе единое и истинное могло открыться, что боги язычниковъ нечистые суть духи, которые подъ видомъ душъ умершихъ, или другихъ тварей мїрскихъ, богами себя представляютъ, и желаютъ надмѣнною нечистотою, мерзкими и непотребными вещами, какъ бы Божественными честьми увеселяться, и не допускаютъ человѣческимъ сердцамъ къ истинному Богу обращаться, отъ коихъ жестокой и нечестивой власти человѣкъ свобождается, когда вѣруетъ въ Того, который подалъ къ возстанїю толикїй смиренїя примѣръ, колика ихъ была къ паденїю гордость. Отсюда-то произошли не только тѣ, о коихъ я уже много говорилъ, и другїе подобные прочихъ народовъ и странъ, но и тѣ, о которыхъ нынѣ говоримъ, то есть отборные, но отборные въ разсужденїи великости пороковъ, а не добродѣтелей, которыхъ священнослуженїе Варронъ какъ бы къ природнымъ причинамъ отнести тщится, желая мерзкія вещи сдѣлать почтенными, не находитъ способа, коимъ бы оныя приличествовали имъ и согласовали; понеже оныя не суть причинами ихъ священнослуженїй, какъ онъ думаетъ.

Глава четвертаянадесять.

О книгахъ Нумы Помпилія, которыя Сенатъ, дабы прямыя причины священнослуженій, въ оныхъ описанныя, не были извѣстны, приказалъ сжечь.

Но напротивъ находимъ, какъ самъ ученѣйшій мужъ Варронъ повѣствуетъ о книгахъ Нумы Помпилія, что изъясненныя священнослуженій причины совсѣмъ были нетерпимы, и показались недостойными, не только чтобъ оныя чрезъ чтеніе были извѣстными, но чтобъ, будучи написаны, хранились въ тайнѣ. Ибо какъ у тогожъ Варрона въ книгѣ о почитаніи боговъ пишется, что Терентій нѣкакій, когда имѣлъ въ Яникулѣ нѣсколько пашенной земли, и земледѣлецъ его, подлѣ гробницы Нумы Помпилія ведя бразду плугомъ, извлекъ изъ земли Нумовы книги, въ коихъ описаны были причины установленныхъ священнослуженій, то тотчасъ отнесъ оныя къ Претору. Преторъ, разсмотрѣвъ начало, донесъ о томъ Сенату, который, прочитавъ нѣсколько начальныхъ причинъ, опредѣлилъ оныя книги Претору сжечь. Пускай теперь вѣритъ всякъ, какъ хочетъ; пускай говоритъ, что кому внушаетъ безумное словопрѣніе; съ меня довольно того, чтобъ показать, что священнослуженій причины Помпиліемъ, составщикомъ оныхъ описанныя, были таковы, что не только Сенату, но и самымъ жрецамъ должны были неизвѣстными быть.

И что самЪ Помпилій непозволительнымЪ любопытствомЪ оныхЪ демонскихЪ достигнулЪ таинЪ; однако, будучи ЦаремЪ и никого не боясь, ни научать никого не хотѣлЪ и уничтожить оныхЪ не отважился. И такЪ не хотѣлЪ дать знать обЪ оныхЪ людямЪ, дабы не научить людей непотребному; уничтожить же боялся, дабы не прогнѣвать демоновЪ; чего для закопалЪ оныя вЪ такое мѣсто, о коемЪ увѣрялЪ себя, что туда плугЪ не достигнетЪ. СенатЪ же, боясь охуждать богопочитаніе предковЪ, принужденЪ былЪ согласиться на намѣреніе Нумово. При всемЪ томЪ оныя книги толь пагубными почелЪ, что не вЪ землю паки оныя закопать, дабы, большимЪ кто любопытствомЪ влекомЪ, не сталЪ искать оныхЪ, но огнемЪ сжечь приказалЪ сЪ тѣмЪ, что какЪ уже священнослуженія введенныя отправлять должно, то сноснѣйшимЪ будетЪ заблужденіе, ежели не извѣстны будутЪ оныхЪ причины, нежели узнавЪ причины, сдѣлать возмущеніе вЪ городѣ.

Глава пятаянадесять.

О идромантіи, чрезЪ которую Нума нѣкоторыми видѣніями демоновЪ прельщаемЪ былЪ.

Нума же, кЪ которому ни ПророкЪ, ни АнгелЪ посылаемЪ не былЪ, обратился кЪ идромантіи (1), дабы вЪ водѣ видѣть

дѣть образы боговъ, или лучше сказать, хитрости бѣсовъ, и отъ нихъ слышать, что въ священнослуженіи установить и что наблюдать должно. Сей родъ волшебства, какъ тотъ же Варронъ сказываетъ, перешелъ изъ Персіи, которое и самъ Нума, а послѣ того Пиѳагоръ (2) употребляли, гдѣ съ присовокупленіемъ крови и преисподніе вопрошаемы бываютъ, и сіе по Гречески называется некромантіанъ, или некіомантіанъ. Но хотябъ оно некромантіею, хотя ницеомантіею, однако оно тожъ самое есть, гдѣ мертвые кажутся нѣчто предсказывающими. Какимъ же сіе искусствомъ бываетъ, пускай сами они разсмотрятъ. Ибо я не хочу говорить, что сія самая наука прежде пришествія Спасителя нашего въ городахъ законами обыкновенно была возбраняема и наказываема наижесточайшею казнію; не хочу, повторяю рѣчь мою, говорить; ибо можетъ статься и позволительна она была. Однако сими науками достигнулъ до познанія священнослуженій оныхъ, коихъ обряды открылъ, а причины утаилъ: такъ-то онъ боялся и самаго того, чему научился! И такъ для чего Варронъ невѣдомо какія причины физическія предлагаетъ онымъ священнослуженіямъ, каковыя ежели бы заключали въ себѣ Помпиліевы книги, то никогда бы онѣ сожжены не были, или бы и сіи Варроновы книги, къ Кесарю первосвященнику (3) писанныя, Сенаторы подобно повелѣли бы сжечь? И такъ, что

воду

воду почерпалЪ Помпилій для волшебствованія чрезЪ оную, то для того сказываютЪ, акибы онЪ имѣлЪ Нимфу Егерію (4) супругою, какЪ вЪ вышепомянутой книгѣ Варроновой изЪясняется; ибо такимЪ образомЪ обыкновенно содѣланныя дѣла примѣшаніемЪ лжи превращаются вЪ басни. И такЪ чрезЪ идроманшію любопытный оный Царь Римскій и священнослуженія позналЪ, которыя бы заключались вЪ жреческихЪ книгахЪ и причины оныхЪ, о коихЪ никому не далЪ знать. Чего ради написавЪ причины оныя особо, потщился какЪ бы сЪ собою умертвить, когда, не давая оныхЪ вЪ свѣденіе народу, сЪ собою вЪ землю закопать повелѣлЪ. И такЪ или демоновЪ толь гнусныя вожделѣнія были тамЪ описаны, что вся богословія гражданская и таковымЪ людямЪ проклятія достойною показалась, которые много вЪ священнослуженіяхЪ приняли срамнаго; или изЪяснено было, что оные боги не что иное суть, какЪ умершіе люди, которые по причинѣ далекой древности богами безсмертными почтены; или что демоны таковыми священнослуженіями увеселяются, которые вмѣсто умершихЪ людей были почитаемы, и нѣкоторыми ложными чудесами вмѣсто боговЪ себя народу представляли. Сколь же оныя книги были пагубны и отЪ почитанія истиннаго Божества удаленныя, доказываетЪ сіе то, что СенатЪ опредѣлилЪ оныя сжечь, и не убоялся того учинить, чего страшился Помпилій. И такЪ

 кто

кто не желаетъ имѣть ни будущей блаженной жизни, ни настоящей честной, тотъ таковыми священнослуженіями пускай вѣчной ищетъ смерти. Кто же съ злыми духами не хочетъ имѣть сообщенія, тотъ не долженъ устрашаться пагубнаго суевѣрія, но истинное благочестіе, коимъ оныя обличаются и побѣждаемы бываютъ, познать.

Конецъ седьмой книги о градѣ Божіемъ.

ПРИ-

ПРИМѢЧАНІЯ
на
Книгу Блаженнаго Августина, Епископа Иппонійскаго, о градѣ Божіемъ, седьмую.

На главу первую.

(1) Тертулліанъ. О немъ въ церковныхъ писателяхъ Іеронимъ такимъ образомъ пишетъ: Тертулліанъ, пресвитеръ провинціи Африканской, города Карѳагена, отъ отца знаменитаго рожденный, имѣлъ разумъ острый, процвѣталъ при Северѣ и Каракаллѣ; писалъ множество книгъ, которыя поелику всѣмъ извѣстны, то мы оставляемъ о нихъ предлагать. Кипріанъ мученикъ безъ чтенія книгъ Тертулліановыхъ ни дня одного не пропускалъ, и называлъ его своимъ учителемъ. Наконецъ впалъ Тертулліанъ въ Монтанову ересь, побужденъ на то бывши ненавистію и поношеніемъ церковниковъ Римской церкви. Книги его были не извѣстны чрезъ многіе вѣки, но въ сей вѣкъ, въ которой мы Августиновы книги объясняли, найдены въ Германіи, и стараніемъ Ренана, человѣка ученѣйшаго, у Фробенія напечатаны.

На главу третію.

(1) Либера, которая и Церера, или Венера. Либера сестра Діонисіева, чрезъ коихъ солнце и луна разумѣются, которыя сѣменами всѣми владычествуютъ. Порфирій плодородную силу въ лунѣ Церерою называетъ. Изъ сего можно познать, что Либера тожъ есть, что и Церера.

(2) Юпитерова сестра и жена. Сіе утверждаетъ Виргилій.

(3) Какъ будто бы нѣчто большее. Древняя рѣчь философовъ носится: нѣтъ въ свѣтѣ ничего лучше и болѣе человѣка, а въ человѣкѣ разума.

На главу четвертую.

(1) О Янусѣ. Янусъ царствовалъ въ Италіи съ Камезомъ, почему и назывылось государство ихъ Камезин-

скимъ,

скимЪ, городЪ же столичный ЯникуломЪ. По смерти Камеза обладалЪ одинЪ ЯнусЪ всемЪ. ОнЪ Сатурна, бѣжавшаго отЪ Юпитерова оружія изЪ Крита, принялЪ, который когда научилЪ Януса земледѣлію, то допущенЪ былЪ вЪ обладаніе частію государства. Есть книжка подЪ именемЪ Бероза Вавилонскаго, вЪ которой пишется, что ЯнусЪ есть тотЪ самой, что и Ной. Но я думаю, что сія книга содержитЪ вЪ себѣ чистыя сновидѣнія.

(2) КЪ поношенію. Овидій вЪ книгѣ шестой праздниковЪ утверждаетЪ, что ЯнусЪ изнасиловалЪ Крану Нимфу, которая послѣ преименована Карною, и владычество свое имѣетЪ надЪ крюкомЪ у дверей. Но АвгустинЪ, когда свои сіи книги писалЪ, или забылЪ о семЪ, или за басню почелЪ.

На главу шестую.

(1) ВЪ числѣ священнослуженій, отправляемыхЪ Церерѣ. О священнослуженіяхЪ ЦерериныхЪ я думаю будетЪ читателямЪ непротивно пространнѣе предложить. Церера отЪ Юпитера родила Прозерпину, которую ПлутонЪ изЪ Сициліи похитилЪ. Церера, ища оной, большую часть свѣта обошла, и когда пришла вЪ ЕлевзинЪ, то принята ласково ЦелеемЪ, у котораго тогда родился сынЪ ТриптолемЪ отЪ Іоны, котораго она воспитала, зачто Целей священнослуженія ей сЪ великимЪ иждивеніемЪ отправляемыя, уставилЪ, называемыя Елевзинскими. Нѣкоторые же увѣряютЪ, что оныя священнослуженія изЪ Египта ЕрихѳеемЪ введены, что не менѣе похоже на правду; ибо большая часть глупостей оттуда вЪ прочія страны перешли. КЪ симЪ священнослуженіямЪ не допускали никого, кромѣ посвященныхЪ. ПрофановЪ изгоняли. Первой сіи тайны открылЪ Нумерій философЪ, которому сказываютЪ во снѣ явились богини Елевзинскія вЪ блудническомЪ одѣяніи, и жаловались и роптали на него, что онЪ ихЪ открылЪ тайны. ЧрезЪ сіе знакЪ подали, что вЪ оныхЪ тайнахЪ содержалось нѣчто блудническое; ибо ежели бы прямо священное и святое вЪ оныхЪ заключалось, то богини не имѣли бы причины стыдиться

и

и негодовать на философа. СократЪ не прямою стезею, какЪ и многое другое, обличаетЪ у Платона, когда повелѣваетЪ непотребное и мерзское богами учиненное скрывать; и притомЪ грозится Изидины, или Церерины тайны сокровенныя открыть, коимЪ словомЪ понуждаетЪ богиню дѣлать то, что онЪ хочетЪ, и тѣмЪ самимЪ открываетЪ, что непотребное и зазрительное вЪ оныхЪ тайнахЪ заключалось. Григорій НазіанзинЪ вЪ рѣчи на Богоявленіе такЪ говоритЪ: не похищается у насЪ какая либо дѣвица, не бродитЪ Церера и не приводитЪ ЦелеевЪ и ТриптолемовЪ и дракоковЪ, которая частію дѣйствуетЪ, частію страдаетЪ; ибо стыжусь я тратить день вЪ нощныхЪ священнослуженіяхЪ, и изЪ тайны дѣлать мерзость. ВѣдаетЪ о семЪ ЕлевзисЪ и зрители вещей умалчиваемыхЪ, и подлинно достойны онѣ молчанія. И какЪ вЪ праздники Бахусовы носили Пріапа, такЪ во время Церерина священнослуженія, какЪ свидѣтельствуетЪ ѲеодоритЪ, носили женской дѣтородной удЪ.

На главу седьмую.

(1) О священнослуженіи, отправляемомЪ вЪ честь Либера. Ѳебанцы чрезЪ два года вЪ третій отправляли оное на ЦитеронѢ горѣ по ночамЪ. ВЪ оныхЪ носимы были фаллы, то есть дѣтородные мужескіе уды наивеличайшіе. Египтяне на сей случай дѣлали малые статуи сЪ наивеличайшими мужескими дѣтородными удами, и носили оные около своихЪ нивЪ для плодородія. ѲеодоритЪ вЪ книгѣ третіей пишетЪ, что сіи праздники назывались Фаллагогія, когда носимы были фаллы. ДіодорЪ повѣствуетЪ, что ОзирисЪ есть тотЪ же самой БахусЪ, которой растерзанЪ былЪ отЪ Тифона; и когда каждой изЪ учинившихЪ заговорЪ взять долженЪ былЪ по части, дабы такимЪ образомЪ вѣрнѣйшими имЪ между собою быть, и дабы легче и удобнѣе смерть Озирисову утаить могли, то поелику никто дѣтороднаго уда взять не согласился, брошенЪ оный вЪ НилЪ рѣку. Изида отмстивЪ смерть своего мужа, и собравЪ его части, когда примѣтила,

тила, что недостаетъ дѣтороднаго уда, поддѣльной обоготворила и нарекла Фалломъ, и жрецовъ къ оному назначила, уважая сію часть болѣе другихъ.

На главу первуюнадесять.

(1) Сколь за велико поставляетъ насъ Богъ. Павелъ къ Римляномъ въ главѣ осьмой: *Иже своего Сына не пощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его.*

На главу вторуюнадесять.

(1) Какъ чрезъ вѣдущихъ, такъ и невѣдущихъ. Пророки не всѣ свои пророчества разумѣли, и которые разумѣли, не все разумѣли. Понеже говорили они не отъ себя, но вдохновеніемъ Божіимъ, и Богъ употреблялъ ихъ не какъ совѣтниковъ, но какъ орудія, чрезъ кои людямъ говорилъ, хотя прекословить не можно въ нѣкоторыхъ видѣніяхъ, что были имъ открыты, особливо что касается до конца, къ коему пророчества относились, на примѣръ о пришествіи Мессіиномъ.

На главу пятуюнадесять.

(1) Къ идромантіи. Она значитъ гадателвство изъ воды. Сіе гадательство многими образами бывало: дѣлывалось посредствомъ земли, и называлось геомантіею; или огня, пиромантіею; или дыму, капномантіею; или птицъ, или внутренностей животныхъ, въ коемъ искусны были Этруряне; или рѣшета, косциномантіею; или топора, аксиномантіею; или травъ, ботаномантіею; или мертвыхъ, некромантіею и ниціомантіею; или звѣздъ, астрономіею, въ коемъ искусны были Халдеи; или жребіевъ, клеромантіею; или начертаній, находящихся на рукахъ, хиромантіею; или лица, физіогноміею; или рыбъ, ихтіомантіею, которая отвержена Апулеемъ. Идромантію я на концѣ положилъ; понеже о ней говоримъ. Она просто не бываетъ; ибо или въ бутылку иные вливаютъ воду, въ которую смотритъ отрокъ; или въ тазъ. Въ сей искусными Страбонъ почитаетъ Азіатскихъ людей. Смотривали многіе и въ источники, и тамъ, казалось имъ, видали

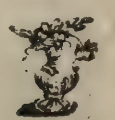
бу-

будущее. Такимъ образомъ Павзаній пишетъ, что въ Ахаіи находится храмъ Церериннъ, и не подалеку источникъ, въ который по принесеніи жертвъ больные смотря, видятъ конецъ своихъ болѣзней. Ямблихъ повѣствуетъ, что въ Колофонѣ было подземное мѣсто, въ коемъ былъ источникъ, изъ котораго въ назначенныя ночи по совершеніи священнослуженія испивъ становился невидимъ, и вопрошающимъ давалъ отвѣты. Сего рода гадательства, то есть идромантіи, употреблялъ Нума.

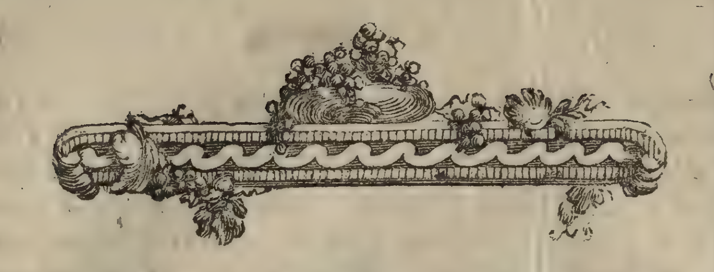
(2) И послѣ Пиѳагоръ. Сіе противъ тѣхъ, кои утверждали, что Нума учился у Пиѳагора; ибо Нума за нѣсколько лѣтъ прежде рожденія Пиѳагорова скончался.

(3) Къ Кесарю первосвященнику. К. Кесарь Диктаторъ былъ первосвященникомъ великимъ, которому Варронъ писалъ свои книги.

(4) Нимфу Егерію. Находятся нѣкоторые, кои думаютъ, что сія была одна изъ числа Музъ; другіе почитаютъ Нимфою источниковъ, которая по смерти Нумовой отъ Діаны превращена въ источникъ.

БЛА-

БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА, ИППОНІЙСКАГО ЕПИСКОПА,

КЪ МАРКЕЛЛИНУ

О градѢ Божіемъ.

КНИГА VIII.

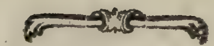
Глава первая.

О словопрѢніи съ знаменитыми философами, въ разсужденіи природной богословіи.

Теперь большаго намъ потребно благоразумія, нежели въ рѢшеніи прежнихъ вопросовъ и изъясненіи книгъ; ибо о богословіи, природною называемой, не съ невѢждами, поелику не баснословная она, то есть ѳеатральная, или гражданская, изъ коихъ первая представляетъ боговъ пороки и преступленія, другая открываетъ беззаконныя желанія злыхъ наипаче бѢсовъ, нежели боговъ; но съ философами стязаться должно, коихъ ежели разсмотрѢть имя, то оно на Россійскомъ діалектѢ означаетъ любовь мудрости, или любомудріе. И такъ ежели премудрость есть Богъ (1), который сотворилъ все, какъ Божественное откры-

кры-

крываетъ писаніе, то истинный и прямый философъ долженъ быть любителемъ Божіимъ. Но какъ самой вещи, коей есть имя сіе, во всѣхъ не находится, кои симъ славятся именемъ; ибо не всѣ безъ разбору любителями суть мудрости, которые называются философами: то непремѣнно надлежитъ изъ всѣхъ, коихъ мнѣнія изъ сочиненія ихъ видимъ, избрать, съ коими бы разсмотрѣть сіе дѣло. Понеже я симъ сочиненіемъ не всѣ и всѣхъ философовъ предпринялъ неосновательныя мнѣнія опровергнуть, но тѣ только, кои принадлежатъ до богословіи, чрезъ которое слово разумѣемъ о Божествѣ слово; да и то не всѣхъ, но только тѣхъ, кои, признавая Бога и Его о всемъ промыслъ, однако думаютъ, что почитаніе неизмѣняемаго Бога единаго не довольно къ пріобрѣтенію по смерти блаженной жизни; и потому за нужное поставляютъ почитать многихъ боговъ, отъ единаго онаго Бога созданныхъ. Сіи и Варроново мнѣніе приближеніемъ своимъ къ истиннѣ превосходятъ. Ибо онъ всю природную богословію простираетъ только къ міру и его душѣ, сіи же признаваютъ Бога выше всякой души, который не только видимый сей міръ, часто называемый именемъ неба и земли, но и всякую душу сотворилъ, и душу словесную и разумную, какова-то на примѣръ человѣческая, чрезъ сообщеніе безплотнаго и неизмѣннаго своего свѣта блаженною дѣлаетъ. Сіи философы Платоническими названы про-

изведенiемъ имени своего отъ Платона, своего учителя, о чемъ я думаю всякъ по крайней мѣрѣ наслышкою знаетъ.

Глава вторая.

О двухъ родахъ философiи, то есть Италiянскомъ и Iоническомъ, и ихъ изобрѣтателяхъ.

И такъ о семъ Платонѣ за нужное почитаю кратко сказать, упомянувъ прежде тѣхъ, кои въ томъ же родѣ его предварили. Ибо что касается до ученiя Греческаго, то два рода философовъ описываются: одинъ Италiянскiй, то есть той части Италiи, которая прежде называлась большею Грецiею; другой Iоническiй, въ тѣхъ то есть земляхъ, которыя и нынѣ Грецiею именуются. Италiянскихъ философовъ заводчикомъ былъ Пиѳагоръ Самiйскiй, отъ котораго сказываютъ и имя философiи началось. Понеже когда прежде того мудрецами назывались тѣ, которые нѣкоторыми уставами похвальной жизни другихъ превосходили: то когда вопросили Пиѳагора, чтобъ онъ такое былъ? отвѣтствовалъ, что онъ философъ, то есть снискатель, или любитель мудрости; поелику называться мудрымъ надмѣннымъ казалось дѣломъ. Iоническагожъ рода философiи заводчикомъ былъ Ѳалесъ Милетской (1), одинъ изъ числа седьми мудрецовъ (2). Но оные шесть различались между собою уставами житiя. Сей же Ѳалесъ, дабы умножить преемни-

никовЪ по себѢ, то испытывая природу вещей и пиша (3) оное, прославился. А особливо потому сталЪ славнымЪ, что научившись математикѢ и астрологiи (4), могЪ предсказывать затмѢнiе солнца и луны. При всемЪ томЪ думалЪ, что вода есть началомЪ вещей (5) и что отЪ оной всѢ стихiи произошли, и самый мiрЪ, и все то, что вЪ немЪ раждается (6). ПреемникомЪ ему былЪ АнаксимандрЪ (7), его ученикЪ, который перемѢнилЪ мнѢнiе о природѢ вещей; ибо онЪ думалЪ, что не изЪ одной вещи, какЪ ѲалесЪ, но каждая изЪ своихЪ началЪ раждается. Почему и вѢрилЪ, что начала вещей суть безчисленныя, и что оныя раждаютЪ безчисленные мiры и все вЪ нихЪ сущее, и что оные мiры иногда разрушаются, иногда паки составляются, ничего вЪ сихЪ дѢлахЪ Божiю разуму (8) не присвояя. Сей оставилЪ по себѢ преемникомЪ Анаксимена (9), ученика своего, который причины вещей присвоилЪ безмѢрности воздуха. ОнЪ не опровергалЪ бытiе боговЪ, и не умалчивалЪ, однако думалЪ, что воздухЪ не они создали, но что сами они отЪ него произошли. АнаксагорЪ (10) же, его ученикЪ, думалЪ, что всѢхЪ вещей видимыхЪ творцемЪ есть Божiй умЪ, и говорилЪ, что все по своему виду и образу раждается, однако при содѢйствiи Божiя ума. И дiогенЪ, другой ученикЪ АнаксименовЪ (11), говорилЪ, что воздухЪ (12) есть веществомЪ всѢхЪ вещей, изЪ котораго все происходитЪ; но притомЪ утверждалЪ, что онЪ имѢетЪ Божiй разумЪ, безЪ котораго ничего изЪ воздуха не дѢлается. На мѢсто Ана-

ксагорово вступилЪ ученикЪ его Архелай (13), который поставлялЪ, что все бываетЪ изЪ различныхЪ частицЪ, одна другой неподобныхЪ; однако признавалЪ, что при ономЪ составленіи находится нѣкоторый разумЪ, который различныя оныя частицы то соединяя, то раздѣляя, все дѣлаетЪ. СказываютЪ, что ученикомЪ былЪ у него СократЪ (14), учитель ПлатоновЪ, ради котораго я кратко и о всѣхЪ упомянулЪ.

Глава третія.

О ученіи СократовомЪ.

И такЪ СократЪ первый (1) всю философію, сказываютЪ, наклонилЪ кЪ исправленію нравовЪ, когда прежде его вЪ изысканіи физическихЪ, то есть природныхЪ вещей, всѣ упражнялись. Однако не можно кажется прямо узнать, не скучивЪ ли темнотою вещей (2) неизвѣстныхЪ, обратилЪ мысли свои кЪ достиженію яснаго и извѣстнаго ученія, которое для препровожденія блаженной жизни необходимо потребно, и для котораго всѣ философы неусыпно трудились; или, какЪ нѣкоторые думали, что онЪ не хотѣлЪ (3), дабы земными вожделѣніями зараженныя души вникали вЪ Божественныя дѣла. Когда примѣчалЪ, что философы испытываютЪ причины вещей, которыя первѣйшія и главнѣйшія состоятЪ вЪ волѣ единаго истиннаго и высочайшаго Бога; почему и думалЪ, что оныхЪ инаково постигнуть не можно, развѣ очистивши мысль. Того ради за благо разсудилЪ упражняться вЪ очищеніи бла-

благими нравами жизни, дабы, обуздавъ вожделѣнія и сложивъ иго ихъ съ себя, духъ природною быстротою и силою могъ возноситься и вникать въ вѣчное, и узрѣть природу безтѣлеснаго и неизмѣняемаго свѣта, гдѣ всѣхъ созданныхъ вещей находятся причины. Однако извѣстно (4), что онъ безуміе невѣждъ, мечтающее знаніемъ и въ самыхъ своихъ нравоучительныхъ вопросахъ, къ которымъ онъ совершенно устремился, или признаніемъ своего незнанія, или притворяясь незнающимъ, удивительно и остроумно и забавно опровергалъ, и чрезъ сіе-то самое возбудилъ онъ въ людяхъ на себя ненависть (5), и оклеветанъ бывши, осужденъ на смерть. Однако послѣ того (6) городъ Аѳины, хотя публично самъ осудилъ его, общенародно оплакивалъ и народъ съ толикимъ негодованіемъ устремился на двухъ доносителей, кои его оклеветали, что одного изъ нихъ убили, а другаго сослали въ ссылку. Толь-то славный въ житіи и смерти Сократъ оставилъ многихъ (7) своей философіи послѣдователей, которые наперерывъ (8) одинъ передъ другимъ тщались о нравоучительныхъ вопросахъ и разсужденіяхъ, и изслѣдывали, въ чемъ состоитъ высочайшее добро, безъ котораго человѣкъ не можетъ быть блаженнымъ. И какъ въ разсужденіяхъ Сократовыхъ, коими онъ всего касался, раззорялъ и разрушалъ, не ясно открыто было, то послѣдователи его по своему изволенію утверждали о концѣ добра. Концемъ же добра на-

 зы-

зывается то, куда достигнувъ человѣкъ, бываетъ блаженнымъ. А столь различные о семъ концѣ послѣдователи Сократовы мнѣнiе имѣли, что кажется невѣроятнымъ, дабы они одного учителя были учениками; ибо нѣкоторые высочайшее добро полагали въ удовольствiи, какъ-то Аристиппъ (9), нѣкоторые въ добродѣтели, какъ-то Антисѳенъ (10), одни въ томъ, другiе въономъ, о коихъ упоминать продолжительнымъ кажется.

Глава четвертая.

О главномъ между учениками Сократовыми Платонѣ, который философiю на три раздѣлилъ части.

Но между учениками Сократовыми достойно славою просiялъ и помрачилъ прочихъ Платонъ, который, будучи Аѳинянинъ (1) и притомъ знаменитаго рода, и имѣя высокiй разумъ, превозшелъ своихъ соучениковъ, однако, почитая къ совершенiю философiи себя недовольнымъ, и Сократово ученiе, того ради отправился въ чужiя страны, въ которыхъ славилось ученiе и его къ себѣ привлекало. И такъ учился и въ Египтѣ (2) всему тому, что въ немъ за великое почитаемо было и преподаваемо. А оттуда пришедъ въ ту часть Италiи (3), гдѣ Пиѳагоровы послѣдователи славились науками, что ни было знаменитаго въ Италiянской философiи, разговаривая съ первѣйшими ихъ учителями, понялъ удобно.

И

И поелику крайнѣ любилъ учителя своего Сократа, то во всѣхъ своихъ словахъ и разсужденіяхъ разговаривающимъ вводя и то самое, чему отъ другихъ научился, или самъ своимъ изобрѣлъ разумомъ, совокуплялъ съ его разсужденіями нравоучительными. И какъ ученіе мудрости упражняется въ дѣйствіи и умозрительствѣ, понеже одна онаго часть называется дѣятельною, другая умозрительною, и дѣятельная къ препровожденію жизни, то есть къ наставленію нравовъ принадлежитъ, умозрительная же къ изслѣдыванію причинъ вещей и истинъ, Сократъ въ дѣятельной прославился, а Пиѳагоръ совсѣмъ предался умозрительной. И для того Платонъ, обое то совокупляя совершилъ философію, которую раздѣлилъ на три части: одну нравоучительную, которая въ дѣйствіи упражняется; другую природную, которая умозрительству назначена; третію умственную, которая упражняется въ различеніи истинны отъ лжи, которая хотя обоимъ, какъ дѣйствію, такъ и умозрительству, необходимо потребна, однако по большой части умозрительство присвояетъ себѣ разсмотреніе истинны. Того ради сіе раздѣленіе не противно оному, коимъ разумѣемъ, что снисканіе мудрости состоитъ въ дѣйствіи и умозрительствѣ. Что же въ сихъ частяхъ Платонъ полагаетъ, какой поставляетъ конецъ всѣхъ дѣйствій, какую причину всѣхъ природъ, гдѣ свѣтъ всѣхъ причинъ: оное и многаго требуетъ на описаніе времени,

ни, да и утверждать оное я не смѣю; ибо когда учителя своего Сократа, котораго въ своихъ книгахъ вводитъ разговаривающимъ, представляетъ видъ, притворяясь въ незнаніи, или мнѣніи, понеже и самому ему сей обычай нравился: то отъ того произошло, что Платонова мнѣнія познать и различить не можно. Однако изъ всего того, что у него написано, то есть или гдѣ что онъ самъ сказалъ, или отъ другихъ слышанное предложилъ, нѣсколько должно представить въ семъ нашемъ сочиненіи, то есть гдѣ онъ или пособствуетъ нашему благочестію истинному, или гдѣ оному кажется противнымъ въ разсужденіи вопроса о единомъ Богѣ и многихъ, котораго почитать ради жизни блаженной, имѣющей быть по смерти, православное ученіе повелѣваетъ. Ибо можетъ статься тѣ, кои, признавая Платона прочихъ философовъ превосходнѣйшимъ и славнѣйшимъ, послѣдовали оному, нѣчто такое о Богѣ сказали, что въ Немъ найти можно и причину бытія, и разумъ, и чинъ житія, изъ коихъ трехъ одно къ природной, другое къ умственной, третіе къ нравоучительной части разумѣется принадлежащимъ. Ибо есть-ли человѣкъ такъ сотворенъ, что чрезъ то, что въ немъ находится изящное, достигаетъ до того, что все превышаетъ, то есть единаго истиннаго и благаго Бога, безъ котораго никакая тварь въ бытіе пртти не можетъ, никакая наука не въ состояніи

нïи наставить, никакое упражненïе не помоществуетъ: то Его мы искать должны, тогда и прочее все будетъ удобно на Него зрѣть, тогда все прочее будетъ у насъ право.

Глава пятая.

Что о богословïи съ Платоническими наипаче стязаться надлежитъ, коихъ мнѣнïе предпочитать должно всѣмъ философамъ.

И такъ когда Платонъ сказалъ, что мудрый есть познателемъ, подражателемъ и любителемъ Божïимъ, коего общенïемъ бываетъ блаженнымъ: то нѣтъ намъ нужды разбирать и разсматривать другихъ философовъ, когда ни одни сихъ ближе къ намъ не достигли. И такъ должно отдать преимущество Платоническимъ. Не только богословïя оная баснословная, увеселяющая сердца нечестивыхъ преступленïями боговъ, и не только оная гражданская, гдѣ нечистые духи, земнымъ увеселенïемъ предавшихся народовъ подъ именемъ боговъ прельщая, человѣческïя заблужденïя вмѣсто Божественныхъ честей приносить себѣ повелѣвали; гдѣ почитателей своихъ зрителями игръ, состоящихъ изъ ихъ преступленïй, имѣли; гдѣ чрезъ оныхъ къ своему почитанïю непотребствами другихъ возбуждая, увеселительныя для себя игры зрителей отправляли; гдѣ отправляемое на подобïе честнаго въ храмахъ связанностïю дѣйствïя храмовъ съ мерзостïю ѳеатральною

оскверняются, и все мерзское, представляемое въ өеатрахъ, подобіемъ мерзости, представляемой въ храмахъ, одобряется; и то самое, что Варронъ изъ сихъ священнослуженій протолковалъ принадлежащимъ къ небу и земли и сѣменамъ вещей смертныхъ, поелику не то самыми обрядами означается, что онъ внушить тщится, по тому усилію его не послѣдуетъ истинна. Но хотябъ и то самое означалось, при всемъ томъ разумной душѣ того, что въ разсужденіи порядка природы гораздо ниже ее, за Бога своего почитать не должно, и выше себя поставлять какъ боговъ тѣ вещи, выше коихъ оную положилъ истинный Богъ; да еще и такое признавать священнымъ, что Нума Помпилій закопаніемъ съ собою въ землю желалъ скрыть, и которое по извлеченіи плугомъ отъ Сената повелѣно сжечь; а притомъ и такое, дабы не столь жестоко трогать Нуму, каковое по объявленію Александра Македонскаго (1), первосвященникомъ нѣкоторымъ Египетскимъ Леономъ открыто его матери, гдѣ не только Пикусъ и Фавнъ и Еней и Ромулъ, или Геркулесъ и Эскулапій и Либеръ, рожденный отъ Семелы, и прочіе изъ смертныхъ почитаемые за боговъ, но и большихъ народовъ боги, коихъ Цицеронъ въ Тускуланскихъ слегка касается, Юпитеръ, Юнона, Сатурнъ, Вулканъ, Веста и другіе безчисленные, коихъ Варронъ къ частямъ міра, или стихіямъ тщится принесть, описываются людьми. Ибо, боясь и онъ,

онЪ, что открылЪ тайну, проситЪ Александра, что когда уже то сообщено матери, повелѣлЪ бы оное огнемЪ сжечь. И такЪ не только то, что двѣ богословіи, баснословная и гражданская, содержатЪ, уступить должно преимущество ПлатоническимЪ философамЪ, которые признавали истиннаго Бога и Творца вещей, и Открытеля истинны, и Подателя блаженства; но и другіе философы, которые, пригвоздивЪ кЪ плоти свои разумы, поставляли природы тѣлесныя начала, и, кЪ-то ѲалесЪ вЪ влажности, АнаксименЪ вЪ воздухѣ, Стоики вЪ огнѣ (2), ЕпикурЪ вЪ атомахЪ, то есть наидробнѣйшихЪ тѣлахЪ, кои ни раздѣлить, ни осязать не можно, и прочіе, коихЪ я изчисляя медлить не хочу, которые или простыя, или соединенныя тѣла, или не живущія, или живущія, однако тѣла причиною и началомЪ вещей поставляли; ибо нѣкоторые изЪ нихЪ вѣрили, что отЪ вещей неодушевленныхЪ (3) происходить могутЪ одушевленныя, какЪ-то Епикуры. Нѣкоторые же признавали отЪ живущаго нѣкоторыя живущія и нѣкоторыя неживущія, однако отЪ тѣла тѣлесныя раждаться могутЪ; ибо Стоики огонь, одно тѣло изЪ четырехЪ стихій, изЪ коихЪ состоитЪ сей видимый міРЪ, поставляли и живущимЪ и премудрымЪ и самаго міра творцемЪ, и всего того, что вЪ немЪ находится, богомЪ. Сіи и подобные то только утверждали, что сердца ихЪ, подверженныя плотскимЪ чувствованіямЪ, ложно внушали. Ибо они вЪ себѣ то имѣли (4),

чего

чего не видали, и въ себѣ мечтали, что видѣли внѣ, и помышляли, чего не видали. Сіе же въ разсужденіи таковаго помышленія уже не тѣло, но подобіе тѣла; а то, откуду кажется въ разумѣ таковое подобіе тѣла, ни тѣло есть, ни подобіе тѣла, и откуду кажется, и благолѣпно ли оно, или безобразно разсуждаемо бываетъ, то конечно лучше, нежели почитается. Сіе разсужденіе есть человѣческое, и самая разумной души природа, которая подлинно не есть тѣло, когда уже и оное подобіе тѣла, когда въ разумѣ человѣческомъ представляется и судится, не есть тѣло. И такъ она ни земля, ни вода, ни воздухъ, ни огнь, изъ которыхъ четырехъ тѣлъ, кои называются четырьмя стихіями, міръ видимъ составленный. Естьлижъ душа наша не есть тѣло, то какимъ образомъ Богъ, Творецъ души, быть можетъ тѣломъ? Чего для и сіи пускай уступятъ Платоническимъ, равно и тѣ, кои хотя за стыдъ себѣ вмѣняли признавать Бога плотнымъ (5), но утверждали, что Онъ тогожъ есть существа и той же природы, какъ души наши; ибо видно, что ихъ ни мало то не безпокоило, что души наши столь измѣняемы, чего Богу приписать непристойно. Но говорятъ: въ разсужденіи тѣла премѣняется природа души; ибо она сама чрезъ себя не измѣняется. Моглибъ они сказать, я думаю, что посредствомъ тѣла уязвляется плоть, а сама собою она уязвлена быть не можетъ. Ибо что премѣниться не мо-

можетъ, оное никакою вещію премѣниться не можетъ; и потому что посредствомъ тѣла премѣняется, то есть нѣкоторою вещію может, онаго прямо неизмѣняемымъ не льзя назвать.

Глава шестая.

О мнѣніи Платоническихъ философовъ въ той части философіи, которая физикою называется.

И такъ видѣли оные философы, коихъ предъ прочими не недостойно въ славѣ предпочтенными видимъ, что никакое тѣло не можетъ быть Богомъ ( ); и потому умомъ своимъ выше стремились тѣлъ, ища Бога; видѣли, что всѣ измѣняемое не есть всевышній Богъ, и для того миновали всякую душу и всѣ измѣненію подлежащіе духи, ища всевышняго Бога; подобно видѣли и то, что она есть: какимъ бы образомъ она бытія ни имѣла, и какой бы природы ни была, не можетъ быть, какъ только отъ того, которой истинно есть, понеже и неизмѣняемое бытіе имѣетъ. И потому какъ всецѣлое міра тѣло, образы, качества, стройное движеніе и устроеніе стихій отъ неба до земли, и всѣ тѣла, въ оныхъ находящіяся, такъ и всякая жизнь, какъ та, которая питаетъ и содержитъ, какова то въ древахъ; такъ и та, которая и оное имѣетъ и притомъ чувствуетъ, какова-то въ безсловесныхъ; такъ и та, которая и оное имѣетъ

и

и притомъ разумѣетъ, какова-то въ людяхъ; такъ и оная, которая помощи питательной не требуетъ, но только содержится въ бытіи, чувствуетъ, разумѣетъ, какова-то въ Ангелахъ, отъ инаго произойти не могутъ, какъ только отъ того, который простое бытіе имѣетъ. Понеже Его бытіе не иное есть, и иное жизнь, какъ будто бы могъ бытіе имѣть безъ жизни; и не иная у Него жизнь и иное разумѣніе, какъ будто бы могъ житіе имѣть безъ разумѣнія; ни иное у Него разумѣніе, иное быть блаженнымъ, какъ будто бы могъ разумѣть, и не быть блаженнымъ; но жизнь, разумѣніе, блаженство тожъ самое у Него, что бытіе; и по сему, что Богъ неизмѣняемъ и простъ, признавали, что Онъ все сіе сотворилъ и самъ ни отъ кого не произшелъ. Ибо они выразумѣли, что изъ всего того, что быть имѣетъ, есть или тѣло, или жизнь, и что лучше нѣкакъ жизнь, нежели тѣло, и что видъ тѣла чувственный, жизни разумный; и того ради разумный видъ чувствительному предпочли. Чувствительнымъ то называемъ, что видѣніемъ и осязаніемъ тѣлеснымъ и проч. чувствуемо быть можетъ; разумное же, что созерцаніемъ ума разумѣть можно. Ибо нѣтъ никакого благолѣпія, какъ въ состояніи тѣла, какъ-то въ начертаніи и въ движеніи, о которомъ бы душа не разсуждала; чего учинить она конечно не въ состояніи была бы, ежели бы въ себѣ лучшаго вида не имѣла. Но и въ томъ еже-

ли бы не была измѣняема, то одинъ другаго лучше о видѣ чувственномъ разсуждать не могъ бы. Ибо видно, что лучше разумный, нежели непроницательный; лучше искусный, нежели неискусный; лучше упражнявшійся, нежели никакого упражненія не имѣвшій; да и одинъ и той же когда лучше успѣваетъ, то конечно бываетъ лучше, нежели прежде. Все же то, что вмѣщаетъ иногда меньше, иногда больше, всенепремѣнно есть измѣняемо; почему разумные и ученые люди, въ семъ упражнявшіеся, удобно заключили, что нѣтъ въ тѣхъ вещахъ перваго вида, въ коихъ примѣчается перемѣна. И такъ когда усмотрѣли, что тѣло и душа и менѣе и болѣе бываютъ благолѣпны, и были бы онѣ ничто, ежели бы совсѣмъ лишены были вида: то и утверждали, что находится первый и неизмѣняемый видъ, который ни съ чемъ сравненъ быть не можетъ, и что въ томъ есть начало вещей, который не созданъ, и который все сотворилъ. Такимъ образомъ *разумное Божіе Богъ открылъ имъ, когда невидимая Его твореньми помышляема видима быша, и присносущная сила его и Божество,* отъ котораго и видимое и временное все сотворено. Сіе сказалъ я о той части, которую физикою, то есть природною называютъ.

Глава

Глава седьмая.

О томъ, что въ нравоучительной философіи Платоническіе философы преимущество имѣютъ предъ прочими.

Нравоучительная часть философіи по Гречески называется иѳикою, въ коей изслѣдывается о высочайшемъ добрѣ, къ которому относя все, что дѣлаемъ, и котораго не ради инаго чего, какъ ради его самаго желая и получая, ничего, чрезъ чтобъ болѣе намъ блаженнымъ быть, не ищемъ; ибо потому и концемъ называется, понеже ради его прочаго хощемъ, а онаго ради его самаго. И такъ сіе блаженное добро иные въ тѣлѣ, другіе въ душѣ, иные въ обоемъ поставляли. Ибо видѣли, что человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла, того ради отъ каждаго изъ сихъ двухъ, или отъ обоихъ купно добра надѣялись, въ разсужденіи конечнаго нѣкотораго блага, куда бы все, что дѣлаютъ, относить и быть блаженными, когда оное получатъ, и болѣе ничего не искать: того ради прибавили нѣкоторые третій родъ добра, называемаго внѣшнимъ, какъ-то честь, слава, богатство и прочее подобное, и не съ тѣмъ прибавили, аки бы оно было конечное, то есть таковое, котораго ради его самаго желать должно, но ради другаго блага, въ разсужденіи коего былъ бы сей родъ добръ благимъ и золъ злымъ. И такъ которые добра или отъ души, или отъ тѣла, или отъ обоихъ ожидали, тѣ ни-

ничего другаго не думали, какъ только что онаго искать должно и требовать отъ человѣка. Но которые онаго искали въ тѣлѣ, оные искали такъ, какъ въ части хуждшей; а которые въ душѣ, тѣ какъ въ части лучшей; а которые отъ обоихъ, тѣ отъ всего человѣка. И такъ хотя отъ части какой либо, хотя отъ всего человѣка, однако отъ человѣка. Однако сіи три различія не составляютъ только три, но различныя раздоры и секты произвели философовъ; понеже и о добрѣ тѣлесномъ и о добрѣ душевномъ, и о добрѣ обоихъ различные различное имѣли мнѣніе. И такъ должны уступить преимущество сіи всѣ онымъ философамъ, которые не утверждали, что человѣкъ есть блаженъ, наслаждающійся духомъ, или наслаждающійся плотію, но наслаждающійся Богомъ. Не какъ плотію, или духъ собою, или какъ другъ другомъ, но какъ око свѣтомъ. Впрочемъ, что отъ сихъ къ онымъ подобіямъ приложить должно и каково оно, оное при помощи Божіей въ другомъ мѣстѣ по силѣ нашей изъяснимъ.

Глава осьмая.

О той философіи, которая къ истиннѣ Христіянской вѣры ближе достигла.

Теперь довольно упомянуть о Платоновомъ опредѣленіи, что конецъ добра состоитъ въ томъ, чтобъ жизнь препровождать

добродѣтельно, и что оное тотъ одинъ прiобрѣтаетъ, который знаетъ Бога и Ему подражаетъ, и что не ради другой какой либо причины можетъ быть блаженнымъ. И потому не сомнѣвается утверждать, что философствовать есть тожъ самое, что любить Бога, коего природа безплотная. Изъ сего заключить можно, что любитель премудрости тогда будетъ блаженнымъ, когда станетъ наслаждаться Богомъ. Ибо хотя не всегда блаженъ тотъ, кто наслаждается тѣмъ, что любитъ: понеже многiе, любя то, чего любить не должно, стали нещастными, и тѣмъ нещастнѣе, что они тѣмъ наслаждаются; однако никто блаженнымъ быть не можетъ, который тѣмъ, что любитъ, не наслаждается; ибо и тѣ, кои любятъ вещи, любви недостойныя, не почитаютъ себя блаженными чрезъ то, что любятъ, естьли не наслаждаются. И такъ всякаго, который наслаждается любимымъ, ежели любитъ истинное и высочайшее добро, кто не назоветъ блаженнымъ, развѣ самой нещастнѣйшiй? Самымъ же истиннымъ и высочайшимъ добромъ Платонъ называетъ Бога; почему и заключаетъ, что философъ долженъ быть любителемъ Божiимъ, чтобъ, поелику философiя стремится къ блаженной жизни, наслаждающiйся Богомъ, ежели Его любитъ, былъ блаженнымъ. И такъ какiе бы философы о всевышнемъ Богѣ и истинномъ сiе ни говорили, что Онъ есть Творцемъ вещей созданныхъ

ныхЪ и свѣтомЪ познаваемыхЪ, и добромЪ дѣйствующихЪ; что отЪ Него происходитЪ и начало нашей природы и познаніе истины и блаженство жизни; хотябЪ они пристойно Платоническими назывались, или другой какой секты имя носили, или Іоническаго рода, которые тожЪ думали, что и ПлатонЪ, или Италіянскіе ради Пиѳагора и послѣдователей его; хотябЪ другіе, держащіеся тогожЪ мнѣнія, хотябЪ другихЪ народовЪ, которые мудрыми, или философами почитаемы были Атлантическіе (1), Ливійскіе, Египетскіе (2), Индійскіе (3), Персидскіе (4), Халдейскіе (5), Скиѳскіе (6), Галлы (7), Испанцы (8) и прочіе, которые сіе признавали и учили, таковыхЪ всѣхЪ другимЪ предпочитаемЪ и оныхЪ ближайшими кЪ намЪ признаваемЪ. Ибо хотябЪ ХристіянинЪ иной, упражняющійся вЪ СвященномЪ единственно Писаніи, и не зналЪ имени ПлатоническихЪ философовЪ, и не вѣдалЪ, что были два рода философовЪ, Іоническій и Италіянскій; при всемЪ томЪ не столь онЪ малоразсуденЪ, дабы не разумѣлЪ, что философы или упражняются вЪ снисканіи премудрости, или вЪ преподаваніи способовЪ кЪ пріобрѣтенію оной. Однако опасается тѣхЪ, кои *по стихіямЪ міра* (9) *сего философствуютЪ*, а не по Богѣ, который сотворилЪ мірЪ. Ибо онЪ предостерегается АпостольскимЪ заповѣданіемЪ, и неложно повинуется реченному: *Блюдите, да не прельститЪ васЪ кто философіею и тщетною лестію по стихіямЪ міра.* ПотомЪ, дабы

бы Христіянинъ не заключилъ того о всѣхъ философахъ, то слышитъ, что Апостолъ о нѣкоторыхъ говоритъ: *Яко разумное Божіе явѣ есть въ нихъ, Богъ бо явилъ есть имъ. Невидимая бо его твореньми помышляема видима суть и присносущная его сила и Божество.* И когда Аѳинянамъ говоря, сказалъ великое о Богѣ, которое рѣдкіе понять могли, то есть, что *въ немъ живемъ, движемся и есмы*: то прибавилъ и сказалъ: *якоже и отъ вашихъ нѣцыи рекоша.* Знаетъ опасаться и въ томъ, въ чемъ они заблудили; ибо когда сказано, что чрезъ созданіе Богъ открылъ имъ невидимое, то сказано тамъ же, что они не такъ, какъ надлежало, почтили Бога; понеже и другимъ вещамъ, коимъ не подобало, честь, одному Богу должную, отдавали. *Понеже познавше Бога, не яко Бога прославиша, или благодариша, но осуетишася помышленіями своими и омрачися неразумное ихъ сердце. Глаголюще мудріи быти, объюродѣша, и измѣниша славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣннаго человѣка, и птицъ, и четвероногихъ, и гадовъ.* Подъ сими словами и Римлянъ, и Грековъ, и Египтянъ, которые премудрости именемъ тщеславились, разумѣетъ. Но о семъ съ ними послѣ разсуждать будемъ. Въ чемъ же они съ ними согласуютъ, то есть, что единъ Богъ есть Творцемъ вселенныя, который не только выше всѣхъ тѣлъ безтѣлесенъ, но и выше всѣхъ душъ нетлѣненъ, начало

наше,

наше, свѣтъ нашъ, добро наше: въ семъ ихъ всѣмъ прочимъ предпочитаемъ.

Глава девятая.

Въ чемъ состоитъ преимущество Христiянства предъ философами.

Также ежели Христiянинъ, ихъ наукъ незнающiй, не употребляетъ ихъ словъ въ стязанiи, и не называетъ физикою той части, въ которой преподается ученiе о изслѣдованiи природы; и нравоучительною иөикою, въ которой преподается о нравахъ и концѣ благъ, коихъ желать надлежитъ, и золъ, коихъ удаляться должно; однако не не вѣдаетъ, что отъ единаго истиннаго и преблагаго Бога произошла наша природа, коею мы созданы по образу Божiю, и ученiе, коимъ насъ самихъ и Бога познаваемъ, и благодать, коею съ Нимъ соединяясь, блаженны бываемъ. Сiе-то самое есть, для чего мы сихъ прочимъ предпочитаемъ. Понеже когда философы умы свои и тщанiе изнурили въ изысканiи причинъ вещей, и въ томъ, дабы обрѣсти способъ ученiя и житiя: то сiи, Бога познавши, обрѣли, гдѣ находится причина устроенной вселенной, и свѣтъ къ познанiю истинны, и источникъ, изъ котораго бы почерпать блаженство. И такъ хотя Платоническiе, хотя другiе какихъ либо народовъ философы о Богѣ такъ думаютъ, тѣ согласное съ нами имѣютъ мнѣнiе. Но того ради съ

Платоническими наипаче о семЪ за благо я разсудилЪ разсуждать, понеже ихЪ писанія гораздо другихЪ извѣстнѣе; ибо и Греки, коихЪ діалектЪ у многихЪ народовЪ вЪ почтеніи, оныя крайнѣ прославили, и Римляне, тронуты будучи или превосходствомЪ, или славою, онымЪ тщательнѣе обучались, и на Латинской языкЪ переведши, знатнѣйшими сдѣлали.

Глава десятая.

Откуда ПлатонЪ могЪ снискать разумѣніе, коимЪ кЪ Христіянскому приближился.

Удивляются нѣкоторые, благодатію Христовою намЪ совокупленные, когда слышатЪ, или читаютЪ, что ПлатонЪ о Богѣ таковое умствовалЪ, которое крайнѣ сходственно сЪ истинною нашего благочестія. Почему многіе думали, что онЪ когда странствовалЪ вЪ Египтѣ, тогда слушалЪ Іеремію Пророка (1), или писанія Пророческія во время онаго странствованія читалЪ, коихЪ мнѣніе я вЪ нѣкоторыхЪ моихЪ книгахЪ положилЪ. Но по исправному численію лѣтЪ открывается, что ПлатонЪ родился послѣ того времени, какЪ Іеремія пророчествовалЪ, почти спустя сто лѣтЪ, и живши восемдесятЪ и одинЪ годЪ, умерЪ, и отЪ года смерти его до Птоломея, Царя Египетскаго, особливо до того времени, вЪ которое онЪ писанія ПророковЪ народа Еврейскаго у ІудеевЪ испросилЪ, и чрезЪ семдесятЪ пере-

переводчиковЪ ЕврейскихЪ, кои Греческой діалектЪ знали, перевелЪ, прошло до шестидесяти лѣтЪ. Почему ПлатонЪ вЪономЪ странствованіи своемЪ ни Іереміи видѣть не могЪ, которой за столько лѣтЪ прежде Платона умерЪ; ни Священнаго Писанія читать, которое еще на Греческой діалектЪ, вЪ коемЪ онЪ искусенЪ былЪ, переведено не было; развѣ только сказать, что онЪ, будучи человѣкомЪ острымЪ (2), какЪ Египетскими, такЪ и Еврейскими чрезЪ переводчика пользовался книгами. Да и то развѣ для знанія вЪ разговорѣ, а не на письмѣ; ибо Птоломей, будучи ЦаремЪ, котораго какЪ сосѣда могли Евреи опасаться и уважать, за великое одолженіе почелЪ, что получилЪ оныя для перевода. А чтобЪ они думали о Платонѣ, то есть, что священныя книги ему были извѣстны, доказательствомЪ тому нижеслѣдующее: книга Бытія начинается такимЪ образомЪ: *ВЪ началѣ сотвори БогЪ небо и землю. Земля же бѣ невидима и неустроена, и тьма бѣ верьху бездны, и ДухЪ Божій ношашеся верьху воды.* ВЪ Тимеи же ПлатонЪ (3), которую книгу о устроеніи міра писалЪ, говоритЪ, что БогЪ вЪ ономЪ дѣлѣ вопервыхЪ землю соединилЪ сЪ огнемЪ. Извѣстно же, что огню приписываетЪ мѣсто неба. И такЪ имѣетЪ сіе мнѣніе и рѣчь нѣкоторое подобіе реченнаго: *ВЪ началѣ сотвори БогЪ небо и землю.* ПотомЪ два оныя среднія, при положеніи коихЪ все между собою послѣднее и первое со-

 пря-

пряглося, водою называетъ и воздухомъ; почему думать можно, что онъ написанное въ Священномъ Писанiи такъ разумѣлъ: *Духъ Божiй ношашеся верьху воды.* Ибо мало вникая, въ какомъ смыслѣ Священное Писанiе употребляетъ слова Духа Божiя, и думая, что и воздухъ Духомъ Божiимъ называется, почелъ, что въ ономъ мѣстѣ означаются четыре стихiи. Наконецъ говоритъ Платонъ, что философъ долженъ быть любителемъ Божiимъ; а сего ничего болѣе не внушается въ Священномъ Писанiи. А особливо оное, которое и меня почти приводитъ къ тому, дабы признать, что Платону оныя книги были известны: что когда святому Пророку Моисею Богъ говорилъ, и на вопросъ его, какое есть имя Божiе, который повелѣваетъ итти для освобожденiя Евреевъ изъ Египта, отвѣтствовалъ: *Азъ есмь сый* (4), *и речеши сыновомъ Израилевымъ: сый посла мя,* какъ бы въ сравненiи прямаго Его бытiя, поелику Онъ неизмѣняемъ; прочiя вещи ничто, понеже подлежатъ перемѣнѣ. Сiе тщательно содержалъ Платонъ и внушалъ. И не знаю, находится ли сiе у какого писателя, который бы прежде Платона былъ, кромѣ онаго: *Азъ есмь сый, и речеши имъ, сый посла мя къ вамъ.* Но откуда бы онъ ни познaлъ оное, отъ книгъ ли, прежде его бывшихъ, или наипаче тѣмъ образомъ, какъ говоритъ Апостолъ: *Разумное бо Божiе явѣ есть въ нихъ: Богъ бо явилъ есть имъ.* Ибо *невидимая его твореньми помы-*

мышляема видима суть, и присносущная его сила и Божество. При всемъ томъ не недостойно я избралъ Платоническихъ философовъ, съ коими о томъ разсмотрѣть, когда рѣчь идетъ о природной богословіи, для будущаго блаженства, которое имѣетъ быть по смерти, одному ли, или многимъ богамъ священнослуженіе приносить должно? Ибо о томъ, что для благъ жизни сея единаго ли, или многихъ боговъ почитать надлежитъ, довольно, какъ мнѣ кажется, уже предложено и изъяснено.

Глава первая надесять.

О томъ, что Платоническіе философы хотя хорошо о единомъ и истинномъ Богѣ умствовали, однако священнослуженіе многимъ приносить совѣтовали.

Для того наипаче я сихъ избралъ, понеже о единомъ Богѣ, создавшемъ небо и землю, чѣмъ лучше умствовали, тѣмъ прочихъ знаменитѣе и славнѣе стали. Столь предпочтены другимъ по разсужденію потомковъ, что Аристотель, Платоновъ ученикъ (1), мужъ превосходнаго разума, и краснорѣчіемъ хотя Платону неравный (2), однако многихъ превзошедшій, когда секту Перипатетическую основалъ, понеже прогуливаясь обыкновенно словопрѣніе имѣлъ, и многихъ учениковъ, процвѣтая славою, къ себѣ привлекъ еще при жизни своего учителя (3), по смерти же Платоновой

Псевзиппъ (4), Платоновой сестры сынъ, и Ксенократъ, любимый Платоновъ ученикъ, въ училищѣ его, которое Академіею называлось (5), стали преемниками; и потому какъ они, такъ и ихъ послѣдователи (6) Академиками назывались. Однако новѣйшіе знаменитые философы, коимъ нравилось послѣдовать Платону, не согласились именоваться Перипатетиками, или Академиками, но Платоническими. Изъ сихъ весьма прославились Греки, Плотинъ (7), Ямвлихъ (8) и Порфирій (9); изъ знающихъ же Греческой и Латинской діалектъ, Апулей, Платоникъ знатный. Но сіи всѣ и симъ подобные, и самъ Платонъ думали, что многимъ богамъ (10) жертвы приносить должно.

Глава втораянадесять.

О мнѣніи Платоновомъ, коимъ опредѣлилъ, что боги не инаковы суть, какъ только добрые и любители добродѣтелей.

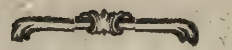
И такъ хотя Платоническіе философы и въ другихъ многихъ и великихъ вещахъ отъ насъ отличаются и съ нами не согласуютъ, однако въ семъ наипаче, что я здѣсь сказалъ, то есть, что многимъ богамъ должно приносить жертвы. Сіе поелику есть не малое нѣчто, то и вопрошаю ихъ, которымъ богамъ почтеніе отдавать надлежитъ, добрымъ, или злымъ, или и добрымъ и злымъ? Но о семъ имѣемъ мнѣніе Платоново (1), который сказалъ, что боги всѣ благи, и

и ни одного злаго нѣтъ. Слѣдовательно разумѣть намъ должно, что почтеніе отдавать надлежитъ благимъ; понеже естьли боги будутъ злы, то они тѣмъ самимъ и богами не будутъ. Сіе ежели справедливо, ибо чему еще о богахъ вѣрить можно? то совершенно разрушается оное мнѣніе (2) тѣхъ людей, которые думаютъ, что боговъ злыхъ умилостивлять должно жертвами, дабы они не причиняли вреда, а добрыхъ призывать, дабы они помогали. Ибо злыхъ боговъ нѣтъ совсѣмъ, а честь, должную добрымъ, священнослуженіемъ засвидѣтельствовать надобно. И такъ кто таковы тѣ, кои ѳеатральныя игры любятъ, и оныя къ священнослуженію своему присовокуплять и въ честь себѣ отправлять повелѣваютъ? Ихъ сила не доказываетъ того, что ихъ нѣтъ, но сіе ихъ желаніе показываетъ, что они злы. Ибо какихъ мыслей былъ Платонъ о ѳеатральныхъ играхъ, оное извѣстно, когда самихъ стихотворцовъ, слагающихъ толь недостойные величества и благости боговъ стихи, повелѣваетъ изъ городовъ благоустроенныхъ выгонять. И такъ что такіе за боги, которые съ самимъ Платономъ о ѳеатральныхъ играхъ препираются? Онъ запрещаетъ боговъ ложными преступленіями безславить и безчестить, а они тѣмижъ преступленіями своими повелѣваютъ честь себѣ отдавать. Наконецъ они, когда повелѣвали возобновить игры, то, требуя гнуснаго, дѣлали злое, Тита лишили сына, на самаго навели

бо-

болѣзнь за то, что повелѣнія ихъ не исполнилъ; и напослѣдокъ отвратили болѣзнь по исполненіи онаго. Платонъ же не бояться ихъ, какъ злыхъ, не повелѣваетъ, но крѣпко и неизмѣнно своего мнѣнія держась, всѣ стихотворцовъ святотатскіе вздоры, коими боги, по склонности своей къ непотребству, почитаются, отъ народа и благоустроеннаго общества удаляетъ. Сего же Платона, о чемъ я уже во второй книгѣ упомянулъ, между полубогами поставляетъ Лабеонъ, который боговъ злыхъ (3) кровопролитными жертвами и подобными тому моленіями умилостивлять, а добрыхъ играми и другими вещами, принадлежащими къ радости, повелѣваетъ. Какаяжъ бы тому была причина, что полубогъ Платонъ не полубогамъ, но богамъ, да еще добрымъ, оныхъ забавъ, поелику мерзскими признаваетъ, отправлять не позволяетъ? Которые боги опровергаютъ мнѣніе Лабеоново; ибо въ Латіи распустными и игривыми, но жестокими и страшными себя показали. И такъ пускай Платоническіе философы докажутъ намъ, что боги, по мнѣнію ихъ начальника, всѣ добры и честны, и любящіе добродѣтели премудрыхъ людей, и которые инаково о богахъ думать за преступленіе почитаютъ. Изъ сего видно, что оныя боги не что иное суть, какъ демоны, или злые духи.

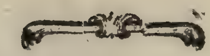
Глава

Глава третіянадесять.

Должно ли тѣхъ духовъ почитать человѣку, отъ коихъ пороковъ и преступленій надлежитъ удаляться.

Какоежъ неразуміе, или лучше сказать, безуміе, чрезъ нѣкоторое зловѣріе, называемое благочестіемъ, покаряться таковымъ демонамъ, или злымъ духамъ, когда истиннымъ благочестіемъ отъ оной развращности, коею бываемъ подобными имъ, свобождаемся! Ибо когда демоны, въ чемъ и Апулей, хотя и много ихъ щадитъ и божеской чести достойными почитаетъ, признается, воспламеняются: намъ истинное благочестіе гнѣваться запрещаетъ, и повелѣваетъ противиться (1) внутрь себе оному. Когда демоны дарами умилостивляются (2), намъ истинное благочестіе повелѣваетъ не льститься на дары. Когда демоны увеселяются честьми, намъ истинное благочестіе повелѣваетъ не услаждаться (3) ничѣмъ таковымъ. Когда демоны однихъ людей ненавидятъ, другихъ любятъ не по благоразумію какому либо, но по безразсудной страсти: намъ истинное благочестіе повелѣваетъ любить и враговъ нашихъ (4). Наконецъ всякое движеніе сердечное и душевное, всѣ возмущенія и бури мысленныя, которыми демоны, какъ Апулей говоритъ, колеблются, намъ истинное благочестіе отлагать повелѣваетъ. И такъ какая причина, кромѣ безумія и жалостнаго заблужденія, изъ почитанія

смиренный видЪ являть предЪ тѣмЪ, которому не хочешь вЪ житіи уподобляться, и благочестно почитать, которому не хочешь подражать, когда сила благочестія состоитЪ вЪ томЪ, дабы подражать тому, котораго почитаешь?

Глава четвертаянадесять.

Каково то благочестіе, вЪ коемЪ наставляемЪ бываетЪ человѣкЪ, дабы употреблялЪ вмѣсто ходатаевЪ демоновЪ, естьли хочетЪ вЪ милость войти кЪ добрымЪ богамЪ.

И такЪ напрасно Апулей сЪ прочими единомышленниками честь демонамЪ таковую присвоилЪ, поставляя ихЪ вЪ срединѣ между эѳирнымЪ небомЪ и землею, дабы они, поелику ни одинЪ изЪ боговЪ не примѣшается человѣкамЪ, что сказываютЪ утверждалЪ ПлатонЪ, приносили кЪ богамЪ человѣческія молитвы, а отЪ оныхЪ то, чего люди просятЪ. Ибо тѣ, которые сіе думали, недостойнымЪ щитали дѣломЪ, дабы примѣшивались люди богамЪ и боги людямЪ; для того назначены демоны, дабы богамЪ людскія нужды предлагали, и подаваемое ими людямЪ приносили; дабы то есть человѣкЪ непорочный и чистый, и отЪ беззаконій волшебной науки удаленный, ихЪ употреблялЪ вмѣсто ходатаевЪ, чтобЪ боги чрезЪ нихЪ лучше могли его выслушать, которые то любятЪ, чего демоны сами не любя достойнѣйшими поставляются, дабы оныхЪ удобнѣе и внимательнѣе выслушали боги. Ибо демоны любятЪ

мер-

мерзости ѳеатральныя, которыхъ не любитъ цѣломудріе; любятъ въ чарованіяхъ волшебниковъ многіе причинять вреды, коихъ ненавидитъ непорочность. Слѣдовательно и цѣломудріе и непорочность ежели бы чего желали испросить отъ боговъ, то не могутъ своими заслугами, естьли не употребятъ въ ходатаи своихъ враговъ. И такъ нѣтъ никакой причины, оправдающей стихотворческіе вымыслы и ѳеатральныя забавы. Мы имѣемъ въ противность имъ мнѣніе Платоново: уже люди совсѣмъ стыдъ потеряли, такъ что не только любятъ мерзости, но думаютъ, что и богамъ оныя столько же пріятны.

Глава пятаянадесять.

О нечестіи волшебной науки, которая подкрѣпляется нечистыми духами.

Противъ волшебныхъ наукъ, коими нѣкоторые нещастные и крайнѣ нечестивые и хвалятся о имени демоновъ, ясное приведу свидѣтельство. Ибо для чего толь тяжко наказываются за оныя по строгости законовъ, ежели оныя суть дѣломъ боговъ, почитанія достойныхъ? Не уже ли оные законы ввели Христіяне, по силѣ коихъ волшебныя науки смертной казни достойными судятся? Не лучше ли сказать, что оныя роду человѣческому вредъ причиняютъ? Ибо говоритъ о сихъ наукахъ стихотворецъ (1): видѣлъ я переходя-

ходящіе класы съ одного поля на другое. Понеже сказываютъ, что сія пагубная и беззаконная наука плоды (2) иныхъ переноситъ на поля другія: то Римляне въ законахъ двенатцати таблицъ, то есть наидревнѣйшихъ, какъ Цицеронъ упоминаетъ, написали о томъ статью, и казнь смертную тому положили, кто учинитъ оное. Наконецъ самъ Апулей (3) не уже ли у Христіянскихъ судей въ волшебныхъ наукахъ обнесенъ, въ которыхъ, ежели бы оныя были божественны и благочестны, и божественныхъ силъ дѣламъ согласны, не только признаться ему надлежало, но и утверждать, охуждая законы, которые оныя возбраняли и осуждали на казнь, которымъ наипаче удивляться и уважать надлежало? Ибо такимъ образомъ или убѣдилъ бы судей, или, ежелибъ они осудили его неправедно, и его предали смерти, то демоны душѣ его дары воздали бы, когдабъ онъ, проповѣдуя божественныя ихъ дѣла, не пощадѣлъ своей жизни. Какъ мученики наши, когда имъ вмѣсто преступленій противополагаемо было Христіянство, коимъ они надѣялись спастись, и быть въ славѣ во вѣки, то не разсуждали за благо отречься благочестія для избѣжанія временныхъ казней, но признаваясь, исповѣдая, проповѣдуя и за оное вѣрно и крѣпко все снося, и съ благочестною беззаботливостію умирая, постыдили законы, коими отъ Христіянскаго благочестія возбраняемы были, и оные премѣнили. Сего же

Плато-

Платоническаго философа пространная и прекрасная находится рѣчь, которою оправдаетъ себя, что беззаконіе волшебной науки отъ него удалено; и инаково не могъ казаться невиннымъ, какъ отрицаяся того, чего сдѣлать безъ преступленія не льзя. Но всѣ чудеса волшебниковъ (4), коихъ признаваетъ достойными смертной казни, наставленіемъ и пособіемъ дѣлаются демоновъ, которыхъ теперь пускай разсмотритъ, для чего повелѣваетъ чтить божескою честію, утверждая, что они необходимо потребны къ донесенію нашихъ прошеній къ богамъ; которыхъ дѣлъ должны мы удаляться, когда къ истинному Богу молитвы наши возсылать хощемъ. Потомъ вопрошаю: какія молитвы людскія богамъ добрымъ демонами бываютъ преносимы, волшебныя ли, или должныя? Ежели волшебныя, то добрые боги таковыхъ уповательно не хотятъ; ежели должныя, то не хотятъ чрезъ таковыхъ имъ приносимымъ быть. Естьли же грѣшникъ молится, особливо ежели что волшебное учинилъ, то не уже ли предстательствомъ тѣхъ получаетъ прощеніе, коихъ побужденіемъ и содѣйствіемъ въ преступленіе впалъ, имъ оплакиваемое? Или и самые демоны, дабы исходатайствовать прощеніе кающемуся, сами прежде въ прельщеніи каются, дабы получить самимъ прощеніе? Сего никто о демонахъ не говорилъ; понеже естьлибъ оно такъ было, то никогда бы они себѣ божеской чести не тре-

бовали, которые покаянiемъ желали достигнуть и удостоиться благодати прощенiя. Ибо въ томъ заключается проклятая гордость, а здѣсь смиренiе, милосердiя достойное.

Глава шестаянадесять.

Должно ли вѣрить тому, что боги добрые охотнѣе примѣшиваются демонамъ, нежели людямъ.

Но говорятъ, что важная находится причина, дабы демоны были посредниками между богами и людьми, и чтобъ они желанiя человѣческiя представляли богамъ, и испрошенное отъ боговъ приносили людямъ. Какая сiя причина, и какая нужда? Понеже, отвѣчаютъ, никакой богъ не примѣшивается людямъ. Изрядная святость бога, который не примѣшивается человѣку кающемуся и молящемуся, а примѣшивается надмѣнному демону! Не примѣшивается человѣку прибѣгающему къ божеству, а примѣшивается демону, восхищающему себѣ божество. Не примѣшивается человѣку, просящему прощенiя, а примѣшивается демону, внушающему людямъ непотребство. Не примѣшивается человѣку, любомудрiя книгами стихотворцовъ изъ городовъ благоустройныхъ изгоняющему; а примѣшивается демону, отъ начальниковъ и первосвященниковъ градскихъ посредствомъ игръ стихотворческихъ безчинствъ требующему. Не примѣшивается человѣку, возбраняющему

ющему вымышлять преступленія боговЪ, а примѣшивается демону, увеселяющемуся ложными боговЪ преступленіями. Не примѣшивается человѣку, беззаконія и злодѣянія волшебниковЪ праведно наказующему, а примѣшивается демону, научающему волшебнымЪ наукамЪ. Не примѣшивается человѣку, подражанія демонамЪ удаляющемуся, а примѣшивается демону, стремящемуся прелестію уловить человѣка.

Глава седьманнадесять.

ОбЪ отверженіи почитанія демоновЪ.

Остается теперь, что ни подЪ какимЪ видомЪ не вѣрить тому, вЪ чемЪ Апулей силится увѣрить, или какіе другіе философы, что демоны между богами и людьми суть посредниками и вѣстниками, которые аки бы отсюда кЪ богамЪ прошенія наши преносятЪ, а отЪ боговЪ приносятЪ помощь. Но что они суть духи, желающіе вредить, удаленные отЪ правды, надмѣнные гордостію, завистію пламенѣющіе, вЪ коварствѣ лукавые, обращающіеся вЪ воздухѣ, понеже сЪ высоты горняго неба низринуты, и не вЪ состояніи будучи возвратиться, какЪ бы вЪ темницѣ содержатся; однако не должно поставлять, аки бы они заслугами у Бога выше человѣкЪ; понеже выше земли и водЪ вЪ воздухѣ имѣютЪ жилище: ибо люди, имѣя Бога помощника, хотя не тѣломЪ бреннымЪ, но благоговѣйнымЪ разумомЪ ихЪ превосходятЪ. Демоны владычествуютЪ

только надъ тѣми, которые не достойны истиннаго благочестія, какъ надъ плѣнниками и подданными, которыхъ они ложными чудесами, или предвѣщаніями увѣрили, аки бы они боги. Нѣкоторымъ же взирающимъ на ихъ беззаконія людямъ когда не могли внушить о себѣ, что они боги, то притворствомъ внушили то, аки бы они между богами и людьми суть посредственниками и вѣстниками и ходатаями людямъ Божескихъ благодѣяній. Однако люди уже таковой имъ чести не приносили, которые не почитали ихъ богами; понеже чувствовали, что они злы. Боговъ же всѣхъ добрыми признавали, при всемъ томъ не смѣли говорить, что они божеской чести не достойны совсѣмъ; особливо для того, дабы не огорчить народъ, который по закоснѣлому суевѣрію толикими жертвами и поставленіемъ храмовъ служитъ.

Глава осьмаянадесять.

Какого мнѣнія былъ Трисмегистъ о идолопоклонствѣ, и откуда знать могъ, что Египетское суевѣріе истребится.

Ибо различное писалъ о нихъ Ермій Трисмегистъ Египтянинъ (1). Апулей правда богами ихъ не признаваетъ, но когда говоритъ, что они такъ состоятъ между богами и людьми, что людямъ у боговъ необходимо потребны, то почитаніе ихъ отъ почитанія боговъ не различаетъ. Оный же Египтянинъ пишетъ, что

иные

иные боги сотворены отъ всевышняго Бога, иные отъ людей. Сіе, что я сказалъ, кто слышитъ, тотъ думаетъ, что онъ говоритъ о кумирахъ, понеже оные суть дѣла рукъ человѣческихъ; но онъ видимыя и осязаемыя ваянія боговъ какъ бы тѣлами поставляетъ, и что въ нихъ присутствуютъ нѣкоторые боги призванные, или духи, которые могутъ или вредъ причинять, или исполнять желаніе тѣхъ, кои имъ покланяются и божескую честь воздаютъ. И такъ духовъ невидимыхъ нѣкоторымъ искусствомъ соединять съ видимыми вещами тѣлеснаго вещества, чтобъ оные были для тѣхъ духовъ какъ бы одушевленными тѣлами, онымъ духамъ посвященными, сіе то, говоритъ, есть творить боговъ, и увѣряетъ, что сію великую и чудную творить боговъ власть получили люди. Сего Египтянина слова, такъ какъ оныя на нашъ языкъ переведены (2), положу: *И понеже о сродствѣ и сообществѣ боговъ съ людьми рѣчь намъ предлежитъ, то познать ты долженъ, о Асклипій! силу и власть человѣческую. Господь,* говоритъ, *и Отецъ, или что есть высочайше, Богъ, какъ есть Творцемъ боговъ небесныхъ, такъ человѣкъ творцемъ есть боговъ, кои заключаются въ храмахъ, довольны будучи близостію къ людямъ. Такъ человѣчество,* говоритъ, *всегда памятуя свою природу и начало, въ ономъ божеству подражаніи пребываетъ, что какъ Отецъ и Господь, дабы были подобные Ему, боговъ сотворилъ вѣч-*

ныхъ: такъ человѣчество боговъ своихъ въ подобіи своего лица и вида изобразило. Въ семъ мѣстѣ Асклипій, съ коимъ онъ говорилъ, отвѣтствовалъ ему и сказалъ: *Ты о ваяніяхъ говоришь, о Трисмегистъ?* Тогда онъ, *ваянія,* продолжалъ, *о Асклипій! видишь, и не не довѣряй; ваянія одушевленныя, чувствомъ и духомъ наполненныя, и дѣйствующія толь многая и толь великая; ваянія, знающія будущее, и то самое предвозвѣщающія во многихъ и различныхъ вещахъ, чего и Пророки не знаютъ; наводящія болѣзни на людей и изцѣляющія оныя, и обвеселяющія смертныхъ по заслугамъ. Или ты не знаешь, о Асклипій! что Египетъ есть образъ неба, или лучше сказать, сошествіе всего того, что управляется и строится на небѣ; или еще справедливѣе: земля наша всего міра есть храмомъ? Однако каждой разумной человѣкъ поелику долженъ предузнавать будущее, то я не хочу отъ васъ сего скрыть. Пріидетъ время, когда откроется, что тщетно Египтяне благоговѣйною мыслію хранили благочестіе къ божеству, и все ихъ святое почитаніе падетъ.* Потомъ Ермій много о семъ говоритъ, гдѣ кажется онъ предсказываетъ о семъ времени, въ которое Христіянское благочестіе, которое чѣмъ истиннѣе и святѣе, тѣмъ сильнѣе и удобнѣе прелестей мечты и изображенія разрушило, когда благодать истиннаго Спасителя свободила человѣка отъ сихъ боговъ, коихъ сдѣлалъ человѣкъ,

и

и показалъ, что они суть ничто предъ тѣмъ, который сотворилъ человѣка. Но когда Ермій сіе предвозвѣщаетъ, то говоритъ какъ другъ тѣхъ же прелестей демонскихъ, и Христіянскаго имени ясно не изображаетъ, но какъ бы истребляемо было то, наблюденіемъ чего подобіе небесъ хранилось во Египтѣ. Такъ сіе оплакивая, сѣтованнымъ нѣкоторымъ предвѣщаніемъ засвидѣтельствуетъ; ибо онъ былъ изъ числа тѣхъ, о коихъ Апостолъ говоритъ, что *познавши Бога, не яко Бога прославиша, или благодариша, но осуетишася помышленіями своими, и омрачися неразумное ихъ сердце: глаголющеся мудріи быти, объюродѣша, и измѣниша славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣннаго человѣка* и проч. что изчислять долго. Ибо много таковаго о единомъ истинномъ Богѣ и Творцѣ міра говоритъ, каковое въ Священномъ Писаніи находится. И я не понимаю, какимъ ослѣпленіемъ сердца стремится онъ къ тому, чтобъ богамъ, коихъ по его признанію дѣлаютъ люди, всегда люди были повинующимися, и плачетъ о томъ, что въ будущее время оные истребятся, какъ будто бы могло что быть нещастнѣе человѣка, надъ которымъ твореніе рукъ его владычествуетъ. Когда гораздо удобнѣе, чтобъ почитаніемъ подѣлать богами, коихъ содѣлалъ, дабы самому не быть человѣкомъ, нежели чтобъ почитаніемъ были тѣ боги, которыхъ содѣлалъ человѣкъ. Ибо скорѣе статься тому можно, чтобъ

человѣкъ, будучи въ чести, уподобленъ былъ скоту несмысленному, нежели чтобъ созданію Божію, сотворенному по образу Божію, то есть человѣку, дѣло рукъ человѣческихъ предпочтено было. Почему по нуждѣ человѣкъ отступилъ отъ Творца своего, когда поклонился тому и предпочелъ себѣ то, что самъ сдѣлалъ. О сихъ-то суетахъ, прелестяхъ, пагубахъ, святотатствахъ, поелику извѣстенъ былъ, что пріидетъ время, въ которое оныя истребятся, соболѣзновалъ, но соболѣзновалъ столь безстыдно, сколь зналъ безумно. Ибо ему о семъ не Духъ Святый открылъ, какъ святымъ Пророкамъ, которые, сіе предвидя, въ веселіи говорили: *Аще сотворитъ человѣкъ боги: и се тіи не суть боги.* И на другомъ мѣстѣ: *Будетъ въ день оный, глаголетъ Господь, истреблю имена кумировъ отъ земли, и не помянется память ихъ.* Особенно же о Египтѣ, что къ настоящей матеріи принадлежитъ, такъ святый Исаія пророчествуетъ: *И подвигнутся рукотворенная Египетская отъ лица Божія, и сердце ихъ въ нихъ содрогнется*, и проч. Изъ тогожъ числа были и оные, которые, предвидя пришествіе Христово, о пришедшемъ радовались, каковъ былъ Симеонъ, какова Анна, которые вскорѣ родившагося Іисуса, какова Елисавета, которая зачавшагося Духомъ познала. Каковъ Петръ, который по откровенію Отца сказалъ: *Ты еси Христосъ, сынъ Бога живаго.* Сему же Египтянину оные духи открыли

крыли о будущемъ времени погибели своей, которые воплотившемуся Христу сказали: *Почто пришелъ еси прежде времени мучити насъ?* Сіе сказали они или для того, что для нихъ то было внезапнымъ; ибо они хотя и знали о пришествіи (3), но думали, что оно не скоро быть имѣетъ; или чрезъ погибель свою и мученіе то разумѣютъ, что они отъ людей познаны будучи, презрятся. И сіе было прежде времени, то есть прежде времени суда, въ которое на вѣчное осудятся мученіе со всѣми людьми, общеніе съ ними имѣвшими, какъ увѣряетъ насъ благочестіе (4), которое ни обманываетъ, ни обманывается, не какъ Ермій, который всякимъ вихремъ ученія колеблемъ, и мѣшая истинное съ ложнымъ, соболѣзнуетъ, что погибнетъ благочестіе, которое наконецъ называетъ заблужденіемъ.

Глава девятаянадесятъ.

Сколь ясно призналъ Ермій заблужденіе своихъ предковъ, о коемъ однако сожалѣетъ, что оно истребится.

Послѣ многаго паки къ томужъ возвратимся, чтобъ опять говорить о богахъ, кои҆хъ люди сдѣлали, и продолжаетъ: *Но о таковыхъ вещахъ сказаннаго довольно; паки,* говоритъ, *къ человѣку и разуму возвратимся, отъ котораго Божія дара человѣкъ названъ животнымъ разумнымъ;* ибо *не столь чудно, естьли чудное нѣчто сказано о человѣкѣ.*

Сіе всѣ чудеса превосходитъ, что человѣкъ могъ Божію найти природу и оную сдѣлать. Понеже предки наши не мало въ почитаніи боговъ заблуждали, не примѣняясь къ почитанію оныхъ; наконецъ нашли искусство, коимъ бы сдѣлать боговъ. Къ найденному искусству присоединили они силу, изъ природы міра сходственную, и оную смѣшивая; ибо души сдѣлать не могли, призывая демоновъ, оныхъ въ ваяніяхъ заключили святыхъ и Божественныхъ тайнахъ, пособіемъ коихъ могли бы кумиры и зло и добро дѣлать. Я не знаю, признался ль бы такъ самъ демонъ, заклятъ будучи, какъ признался Ермій? Понеже, говоритъ, предки наши не мало въ почитаніи боговъ заблуждали, не примѣняясь къ почитанію боговъ; наконецъ нашли искусство, коимъ бы сдѣлать боговъ. Что, мало ли предковъ заблуждшими почелъ, когда сказалъ, что нашли искусство какъ дѣлать боговъ? И недоволенъ былъ тѣмъ, что сказалъ заблуждали, но приложилъ, не мало заблуждали. И такъ сіе великое заблужденіе и невѣріе нашли искусство дѣлать боговъ. Однако что великое заблужденіе и невѣріе и отъ почитанія Божія и благочестія отвращеніе духа нашли искусство, чтобъ человѣку дѣлать боговъ, то мужъ премудрый, что сіе какъ прямое благочестіе въ будущее время истребится. Мнѣ кажется познать можно, что и Божіею силою принужденъ онъ признать заблужденіе предковъ, и по наученію діавольскому о будущей демоновъ казни соболѣзновать.

вать. Ибо естьли предки ихЪ, много заблуждая невѣріемЪ и отвращеніемЪ души отЪ почитанія и благочестія Божія, нашли искусство дѣлать боговЪ, то удивительно ли, ежели сіе проклятое искусство и все то, что отвращаетЪ отЪ благочестія Божія, истребится благочестіемЪ БожіимЪ, когда истинна исправитЪ заблужденіе, вѣра обличитЪ невѣріе, обращеніе премѣнитЪ отвращеніе? Ибо естьлибЪ сказалЪ, что предки его тайными нѣкоторыми причинами нашли искусство дѣлать боговЪ, то намЪ бы надлежало, естьли благоразумія не лишились, вникнуть и разсмотрѣвЪ увѣрить себя, что они до такого искусства никакЪ не моглибЪ достигнуть, коимЪ бы человѣкЪ дѣлалЪ боговЪ, естьлибЪ отЪ истинны не заблудили; ежелибЪ вѣрили тому, что Бога достойно; естьли бы обращали духЪ свой кЪ почитанію и благочестію Божію. Однако ежелибЪ мы причиною сего искусства почли великое заблужденіе людское и невѣріе, и души заблуждающей и невѣрующей отЪ богопочитанія отвращеніе, то сноснѣе было бы безстыдство людей, противящихся истиннѣ. Когда же онЪ самЪ удивляется власти сего искусства болѣе всего вЪ человѣкѣ, коею онЪ можетЪ дѣлать боговЪ, и сожалѣетЪ, что пріидетЪ время, вЪ которое всѣ боговЪ кумиры, отЪ людей сдѣланные, повелѣніемЪ закона истребятся; признается же и изЪясняетЪ причины, для чего люди дошли до оныхЪ, говоря: что предки его сильно заблудили, и не-

невѣріемъ и отвращеніемъ духа отъ почтенія и благочестія Божія удалившись, нашли искусство дѣлать боговъ: то мы что должны сказать, или что наипаче дѣлать, какъ только всевозможное приносить благодареніе Господу Богу нашему, который противными причинами, нежели оныя были уставлены, истребилъ? Ибо что уставила великость заблужденія, оное отринулъ путь истинны; что ввело невѣріе, оное искоренила вѣра; что установило отъ почитанія Божія и благочестія отвращеніе, оное уничтожило къ единому истинному и Святому Богу обращеніе, и не только въ одномъ Египтѣ рыдаютъ демоны, но во всей земли, въ коей нынѣ поетіся пѣснь новая Господу, какъ не ложно священныя и поистиннѣ Пророческія книги предвозвѣстили, гдѣ написано: *Воспойте Господеви пѣснь нову, воспойте Господеви вся земля.* Ибо надпись Псалма сего таковая: *Внегда домъ созидашеся по плѣненіи.* Созидается бо Господу домъ, градъ Божій, то есть святая церковь во всемъ мірѣ, послѣ того плѣна, коимъ надъ тѣми людьми, изъ коихъ по увѣрованіи въ Бога, какъ бы изъ камней живыхъ, домъ созидается, плѣненными обладали демоны. Ибо что человѣкъ боговъ дѣлалъ, то будто бы и необладаемъ самъ былъ содѣлавшій ихъ, когда въ ихъ сообщество, чрезъ почтеніе имъ воздаваемое, приводимъ былъ. Сообщество я разумѣю не съ идолами безчувственными, но лукавыми демонами. Ибо идо-

лы

лы не иное что суть, какъ только что Священное Писаніе говоритъ: *Очи имутъ, и не узрятъ*, и проч. что и о всякомъ веществѣ, какъ бы оно искусно сдѣлано ни было, но только жизни и чувства не имѣетъ, сказать можно. Но нечистые духи, непотребнымъ онымъ искусствомъ въ идолахъ заключенные, почитателей своихъ души, въ свое сообщество привлекая, жалостнѣйшимъ образомъ плѣнили. Почему Апостолъ говоритъ: *Вѣмы, яко идолъ ничтоже есть; но яже въ жертву приносятъ языцы, бѣсомъ жертвуютъ, а не Богу. Не хощу, дабы вы общники были бѣсомъ.* По семъ то плѣненіи, коимъ держимы были люди отъ злыхъ бѣсовъ, домъ Божій созидается во всей земли, откуда и надпись оный Псаломъ получилъ, въ которомъ пишется: *Воспойте Господеви пѣснь нову, воспойте Господеви вся земля, воспойте Господеви и благословите имя Его, благовѣстите день отъ дне спасеніе Его, возвѣстите во языцѣхъ славу Его, во всѣхъ людехъ чудеса Его. Яко велій Господь и хваленъ зѣло, страшенъ надъ всѣми Богъ. Яко вси бози бѣсове, Господь же небеса сотвори.* И такъ который соболѣзновалъ, что пріидетъ такое время, въ которое почтеніе Бога истребится, тотъ наущеніемъ злаго духа желалъ, дабы владычество бѣсовъ и плѣнъ ихъ продолжались, по окончаніи коихъ Псаломъ поетъ, что созидается домъ Господень во всемъ мірѣ. Предвозвѣщалъ о семъ Ермій съ сожалѣніемъ. Предсказы-

зывалЪ о томЪ ПророкЪ сЪ веселіемЪ. И поелику духЪ побѣды есть, который воспѣвалЪ чрезЪ святыхЪ ПророковЪ, то и Ермій то самое, чего не хотѣлЪ и сожалѣлЪ, то есть, что не отЪ благоразумныхЪ и вѣрныхЪ и благочестивыхЪ, но отЪ заблуждающихЪ и невѣрныхЪ и отЪ почитанія Божія удалившихся, идолопоклонство истребится; который хотя ихЪ богами называетЪ, однако, когда говоритЪ, что оные отЪ таковыхЪ людей сдѣланы, каковыми быть намЪ не должно, то хотѣлЪ бы онЪ, или не хотѣлЪ, показываетЪ, что ихЪ почитать не надлежитЪ тѣмЪ, кои не суть таковыми, каковыми были содѣлавшіе ихЪ, то есть благоразумнымЪ, вѣрнымЪ, благочестивымЪ. Купно же открываетЪ и то, что сами люди, сдѣлавшіе ихЪ, поставили ихЪ надЪ собою, дабы почитать ихЪ, какЪ боговЪ, которые богами не были. Неложное бо подлинно оное Пророческое слово: *Аще сотворитЪ человѣкЪ боговЪ, и се тіи не суть боги.* И таковыхЪ-то боговЪ, и отЪ таковыхЪ сдѣланныхЪ называя богами Ермій, то есть боговЪ, невѣдомо какимЪ искусствомЪ заключенныхЪ вЪ идолахЪ, когда дѣломЪ рукЪ человѣческихЪ призналЪ, однако не присвоилЪ имЪ того, что Платоническій Апулей, то есть, чтобЪ они были ходатаями между богами и людьми, которыхЪ равно БогЪ сотворилЪ, какЪ и ихЪ, нося людскія желанія кЪ богамЪ и отЪ нихЪ принося дары; что сколь безмѣстно и непристойно, оное мы

уже довольно показали; ибо крайняго безумія знакомъ есть вѣрить, что боги, коихъ сдѣлали люди, болѣе имѣютъ силы у боговъ, сотворенныхъ Богомъ, нежели люди, коихъ также Богъ сотворилъ. Ибо бѣсъ, въ кумирѣ нечестія наполненнымъ искусствомъ заключенный, отъ человѣка сдѣланъ богомъ, но таковымъ человѣкомъ, а не всякимъ. Каковъ же сей Богъ есть, котораго не сдѣлалъ бы человѣкъ, естьлибъ не заблудилъ, ежелибъ не не вѣровалъ, ежелибъ отъ Бога не отвратился? Притомъ ежели бѣсы, почитаемые въ храмахъ, искусствомъ невѣдомо какимъ въ видимыхъ кумирахъ заключенные тѣми людьми, которые онымъ искусствомъ сдѣлали боговъ, когда заблуждали и отвратились отъ почитанія и благочестія Божія, не суть ходатаями между людьми и Богомъ, и по причинѣ своихъ мерзскихъ и непотребныхъ нравовъ самыхъ людей заблудившихъ, невѣрныхъ и отъ почитанія Божія уклонившихся безъ сомнѣнія хуже, понеже они ихъ по своему искусству богами сдѣлали: то остается сказать, что ежели они что либо могутъ, то могутъ такъ, какъ бѣсы, или благодѣянія дѣлая и вредя, понеже тѣмъ болѣе прельщаютъ, или и явно злотворя. Однако не все и всегда могутъ, какъ только когда и сколько высокимъ и тайнымъ Божіимъ промысломъ попущено имъ будетъ; а не такъ, какъ будто бы, будучи посредниками между Богомъ и людьми, много могли въ людяхъ; ибо симъ благіе боги, ко-

то-

торыхъ мы Ангелами называемъ и разумными тварями святаго небеснаго жилища, какъ престола, такъ начала, господства и силы, другими совсѣмъ быть не могутъ, отъ коихъ они толь удалены расположенiемъ ума, сколько далече отстоятъ пороки отъ добродѣтелей и злоба отъ благостыни.

Глава двадесятая.

О томъ, что Ангеламъ и человѣкамъ быть можетъ общимъ.

И такъ никакимъ образомъ желать не должно посредствомъ демоновъ достигать милости и благодѣянiй благихъ боговъ, или лучше сказать, добрыхъ Ангеловъ, но чрезъ подобiе и сходство благоизволенiя, которымъ мы съ ними живемъ, съ ними почитаемаго отъ нихъ Бога почитаемъ, хотя тѣлесными очами видѣть ихъ не можемъ. Сколь же болѣе различiемъ хотѣнiя и немощiю бываемъ бѣдны, столь далеко отстоимъ отъ нихъ заслугою житiя, а не мѣстомъ тѣлеснымъ. Ибо что мы въ разсужденiи сложенiя нашего тѣлеснаго жилище имѣемъ на земли, однако не потому отъ нихъ отстоимъ; но когда нечистотою сердца мудрствуемъ земное, то тогда съ ними не соединяемся. Когда же врачуемся и бываемъ таковымижъ, каковы они, тогда чрезъ вѣру къ нимъ приближаемся, когда вѣримъ, что тотъ насъ учинитъ блаженными, который и ихъ сотворилъ; а сiе самое и имъ дѣлаетъ радость.

Глава

Глава двадесять первая.

Что все богопочитаніе язычниковъ мертвымъ было воздаваемо.

Примѣтить же должно и то, что сей Египтянинъ когда соболѣзновалъ, что пріидетъ такое время, въ которое истребится все введенное крайнѣ заблудившими, невѣрными и отъ почитанія Божія и благочестія отвратившимися, между прочимъ говоритъ: *Тогда земля сія наисвятѣйшая, вмѣстилище кумировъ и храмовъ, наполнена будетъ гробницами умершихъ.* Какъ будто бы, ежели бы оное истреблено не было, люди тогда не умирали, или бы полагаемы были умершіе въ другомъ мѣстѣ, нежели въ землѣ; ибо чѣмъ бы болѣе продолжилось времени, тѣмъ болѣе было бы гробницъ, по причинѣ большаго числа умершихъ. Но видно онъ сожалѣетъ о томъ, что памяти нашихъ мучениковъ на мѣсто храмовъ ихъ и кумировъ вступятъ, дабы, то есть читающіе сіе, имѣя отвращенное отъ насъ сердце, и будучи худо къ намъ расположены, подумали, что язычники почитали боговъ въ храмахъ, а мы почитаемъ мертвыхъ въ гробницахъ. Ибо толикою слѣпотою поражены люди, что о горы самыя такъ сказать претыкаются, и вещей, очи ихъ поражающихъ, не видятъ, и не внимаютъ тому, что никакимъ образомъ найти ни одного изъ боговъ не можно, кото-

рый бы не былъ человѣкъ; однако Божескую всѣмъ честь воздавать тщатся, какъ бы въ нихъ никакой людскости не было. Я оставляю, что Варронъ пишетъ, что всѣ язычниками умершіе почитаются богами, и доказываетъ оное тѣми священнослуженіями, которыя въ честь умершимъ отправляются, гдѣ упоминаетъ и о играхъ, при погребеніи совершаемыхъ, какъ будто бы то было великимъ знакомъ Божества, что игры никому кромѣ боговъ не представляются. Ермій самъ, о которомъ нынѣ говоримъ, въ той же самой книгѣ, гдѣ какъ бы будущее предвозвѣщая и оплакивая, говоритъ: тогда наисвятѣйшая сія земля, вмѣстилище кумировъ и храмовъ, гробницами мертвыхъ наполнится: боговъ Египетскихъ людьми показываетъ. Ибо когда сказалъ, что предки его, сильно заблуждая, и не вѣруя, и удаляясь отъ почитанія и благочестія Божія, нашли искусство дѣлать боговъ, къ коему изобрѣтенному присоединили силу изъ природы міра сходственную, и оную смѣшавъ, поелику души сдѣлать не могли, призывая демоновъ, оныхъ заключили въ святыхъ ваяніяхъ и тайнахъ, чрезъ что бы кумиры могли имѣть силу и добро и зло дѣлать. Потомъ, какъ бы примѣрами желая оное доказать, говоритъ: ибо дѣдъ твой, о Асклипій (1)! врачебной науки первый изобрѣтатель, который почтенъ храмомъ на горѣ

рѣ Ливіи, подлѣ берега крокодиловъ (2), въ которомъ лежитъ его мірскій человѣкъ, то есть тѣло; ибо прочій человѣкъ весь лучшій преселился на небо, всякую нынѣ божествомъ своимъ подавая помощь людямъ, которую прежде подавалъ искусствомъ. Видишь ли, что открываетъ, что мертваго почитаютъ вмѣсто бога въ томъ мѣстѣ, гдѣ его была гробница? Впрочемъ ложное произнося, аки бы онъ преселился на небо, и подаетъ всякую помощь людямъ. Прилагая потомъ другое: Ермій (3), говоритъ, отъ котораго наша фамилія происходитъ, не въ соименномъ ли своемъ отечествѣ (4) пребывая, всѣхъ людей, отвсюду къ нему приходящихъ, хранитъ и имъ помогаетъ? Ибо сей Ермій старшій, то есть Меркурій, котораго онъ называетъ своимъ дѣдомъ, въ Ермополѣ, то есть въ одноименномъ своемъ городѣ, погребенъ. Видишь ли, что онъ двухъ боговъ называетъ людьми, то есть Эскулапія и Меркурія? Но о Эскулапіѣ (5) и Греки и Латинцы тожъ самое пишутъ. О Меркуріѣ же многіе думаютъ, что онъ не былъ изъ числа смертныхъ, котораго однако сей дѣдомъ своимъ признаваетъ; ибо иной есть (6) оный, иной сей, хотя они однимъ именемъ называются. Я не много о семъ прекословлю, пускай инымъ будетъ оный и инымъ сей; однако по свидѣтельству толь великаго мужа Трисмегиста (7), внука своего, какъ Эскулапій,

 такъ

такЪ и Меркурій изЪ человѢка сдѢлался богомЪ. ДалѢе прибавляетЪ и говоритЪ: Изиса же, Озирисова супруга, сколько умилостивлена будучи, дѢлаетЪ добра, столько раздраженная причиняетЪ вреда. НаконецЪ, дабы показать, что боги суть изЪ того рода, который люди искусствомЪ дѢлаютЪ, даетЪ знать, что онЪ о демонахЪ такихЪ мыслей, что они составляютЪ собою умершихЪ души, которыя искусствомЪ изобрѢтеннымЪ люди заблуждающіе, невѢрные и неблагочестивые заключили вЪ ваяніяхЪ; понеже таковые люди, которые искусствомЪ боговЪ дѢлали, души сдѢлать не могли. И сказавЪ, что оная богиня, раздражена будучи, великой можетЪ причинить вредЪ, прибавилЪ: ибо земнымЪ богамЪ и мірскимЪ гнѢваться удобно, поелику они изЪ числа произошли людей и состоятЪ изЪ двухЪ природЪ, то есть души и тѢла, такЪ что вмѢсто души служитЪ демонЪ, вмѢсто тѢла ваяніе, или кумирЪ. Почему и произошло, говоритЪ, что сіи святыя ваянія животными, или одушевленными называются, и почитаются души ихЪ во всѢхЪ городахЪ (8), и обоготворившіе ихЪ такЪ живутЪ, что и именами ихЪ называются. ГдѢжЪ теперь справедливость той жалобы, что земля Египетская наисвятѢйшая, вмѢстилище храмовЪ и ваяній, будетЪ наполнена гробницами умершихЪ? Ибо духЪ лжи, коего вдохновеніемЪ Ермій сіе говорилЪ, чрезЪ не-

негожЪ признаться былЪ принужденЪ, что и тогда земля оная наполнена была гробницами и умершими, которыхЪ вмѣсто боговЪ почитали. Но демонЪ жалость свою чрезЪ него открывалЪ, который предчувствовалЪ будущее свое мученіе, котораго виновна будетЪ святыхЪ мучениковЪ память; ибо во многихЪ таковыхЪ мѣстахЪ мучимы демоны бываютЪ, и признаются, и изЪ тѣлЪ человѣческихЪ, коими они обладали, изгоняются.

Глава двадесять вторая.

О образѣ чести, которую Христіяне мученикамЪ воздаютЪ.

Однако мы мученикамЪ храмовЪ какЪ богамЪ не поставляемЪ, священнослуженій и жертвЪ какЪ богамЪ не приносимЪ; понеже не они, но БогЪ ихЪ есть нашимЪ БогомЪ. ПочитаемЪ памяти ихЪ, какЪ святыхЪ угодниковЪ БожіихЪ, которые до самой смерти подвизалися за истинну, дабы, преодолѣвЪ ложныя и вымышленныя богопочитанія, истинное открыть благочестіе, которое хотя другіе нѣсколько понимали, но отЪ того страхомЪ удерживаемы были. Ибо кто слыхалЪ когда либо изЪ вѣрныхЪ священника, стоящаго при олтарѣ, на гробницѣ мученической вЪ честь Божію поставленномЪ, который бы говорилЪ

рилЪ вЪ своихЪ молитвахЪ: приношу тебѣ священнослуженіе Петре, или Павле, или Кипріане (1), когда оное при ихЪ памятяхЪ приносится Богу, который ихЪ и людьми содѣлалЪ и мучениками, и соединилЪ своимЪ святымЪ АнгеламЪ небесною честію, дая вЪ ономЪ торжествѣ за ихЪ побѣды благодареніе приносить Богу, и самимЪ кЪ подражанію полученія толикихЪ вѣнцевЪ и побѣдЪ, призывая тогожЪ Бога вЪ помощь, возобновленіемЪ ихЪ памяти возбудиться? И такЪ всякое благочестное моленіе, употребляемое вЪ мѣстахЪ мучениковЪ, оное составляетЪ украшеніе мучениковЪ памяти, а не священнослуженіе, или жертвоприношеніе, подобное богамЪ, и которые снѣди (2) свои туда приносятЪ, чего лучшіе Христіяне не дѣлаютЪ, да и во всѣхЪ почти странахЪ такого не держится обыкновенія; однако которые то дѣлаютЪ, то тѣ по предложеніи оныхЪ молятся и берутЪ обратно ради употребленія вЪ пищу, и изЪ оныхЪ удѣляютЪ требующимЪ, желая получить освященіе чрезЪ заслуги мучениковЪ, во имя Владыки оныхЪ и Господа. Однако всякой ХристіянинЪ сіе священнослуженіемЪ мучениковЪ не признаваетЪ, которой знаетЪ, что одна тамЪ приносится отЪ ХристіянЪ жертва Богу. И такЪ мы мучениковЪ нашихЪ ни Божескою честію, ни людскими пороками не почитаемЪ, какЪ язычники почитаютЪ своихЪ боговЪ, ни

жертвЪ

жертвѣ имъ не приносимъ (3), ни ихъ поношеній въ священнослуженіе не превращаемъ. Ибо о Изидѣ, супругѣ Озирисовой, Египетской богинѣ, и родителяхъ ея, которые Царями всѣ описываются, когда она священнослуженіе отправляла родителямъ, и нашедъ колосъ ячменный (4), и оный супругу своему Царю и его совѣтнику Меркурію показала, почему ее и Церерою признаваютъ, сколько худаго не только у стихотворцовъ, но и въ таинственныхъ ихъ книгахъ описывается, какъ Левъ первосвященникъ къ Олимпіадѣ матери Александровой пишетъ. Пускай читаютъ, ежели хотятъ, и воспоминаютъ читанное, и разсмотрятъ, какимъ смертнымъ людямъ и за какія ихъ дѣла такъ какъ богамъ священнослуженіе они уставили. Не дай Богъ, дабы они, хотя своихъ вмѣсто боговъ почитаютъ, съ святыми нашими мучениками, коихъ мы за боговъ не поставляемъ, хотя нѣсколько дерзнули сравнить. Ибо мы не поставляемъ священниковъ мученикамъ, и не приносимъ жертвъ онымъ; понеже не пристойно, не должно, не позволительно и принадлежитъ одному только оное Богу. Мы не преступленіями нашими, ни непотребными играми ихъ не увеселяемъ, какъ язычники беззаконія представляютъ своихъ боговъ, которые, будучи людьми, таковыя преступленія поделали; или ежели онѣ дѣлаемы не были, то чрезъ то открывается, что сіи суть

утѣшенія пагубныхъ бѣсовъ. Изъ сего рода демоновъ не имѣлъ бы Сократъ бога, ежели бы имѣлъ Бога. Но можетъ статься къ человѣку, незнающему искусства дѣлать боговъ, тѣ приставили таковаго бога, которые искусство оное знали. Но чтожъ болѣе? Никто и изъ числа тѣхъ, кои средственной разсудокъ имѣютъ, не сомнѣвается, что сихъ духовъ ради будущей по смерти блаженной жизни почитать не должно. Но можетъ быть скажутъ, что боги суть всѣ благи, демоны же иные добры, иные злы, и что тѣхъ, коими къ вѣчной и блаженной жизни достигаемъ, почитать надлежитъ, то есть добрыхъ. Сіе коликой есть важности, въ слѣдующей книгѣ увидимъ.

Конецъ осьмой книги о градѣ Божіемъ.

ПРИ-

ПРИМѢЧАНІЯ

на

Книгу Блаженнаго Августина, Епископа Иппонійскаго, о градѣ Божіемъ, осьмую.

На главу первую.

(1) Премудрость есть Богъ. Премудрости въ главѣ седьмой, и у Павла къ Евреемъ въ главѣ первой, Сынъ премудростію Божіею нарицается, коею сотворилъ весь міръ Богъ.

На главу вторую.

(1) Ѳалесъ Милетской. Сей былъ въ Греціи первый, который о вещахъ природныхъ началъ любомудрствовать; родился въ первый годъ Олимпіады притцать пятой, какъ Аполлодоръ щитаетъ у Лаэрція.

(2) Одинъ изъ числа седми мудрецовъ. Когда рыболововъ юноши нѣкоторые наняли закинуть однажды сѣти, и извлекли золотый столъ, тогда рыболовы начали спорить съ нанявшими ихъ юношами. По долгомъ прекословіи вопрошенъ былъ Аполлинъ, и отвѣтствовалъ, что столъ оный должно отдать мудрому. Чего для и отданъ онъ Ѳалесу, котораго множество Іонянъ мудрымъ почитали. Ѳалесъ послалъ оный другому, другой третьему и пересылали до тѣхъ поръ, покуда пришелъ онъ въ руки къ Солону, который приказалъ его отдать Аполлину, какъ прямо мудрому.

(3) Пиша. Звѣздочетство мореходное, сказываютъ, его твореніе; другіе же повѣствуя, приписываютъ оное Самійскому Рему. Лабонъ Аргивскій свидѣтельствуетъ, что онъ писалъ до двухъ сотъ стиховъ о астрологіи.

(4) Астрологіи. Евдемъ въ исторіи астрологической сказываетъ, что онъ предсказывалъ затмѣнія солнца и луны. Плиній въ книгѣ второй о наблюденіяхъ небесныхъ говоря: у Грековъ, сказываетъ, пер-

 вый

вый сіе постигалъ Ѳалесъ Милетскій, предсказавъ затмѣніе солнца въ лѣто четвертое сорокъ осьмой Олимпіады, которое и послѣдовало при Аліаттѣ Царѣ.

(5) Вода есть началомъ вещей. Послѣдовавъ Омирову мнѣнію, который сказалъ, что Океанъ есть отцемъ всего.

(6) Все то, что въ немъ раждается. Веллей у Цицерона повѣствуетъ, что онъ думалъ, акибы все изъ воды раждается, и что разумъ, все изъ воды произведшій, есть Богъ. Лаэрцій же пишетъ, акибы онъ утверждалъ, что все наполнено демонами, и вопрошенъ бывши, знаютъ ли боги, когда человѣкъ грѣшитъ, отвѣтствовалъ: не только то, но и когда худо думаетъ.

(7) Анаксимандръ. И сей Милетской же, но не тотъ, который исторію писалъ. Онъ вмѣсто начала вещей стихію безконечную положилъ, но не опредѣлилъ, какой оная природы, воздушной ли, или водной, или огненной, и что части сего безконечнаго измѣняются, а оно само неизмѣнно, какъ пишутъ Аристотель, Плутархъ, Лаэрцій и Евсевій.

(8) Ничего Божію разуму. За сіе охуждаетъ его Плутархъ, что когда полагалъ вещество, однако отвергалъ причину творительную; ибо безконечность оная есть вещество, которое само собою ничего родить не можетъ.

(9) Анаксимена. Еврислатова сына, тожъ Милетскаго, который родился во время Олимпіады шестьдесятъ третіей. Умеръ во время, когда Крезово богатство погибло.

(10) Анаксагоръ. Родился въ Клазоминѣ, что въ Іоніи; умеръ во время семдесятъ осьмой Олимпіады, имѣя отъ роду шестьдесятъ два года.

(11) Діогенъ, другой ученикъ Анаксименовъ. Діогеновъ великое было множество. Здѣсь разумѣетъ Августинъ Діогена Аполлоніатскаго.

(12)

(12) ВоздухЪ. ЦицеронЪ вЪ книгѢ первой о природѢ боговЪ: что, говоритЪ, воздухЪ? котораго ДіогенЪ Аполлоніатской употребляетЪ вмѢсто Бога. И сей безчисленные утверждалЪ міры вЪ пространствѢ безконечномЪ, и что тамЪ сдѢлался мірЪ, гдѢ гуще былЪ воздухЪ.

(13) Архелай. Сей, какЪ нѢкоторые думаютЪ, Милетской, а какЪ другіе, Аѳинской. Первый изЪ Іоніи вЪ Аѳины натуральную философію ввелЪ, того ради ФизикомЪ прозванЪ; также и по тому, что ученикЪ его СократЪ нравственную открылЪ.

(14) СократЪ. Сей есть оный СократЪ, о которомЪ по достоинству ничего сказать не можно; который былЪ изЪ всѢхЪ язычниковЪ премудрѢйшій, и весьма близко достигнулЪ кЪ мудрости Христіянской. Родился вЪ АѳинахЪ отЪ Софроника и Фанаретты. МужЪ воздержный, праведный, непорочный, скромный, обиды претерпѢвающій и оскорбленія, несребролюбивый, неищущій удовольствія, ни славы. ОнЪ не писалЪ ничего; и когда прочіе говаривали, что они все знаютЪ, онЪ напротивЪ сказывалЪ, что онЪ только то знаетЪ, что ничего не знаетЪ.

На главу третію.

(1) И такЪ СократЪ первый. ЦицеронЪ вЪ книгѢ первой АкадемическихЪ вопросовЪ говоритЪ: СократЪ, какЪ мнѢ кажется, первый отЪ вещей сокровенныхЪ и отЪ самой природы утаенныхЪ, вЪ коихЪ всѢ философы упражнялись, отозвалЪ философію и привелЪ кЪ общественной жизни, дабы испытываемо было о добродѢтеляхЪ и порокахЪ, о добрыхЪ вещахЪ и злыхЪ. Вещи же небесныя щиталЪ или удаленными отЪ познанія, или, ежели бы и совершенно оныя познаны были, никакой помощи не подаютЪ кЪ благонравной жизни.

(2) СкучивЪ ли темнотою вещей. КсенофонЪ вЪ Комментаріи дѢлЪ СократовыхЪ пишетЪ, что СократЪ удивлялся обыкновенно, что испытывавшіе вещи природ-

родныя и день и ночь не познали, что не можно въ оныхъ ничего извѣстнаго и точнаго найти; которое мнѣніе Ксенфонъ многими доказываетъ примѣрами.

(3) Не хотѣлъ. Лактанцій въ книгѣ третіей говоритъ: я не спорю, что Сократъ былъ разумнѣе, нежели прочіе, которые природу вещей хотѣли разумомъ своимъ постигнуть, въ чемъ не только несмысленными ихъ почитаю, но и нечестивыми; поелику тайны оkаго небеснаго Промысла очами проникнуть желали.

(4) Однако извѣстно. Сократовы рѣчи составили и расположили разговорами Платонъ, Ксенофонъ, Есхинъ, Ксенократъ и другіе, коимъ онъ открылъ невѣжество тѣхъ, кои внушили о себѣ народу, что они все знаютъ, какъ-то Протагорово, Георгіево, Евѳидемово, Діонизодорово и прочихъ.

(5) Возбудилъ онъ въ людяхъ на себя ненависть. На Сократа доносили и обвиняли трое, Анитъ, Мелитъ и Ликонъ ораторъ, который былъ актеръ. Анитъ защищалъ художниковъ и прочихъ гражданъ, коихъ осмѣивалъ Сократъ; Мелитъ стихотворцовъ, коихъ охуждалъ Сократъ и почиталъ достойными изгнанными быть изъ города. О семъ Платонъ и Ксенофонъ въ Сократов. Апологіяхъ, но пространнѣе и яснѣе Лаэрцій въ Сократѣ. Осужденъ двумя стами осьмьюдесятью голосами.

(6) Однако послѣ того, Аѳиняне въ толикое по смерти Сократовой пришли раскаяніе, что всѣ училища затворили. Мелита казнили смертію, Анита послали въ ссылку, Сократу поставили мѣдную статую Лизипповой работы.

(7) Оставилъ многихъ. Всѣ почти философовъ секты отъ Сократа произошли: Платоники, Академики, Киренаики, Циники, Мегарскіе, Стоики.

(8) Которые наперерывъ. Симъ однимъ изслѣдываніемъ о высочайшемъ благѣ и совершенномъ злѣ секты между собою различались.

(9)

(9) Аристиппъ. Сей первый изъ Сократовыхъ послѣдователей за деньги людей учить началъ; ибо Сократъ училъ безденежно, сказывая, что демонъ ему не велитъ брать денегъ. Онъ же Діонисію Сиракузскому ласкательствовалъ, и сносилъ безчестія изъ корысти. Утверждалъ, что высочайшее добро состоитъ во удовольствіи тѣлесномъ. Отъ сего начались Киринаики.

(10) Антисѳенъ. Сей начальникомъ былъ Циническои секты, то есть песіей.

На главу четвертую.

(1) Будучи Аѳинянинъ. Платоновы родители были Аристонъ и Периктіона. Отецъ родъ свой велъ отъ Кодра, послѣдняго Аѳинскаго Царя; мать отъ Солона, одного изъ числа седьми мудрецовъ, знаменитаго по причинѣ данныхъ имъ Аѳинянамъ законовъ. Родился онъ во время восемдесятъ осьмой Олимпіады.

(2) И въ Египтѣ. Лаэрцій пишетъ, что онъ какъ скоро возвратился изъ Италіи, отправился въ Египетъ съ Еврипидомъ.

(3) Въ ту часть Италіи. Въ великую Грецію, гдѣ Пиѳагоръ философствовавъ оставилъ многихъ ученію его удивляющихся и послѣдующихъ. Изъ оныхъ Платонъ въ Тарентѣ учился у старшаго Архита и Еврита, въ Локрѣ у Тимея, въ Кротонѣ у Филолая. Отправился Платонъ также въ Мегару, гдѣ учился у Евклида математика, и въ Циренахъ у Ѳеодора также математика. Хотѣлъ ѣхать и въ Персію къ волхвамъ, но война воспрепятствовала.

На главу пятую.

(1) Александра Македонскаго. Кипріанъ о безуміи идолопоклонства, гдѣ показываетъ, что всѣ боги языковъ люди были. Сіе, говоритъ, подтверждаетъ быть неложнымъ Александръ Великій своимъ къ матери письмомъ, въ коемъ объявляетъ, что ему жрецъ

о

о богахъ открылъ тайну, что они люди были. Цицеронъ въ первой книгѣ Тускуланскихъ вопр. ежели, говоритъ, разсмотрѣть древность и потщиться изслѣдовать все то, что писатели Греческіе намъ оставили, то откроется, что и самые большихъ народовъ боги отсюда отъ насъ перешли на небо. Таковыми суть Ромулъ, Ираклій, Либеръ, отъ Семелы рожденный, Касторъ и Поллюксъ, и мать Матута, и все почти небо наполнено людьми.

(2) Стоики въ огнѣ. Цицеронъ въ книгѣ о природѣ боговъ говоритъ, что Стоики огнь вседѣйствующимъ почитали, послѣдуя, какъ думаю, Ираклиту. Зенонъ, начальникъ ихъ природы, которую богомъ поставлялъ, опредѣляетъ такъ; огнь художественный къ рожденію стремящійся путемъ.

(3) Отъ вещей неодушевленныхъ. Епикуры говорили, что изъ несѣкомыхъ, безъ порядку летающихъ и случайно между собою соединяющихся, и люди и прочія животныя составляются.

(4) Въ себѣ то имѣли. Философы воображать еще не могли, что души ихъ безтѣлесны; но только воображали о тѣлесныхъ вещахъ, да и то не о всѣхъ, но только о тѣхъ, кои попались прежде нашимъ чувствамъ. И малыя дѣти уже знаютъ въ училищахъ оное: нѣтъ ничего въ разумѣ, чего прежде не было въ чувствахъ, то есть: ничего разумъ нашъ вообразить не можетъ, которое не было бы облечено тѣмъ, что прежде постигнуто чувствами. Такимъ образомъ вещи безплотныя тѣлесно познаваемъ, и вещи тѣлесныя, коихъ мы не видали никогда, естьли умомъ воображаемъ, то воображаемъ ихъ въ такомъ видѣ, въ какомъ были другія вещи, кои прежде мы видѣли. Ежели бы напримѣръ Рима кто не видалъ, и вообразить въ умѣ восхотѣлъ оный, тогда бы представилось ему, что въ немъ такія градскія стѣны, церкви и строенія, какія онъ видѣлъ или въ Парижѣ, или въ другихъ мѣстахъ.

(5) За стыдЪ себѢ вмѢняли признавать Бога плотянымЪ. ЦицеронЪ вЪ книгѢ первой о природѢ боговЪ пишетЪ, что ПиѳагорЪ думалЪ, акибы БогЪ есть душа, распростирающаяся вездѢ, отЪ которой наши души заимствуются. ОнЪ не понималЪ, что такимЪ образомЪ раздѢлялся бы БогЪ. ПлатонЪ же утверждалЪ, что души наши отсѢчены отЪ звѢздЪ, и вЪ оныя возвратятся, ежели отЪидутЪ отсюда чисты, каждая душа кЪ своей звѢздѢ, отЪ которой взята.

На главу шестую.

(1) Никакое тѢло не можетЪ быть БогомЪ. Сіе Алкиной вЪ ученіи ПлатоническомЪ такимЪ образомЪ доказываетЪ: ежели бы БогЪ былЪ тѢло, то состоялЪ бы ОнЪ изЪ вещества и образа; ибо всякое тѢло изЪ сихЪ двухЪ составляется. Непристойно сказать, что изЪ вещества и образа БогЪ сложенЪ; ибо не былЪ бы ОнЪ простымЪ, ни началомЪ: слѢдовательно ОнЪ никакого тѢла не имѢетЪ. КЪ томужЪ, ежели бы БогЪ былЪ тѢло, то необходимо долженЪ ОнЪ состоять изЪ вещества. Что же? Огонь ли будетЪ Богъ, или воздухЪ? Земля, или вода? Но чѢмЪ бы ОнЪ изЪ сихЪ ни былЪ, не будетЪ началомЪ; ибо оно будетЪ и меньшимЪ и послѢднѢйшимЪ вещества самаго, изЪ котораго состоять будетЪ. Но сіе о БогѢ сказать непристойно, слѢдовательно Бога безтѢлеснымЪ признавать должно. И подлинно, ежели ОнЪ есть тѢло, то долженЪ быть рожденнымЪ и тлѢнію и смерти подлежащимЪ; но сіе Богу не свойственно, слѢдовательно БогЪ есть безтѢлесенЪ. Сіе Алкиной.

На главу седьмую.

(1) Епикуровы послѢдователи. ЕпикурЪ утверждалЪ, что солнце не болѢе того, какЪ оно видимо бываетЪ; и ежели чувство хотя единожды обманетЪ, то ему вѢрить уже не должно. Стоики чувства почитали нелож-

ложными; видѣнное же иное справедливо, иное ложно. Епикуръ говорилъ, что всякое чувство, всякое видѣніе истинно; мнѣніе же отчасти истинное, а отчасти ложное.

На главу осьмую.

(1) Атлантическіе. Сіи живутъ въ Африкѣ близь Океана, коихъ древнѣйшимъ Царемъ былъ Атласъ, Сатурновъ братъ, Неба сынъ, который, будучи искуснѣйшимъ въ звѣздочетствѣ, научилъ оной наукѣ сына своего Еспера и другихъ многихъ изъ своего рода. Ибо онъ имѣлъ семь дочерей, которыя за боговъ Ироевъ въ замужство вышли, отъ коихъ оная наука во внутренность Ливіи перешла, и тамъ философствовалъ Ираклій.

(2) Египетскіе. У нихъ философія была издревле, которую они по большой части отъ Халдеевъ переняли, и вопервыхъ отъ Авраама, хотя сами Египтяне относятъ сію науку, какъ пишетъ Діодоръ, къ Изидѣ и Озирису, Вулкану, Меркурію и Ираклію.

(3) Индѣйскіе. Сіи имѣли своихъ философовъ, коихъ называли Брахманами, о коихъ житіи и уставахъ много написалъ Филостратъ въ житіи Аполлоніевомъ, и Страбонъ, и писатели житія Александра Македонскаго.

(4) Персидскіе. У нихъ были волхвы, отъ Зороастра получившіе начало и знаніе.

(5) Халдейскіе. Искусные въ звѣздочетствѣ и гадательствѣ.

(6) Скиѳскіе. И сіи въ древности философствовали, и о древности рода съ Египтянами спорили; народъ мужественный, простый, праведный, незнающій пороковъ и злобы, получившіе сами собою то, до чего Греки знатными науками достигнуть не могли.

(7) Галлы. У нихъ были жрецы, называемые Друиды, кои философствовали.

(8) Испанцы. Прежде нежели найдены жилы золотыя и серебреныя въ оной землѣ и войны весьма бы-

были рѣдки, многіе философствовали и жили спокойно и добронравно. Народъ управляемъ былъ начальниками искусными и добродѣтельными. Ссоръ почти между ими никогда не было. Но какъ возгорѣлися нѣкоторыя горы, наполненныя металлами, то золото и серебро растопившись начало течь, и Испанцы начали оному веществу удивляться. Финикіане, на корабляхъ по всему свѣту тогда скитавщіеся для пріобрѣтенія богатства, прибывъ туда, за самыя бездѣлицы великое множество вымѣнивали золота и серебра. Финикіане, возвратясь домой и показавъ, что за малую цѣну вымѣняли безмѣрныя сокровища, побудили тѣмъ Грековъ и Азіатцовъ къ пріобрѣтенію тогожъ. Многіе по прибытіи туда тамъ и поселилися, и научили Испанцовъ Азіатскимъ и Греческимъ порокамъ.

(9) *По стихіямъ міра.* То есть которые ни о чемъ иномъ не мудрствуютъ, какъ только о стихіяхъ міра, то есть, что все отъ нихъ раждается, погибаетъ, дѣйствуется, управляется, Богу или мало, или ничего не оставляя.

На главу десятую.

(1) Слушалъ Іеремію Пророка. Сей былъ отъ колѣна Веніаминова, переселился въ Египетъ и скончался въ Танасѣ Египетскомъ, гдѣ отъ жителей почитается за то, что изцѣляетъ отъ угрызѣнія змѣй. Евсевій начало пророчества Іереміина полагаетъ въ первый годъ тридесять шестой Олимпіады; рожденіе же Платоново въ четвертый годъ восемдесятъ осьмой Олимпіады.

(2) Будучи человѣкомъ острымъ. Іустинъ мученикъ, Евсевій въ пріуготовленіи Евангельскомъ, и Өеодоритъ о уврачеваніи пристрастій Еллиновъ, пишутъ, что Платонъ изъ Еврейскихъ книгъ много включилъ въ свои. Отсюда-то Нуменій философъ сказалъ, что есть Платонъ не иное что, какъ Моисей, пишущій по Аттически. Аристовулъ Іудеанинъ къ Филометору въ книгѣ

первой, какЪ Евсевій приводитЪ, пишетЪ, что закону нашему во многомЪ послѣдовалЪ ПлатонЪ.

(3) ВЪ Тимеи же ПлатонЪ. Сію книгу такЪ назвалЪ по тому, что вЪ оной вводится Тимей Локрскій, разсуждающій о мірѣ, у котораго ПлатонЪ вЪ Италіи учился, и который ДорическимЪ діалектомЪ писалЪ книгу, изЪ коей много занялЪ ПлатонЪ.

(4) *АзЪ есмь сый.* Сущій. ПоказываетЪ БогЪ, что ОнЪ есть; понеже прочія вещи таковаго бытія не имѣютЪ, и погибнуть могутЪ, ежели БогЪ руку свою отЪиметЪ. ПлатонЪ вЪ Тимеи о семЪ такЪ говоритЪ: все сіе времени есть частьми, было и будетЪ; времени, говорю, сотвореннаго, которое ложно мы присвояемЪ вѣчной сущности: оной прилично единственно сіе слово, есть; было же, или будетЪ, прилично говорить о томЪ, что во времени родилось и со временемЪ течетЪ. Ибо сіи рѣчи означаютЪ движеніе. Григорій БогословЪ вЪ рѣчи на Рождество Христово: БогЪ, говоритЪ, всегда былЪ, есть и будетЪ; или лучше сказать, всегда есть. Ибо былЪ и будетЪ части суть нашего времени и тлѣнной природы.

На главу первуюнадесять.

(1) Аристотель, ПлатоновЪ ученикЪ. Сей родился вЪ Стагирѣ отЪ Никомаха и Феспиды, происходящихЪ отЪ Эскулапія. ГодЪ его рожденія полагается вЪ первое лѣто девяносто девятой Олимпіады. У Платона началЪ учиться, пятнатцать лѣтЪ имѣя отЪ роду, и былЪ вЪ его училищѣ двадцать лѣтЪ, то есть до Платоновой смерти. ПотомЪ набралЪ учениковЪ себѣ, и нарекЪ ихЪ Перипатетиками, отЪ того, что они учились прохаживаясь. Великій и удивленія достойный мужЪ. ОнЪ своимЪ тщаніемЪ всѣхЪ превзошелЪ и не имѣлЪ подобнаго; различнымЪ вещей знаніемЪ превзошелЪ учителя своего Платона; вЪ разсужденіи же художествЪ, изЪ коихЪ онЪ каждому обучался, всѣхЪ имѣлЪ нижшими себя; славы желалЪ и не презиралЪ богатства.

(2) КраснорѢчіемЪ хотя Платону не равный. Оба, правда, были достойными того, дабы потомство имЪ удивлялось; однако Греки Платона вЪ разсужденіи краснорѢчія называли БожественнымЪ, а Аристотеля демономЪ. ПлатонЪ краснорѢчіе имѢлЪ такое, что древніе, желая описать его, говорили, что ежели бы самЪ ЮпитерЪ восхотѢлЪ по Гречески говорить, то не инаково сталЪ бы онЪ говорить, какЪ ПлатонЪ.

(3) При жизни своего учителя. ТакимЪ образомЪ пишетЪ Лаэрцій; однако другіе справедливымЪ сего не почитаютЪ.

(4) ПсевзиппЪ. ВЪ училищѢ ПлатоновомЪ былЪ преемникомЪ и содержалЪ оное восемь лѢтЪ; училЪ за деньги, за что и поносимЪ былЪ отЪ Діонисія; потомЪ ушелЪ вЪ Македонію, дабы на КассандровомЪ бракѢ вЪ надеждѢ награды прочитать бракосочетанію приличные стихи, кои онЪ сочинилЪ, какЪ ФилостратЪ вЪ житіи АполлоніевомЪ пишетЪ, ничего нестоющіе. Сему еще при жизни его, когда однако былЪ боленЪ, преемникомЪ стался по прозьбѢ его КсенократЪ Халкидонской, любимой ПлатоновЪ ученикЪ, сЪ которымЪ онЪ ѢздилЪ вЪ Сицилію; человѢкЪ не остраго разума, но благонравнаго житія. ПлатонЪ о немЪ говаривалЪ, что ему потребны шпоры, а Аристотель, что ему потребна узда. Ксенократа столь любилЪ ПлатонЪ, что когда Ксенократовы соученики божились предЪ ПлатономЪ, что КсенократЪ его бранилЪ, не повѢрилЪ, думая, что не возможно тому статься, дабы онЪ его взаимно не любилЪ. КсенократЪ, бывши вЪ нѢкое время свидѢтелемЪ кЪ судьямЪ представленЪ, и хотѢлЪ божиться, что такЪ дѢло было: судьи его до того никакЪ не допустили, сказывая, что они ему и безЪ божбы вѢрятЪ.

(5) Академіею называлось. Академія была деревня близь АѳинЪ, имѢющая великую рощу и болотныя мѢста, и потому нездоровыя, коею владѢлЪ вЪ древности АкадемЪ Ирой, какЪ пишетЪ Лаэрцій.

(6) Ихъ последователи. Сія есть древняя Академія, которая Полемономъ, Ксенократовымъ ученикомъ, переведена къ Архезилу, которой, употребляя образъ стязанія Сократовъ, и названа Академіею новою.

(7) Плотинъ. О семъ Суида пишетъ, что онъ уроженецъ Ликополитанскій изъ Египта, писалъ пятьдесятъ четыре книги невразумительныхъ, дабы не различиться штилемъ отъ секты. Жилъ во времена Галена и Проба, о судьбѣ коего много лжетъ Іулій Фирмикъ. Плотиново житіе цѣлою книгою описалъ Порфирій, его ученикъ.

(8) Ямвлихъ. Халцидійскій Порфиріевъ ученикъ, не столь былъ Платонической секты, сколько Пиѳагорической, какъ пишетъ Іеронимъ, хотя, что касается до вещей Божественныхъ, всѣ Платоническіе Пиѳагору послѣдуютъ. Онъ нравомъ и разумомъ походитъ на учителя.

(9) Порфирій. Онъ прежде назывался Малкомъ, но отъ употребленія порфиры Порфирія имя получилъ; родился въ Тирѣ не отъ незнатныхъ родителей. Человѣкъ немоществующій и тѣломъ и душею, непостояннаго разсужденія и ненавистливъ даже до неистовства, который самъ признается, что онъ грубаго учителя Плотина ученикъ. Суида пишетъ, что онъ Амеліевъ ученикъ, а не Плотиновъ. Слова Суидины нижеслѣдующаго содержанія: Порфирій, говоритъ, собственное имя имѣлъ Василея, Тирской философъ, ученикъ Амелія, ученика Плотинова, учитель Ямвлиховъ; жилъ во времена Авреліевы и Діоклитіановы; для чего же Царемъ названъ, оное самъ Порфирій объясняетъ въ житіи Плотина, своего учителя. Амелій, говоритъ, книгу сію посвятилъ мнѣ, и меня въ самой надписи Василеа, то есть Царемъ нарекъ; ибо оное мнѣ было имя; и по Тирски я назывался Малкъ, какъ именовался и отецъ мой; но сіе имя, переведенное на Греческій діалектъ, значитъ Царя.

(10) Многимъ богамъ. Въ Тимеи считаетъ боговъ Сатурна, Опу, Юнону и прочихъ, между собою родствомъ

ствомъ связанныхъ. И въ книгахъ о республикѣ и законахъ богамъ и демонамъ жертвы повелѣваетъ приносить.

На главу вторуюнадесять.

(1) Но о семъ имѣемъ мнѣніе Платоново. Въ десятой книгѣ о законахъ пишетъ, что боги суть благи и наполнены добродѣтелями, промыслительны и милосерды. Сократъ въ бесѣдѣ доказываетъ, что любовь не есть богъ, тѣмъ, что всѣ боги благи и блаженны, но любовь не такова. Порфирій въ книгѣ третіей о жертвахъ говоритъ, что Богъ никакой вещи не требуетъ и никому вреда не причиняетъ. Цицеронъ во второй книгѣ о должностяхъ свое мнѣніе изображаетъ: боги, говоритъ, вреда причинять не хотятъ никому.

(2) Разрушается оное мнѣніе. Апулей въ богѣ Сократовомъ говоритъ, что изъ демоновъ иные нощныя жертвы любятъ, другіе дневныя; находятся такіе, кои увеселительными, другіе, кои печальными утѣшаются. Плутархъ повѣствуетъ, что великимъ и злымъ демонамъ въ древности сами Цари и вельможи приносили жертвы для отвращенія ихъ гнѣва, которые великой вредъ причиняли. Порфирій философъ въ книгѣ второй о неядѣніи животныхъ утверждаетъ, что городамъ иногда должно злымъ демонамъ жертвы приносить, дабы плодамъ, богатству и городу самому не причиняли вреда.

(3) Который боговъ злыхъ. Сверьхъ онаго Порфирій въ той же книгѣ, которую мы выше упомянули, думаетъ, что никакому горнему Богу животныхъ въ жертву приносить не надлежитъ, а только плоды земные, цвѣты, медъ, даже до муки. Такъ дѣлывали древніе первые жертвоприносители. Такъ дѣлать научаетъ Ѳеофрастъ, такъ Пиѳагоръ. Демоны же умилостивляются убійствомъ и кровію. Въ сочиненіи же отвѣтовъ Аполлиновыхъ о философіи сказываетъ, что чѣмъ ниже боги, тѣмъ безчеловѣчнѣе любятъ жертвы. Богамъ земнымъ и преисподнимъ жертвы изъ четверо-

ногихъ, шерстью черныхъ, убиваемы бываютъ; земнымъ на жертвенникахъ, преисподнимъ въ ямахъ.

На главу третiюнадесять.

(1) Повелѣваетъ противиться. Христосъ въ Евангелiи у Матөея запрещаетъ совсѣмъ гнѣваться. Агаөонъ Авва говаривалъ, что гнѣвливый человѣкъ, хотябъ мертвыхъ воскрешалъ, Богу не благоугоденъ.

(2) Демоны дарами умилостивляются. Не только желаютъ и радуются, когда дары имъ приносятся, но еще и требуютъ и напрашиваются; ибо они великiе попрошайки. Аполлинъ Делөiйской коликократно давалъ отвѣтъ, всегда твердилъ требовавшимъ онаго, дабы они его не забыли, и прислали бы когда либо ему подарокъ, ежели благополучнѣйшими будутъ, хотя хитрый демонъ не столь желалъ золота, или серебра, какъ разума людскаго, или души.

(3) Не услаждаться. Христосъ повелѣлъ своимъ ученикамъ, дабы они не искали называться учителями и не желали предсѣданiя на сонмищахъ, и не добивались бы того, дабы ихъ привѣтствовали на распутiяхъ. Притомъ внушалъ имъ, дабы желающiй быть начальникомъ былъ всѣмъ слугою. Ибо чести въ язычествѣ родились, въономъ и погребеннымъ имъ быть должно; а въ церкви пребывать онымъ не подлежитъ; и искать чести не есть знакомъ великодушiя, но презирать оную.

(4) Враговъ нашихъ. *Любите*, говоритъ Христосъ, *враги ваша, и молитеся за творящихъ вамъ напасть*. Матө. гл. 5. Не довольно не ненавидѣть враговъ, но любить оныхъ намъ повелѣвается. И въ самомъ дѣлѣ сiе не неудобно, когда Христосъ на крестѣ, и Стефанъ, убиваемый камнями, примѣры тому показали, говоритъ Iеронимъ.

На главу пятуюнадесять.

(1) Стихотворецъ. Виргилiй. Слова суть Дидоны, по убѣжанiи Енея; и говоритъ сiе по уставамъ Римлянъ, кото-

которые хотя многія священнослуженія приняли, однако волшебство всегда охуждали.

(2) Плоды. Виргилій въ Фармацевтріи, Плиній въ книгѣ двашцашь осьмой, да и въ законахъ двенатцати таблицъ написано: кто жита волшебствомъ истребитъ. И на другомъ мѣстѣ: который обволхвуетъ. Онъ же пишетъ, что на полѣ Маруцинскомъ Вестія Маркелла по Неронѣ Кесарѣ всѣ масличныя деревья чрезъ большую дорогу перешли, и самыя селенія на противную сторону переселились. И самъ Апулей въ Апологіи: волшебство сіе, какъ я слышалъ, есть вещію, законами возбраненною, и въ самой древности двенатцатью таблицами запрещенною, по причинѣ той, что чужіе плоды переманиваетъ къ другимъ.

(3) Самъ Апулей. По Римскимъ законамъ многіе къ суду требованы волшебники: вопервыхъ Аполлоній Тіанейскій къ Домитіану Кесарю, и Апулей къ Клавдію Максиму, Африканскому Губернатору нехристіянину.

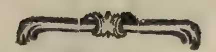
(4) Чудеса волшебниковъ. Откуда, говоритъ Евсевій, могли бы знать люди, чѣмъ демоновъ понудить можно, естьли не отъ самыхъ демоновъ? Въ чемъ и Порфирій признается, приводя оракулы Экаты, коими она наставляетъ людей, какъ демоновъ призывать и какъ принуждать.

На главу осьмуюнадесять.

(1) Ермій Трисмегистъ Египтянинъ. О немъ сказано будетъ ниже.

(2) На нашъ языкъ переведены. Нѣсколько находится книгъ Ерміевыхъ Греческихъ съ переводомъ на Латинской. Что здѣсь приводитъ Августинъ, оное взято изъ Асклепія Меркуріева, котораго Апулей перевелъ на Латинской діалектъ.

(3) Знали о пришествіи. Которые радовались, что Христосъ, которой имѣлъ пріити, пришелъ; ибо Онъ былъ въ законѣ и Пророкахъ праотцамъ обѣщанъ, Такимъ образомъ Іоаннъ повелѣлъ своимъ ученикамъ вопросить: *Ты ли еси грядый, или инаго чаемъ?*

(4) Какъ увѣряетъ насъ благочестіе. Матѳея въ 25 главѣ. Ибо на злыхъ приговоръ такой объявляется: *Идите во огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его.*

На главу двадесять первую.

(1) Дѣдъ твой, о Асклипій! Асклипій по Гречески Эскулапій. Сего Эскулапія, коего съ собою разговаривающаго вводитъ, дѣда, Августинъ почитаетъ врачебной науки изобрѣтателемъ. Которой же изъ трехъ упоминаемыхъ Цицерономъ Эскулапіевъ, не извѣстно. Ибо одинъ изъ нихъ погребенъ, сказываютъ, въ Ахаіи убитый громомъ; другой близь Лузіи рѣки въ Аркадіи, третій былъ втораго Меркурія братъ, сынъ Валента и Ферониды. Сего Эскулапія весьма почитаютъ Аркадяне. Тацитъ пишетъ, что Озиридъ Эскулапіемъ называется. Не извѣстножъ, не о семъ ли Меркурій говоритъ похожее на правду, ежели о семъ, а не о другомъ.

(2) Крокодиловъ. Крокодилъ животное извѣстное четвероногое, несущее яица, растетъ длиною до семнатцати локтей; верьхнюю часть рта движетъ въ противность природы всѣхъ животныхъ. Пожираетъ людей и другихъ животныхъ. Живетъ и на сухомъ мѣстѣ и въ водѣ. О немъ много написано у Иродота, Аристотеля, Плинія и другихъ. Сенека повѣствуетъ, что крокодилъ бѣжитъ отъ смѣлыхъ, а устремляется и гонитъ боязливыхъ. Крокодиловъ городъ былъ въ Египтѣ близь горы Ливійской, не далеко отъ Птолемаиды. Что Египтяне за Бога почитали крокодила, о томъ пишетъ Порфирій.

(3) Ермій. Цицеронъ Меркуріевъ считаетъ пять, изъ коихъ двоихъ почитаютъ Египтяне: первый родился отъ Нила, коего имя за грѣхъ поставляютъ воспоминать; другой, который убилъ Арга и начальствовалъ въ Египтѣ, которой законы и письмена предалъ Египтянамъ, котораго они называютъ Ѳеутомъ, то есть демономъ.

(4) Въ соименномъ ли своемъ отечествѣ. Ермополь былъ великій городъ въ Египтѣ, по которому и губернія называлась Ермополитанская, выше города Крокодиловъ.

(5) Но о Эскулапіѣ. Сего между полубогами полагаютъ. Ѳеодоритъ о мученикахъ пишетъ, что сего Эскулапія за бога въ Омировы времена не почитали; ибо Омиръ врачемъ язвъ Марсовыхъ не Эскулапія поставляетъ, но Пеона; и когда о Махаонѣ Эскулапіевомъ сынѣ говоритъ, просто называетъ врачемъ.

(6) Иной есть. Славный оный Меркурій былъ Маіинъ и Юпитеровъ сынъ, внукъ Атлантовъ. Другіе двое были Египетскіе, о коихъ выше я сказалъ; и другихъ двое еще, изъ коихъ первый родился отъ Неба и Дня, другой Валентовъ и Феронидинъ сынъ.

(7) Трисмегиста. Какъ бы Тревеликаго. Сей не есть тотъ Трисмегистъ, который писалъ, но дѣдъ его. Былъ же онъ Ѳеутъ, или демонъ, великій Царь, первосвященникъ и великій мудрецъ.

(8) Почитаются души ихъ во всѣхъ городахъ. Безчисленныя вещи Египтяне обожали, какъ-то лукъ и чеснокъ, коими они и клялись; также многихъ животныхъ боготворили, отъ коихъ именъ и городамъ имена даны, какъ-то отъ крокодила Крокодилополь; отъ Λύκος, волка, Ликополь; отъ Leo, льва, Леонтополь. Апису покланялись подъ образомъ вола, Меркурію подъ видомъ пса, Изидѣ подъ образомъ коровы.

На главу двадесятьвторую.

(1) Кипріане. Онъ былъ Карѳагенскій Епископъ, мужъ наиученнѣйшій и многими своими изданными сочиненіями знаменитый; но болѣе славенъ тѣмъ, что за Христіянское благочестіе мученическую кончину получилъ при Валеріанѣ Кесарѣ, какъ Понтій, его діяконъ, пишетъ.

(2) Снѣди. Сей обычай былъ особливо въ Африкѣ, какъ Августинъ въ шестой книгѣ исповѣданій свидѣтельствуетъ, и объявляетъ, что мать его къ памя-

ти святыхъ принесла хлѣбы и вино, и отдала придвернику. Но сіе отмѣнилъ Амвросій Медіоланскій, дабы чрезъ сіе не было способа многимъ упиваться и объѣдаться, и что сіи обряды похожи на языческое суевѣріе поминокъ.

(3) Ни жертвъ имъ не приносимъ. Многіе Христіяне въ вещи хорошей согрѣшаютъ, что святыхъ обоего пола не инаково почитаютъ, какъ боговъ. И не вижу, какое бы различіе было между мнѣніемъ ихъ о святыхъ, и тѣмъ, что думали язычники о своихъ богахъ. Нечестивое мнѣніе есть Вигилантіево, которой всякой чести лишалъ мучениковъ. Безумное и Евноміево, который, дабы не принужденъ былъ покланяться мертвымъ, не хаживалъ въ храмы мучениковъ. Должно почитать мучениковъ, но не надлежитъ имъ почтенія такого отдавать, какъ самому Богу.

(4) Нашедъ колосъ ячменной. Діодоръ въ книгѣ первой пишетъ, что пшеницу и ячмень изобрѣла Изида; и для того-то въ нѣкоторыхъ городахъ между священнослуженіемъ, отправляемымъ Изидѣ, вносятъ и показываютъ пшеницу и ячмень. Озирисъ же, мужъ ея, примѣтивъ въ оныхъ пользу, показалъ народу употребленіе оныхъ. Однако, что ячмень древнѣе того былъ въ употребленіи, показываетъ Плиній въ книгѣ осьмойнадесять, хотя сомнѣваться не можно, что ячмень употребляемъ былъ прежде пшеницы; ибо вѣроятно, что люди никогда бы ячменя употреблять не стали, ежелибъ знали пшеницу: ибо по найденіи пшеницы ячмень опредѣлили въ пищу животныхъ, какъ повѣствуетъ Плиній.

БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА, ИППОНІЙСКАГО ЕПИСКОПА, *КЪ МАРКЕЛЛИНУ* О градѣ Божіемъ.

КНИГА IX.

Глава первая.

До чего достигло слопопрѣніе вышеписанное, и что рѣшить остается.

Нѣкоторые думали, что боги суть и добрые и злые; другіе же, о богахъ лучшихъ будучи мыслей, столько имъ чести и хвалы присвояли, что ни одного злымъ почесть не дерзнули. Но оные, которые иныхъ боговъ добрыми, иныхъ злыми (1), тѣ и демоновъ именемъ боговъ называли. Хотя и боговъ именемъ демоновъ нарицали, однако рѣдко; при всемъ томъ признаются, что и самый Юпитеръ, Царь и обладатель прочихъ боговъ, отъ Омира (2) названъ демономъ. А тѣхъ, которые боговъ единственно добрыми признаваютъ, трогаютъ демоновъ дѣла, которыхъ утаить

ить и скрыть не могутЪ, и говорятЪ, что таковыя дѣла не отЪ боговЪ, кои всѣ добрые, происходятЪ; чего ради тщатся различіе ввести между богами и демонами, и все то изЪ дѣлЪ, или страстей, что имЪ не угодно, чрезЪ что силу свою показываютЪ тайные духи, поставляютЪ происходящимЪ отЪ демоновЪ, а не отЪ боговЪ. Но понеже они демоновЪ между богами и людьми посредниками такими полагаютЪ, что никакой богЪ не примѣшается кЪ людямЪ, и что демоны отЪ людей приносятЪ желанія, а отЪ боговЪ ими дарованное приносятЪ, что Платонической секты главные и знатные философы утверждаютЪ, сЪ которыми, такЪ какЪ сЪ изящнѣйшими, за благо разсудилЪ я словопрѣніе сіе рѣшить: приноситЪ ли какую пользу почитаніе многихЪ боговЪ кЪ полученію блаженной жизни, которая имѣетЪ быть послѣ смерти? ВЪ вышеписанной книгѣ разсуждали мы о томЪ, какимЪ образомЪ демоны, любящіе таковое, чѣмЪ добрые и благоразумные люди гнушаются, то есть святотатское, мерзское, законопреступное, увеселяющіеся стихотворческими вымыслами не о человѣкѣ какомЪ либо, но о самихЪ богахЪ, также проклятыми и смертной казни достойными волшебными науками, могутЪ быть ближайшими и любезнѣйшими добрымЪ богамЪ и примирять боговЪ людемЪ. Однако того язычники ничѣмЪ доказать не могли.

Глава

Глава вторая.

Люди, будучи смертными, могутъ ли быть прямо блаженными.

Можетъ ли и блаженнымъ и смертнымъ быть человѣкъ, великой о томъ между людьми находится споръ. Ибо иные, съ большимъ смиреніемъ на свое состояніе взирая (1), утверждали, что человѣкъ вмѣстить не можетъ блаженства, покуда пребываетъ смертнымъ. Нѣкоторые же себя превозносили, и дерзали говорить, что общникъ премудрости блаженнымъ быть можетъ, хотябъ былъ смертенъ. Ежели сіе справедливо, то для чего таковые люди посредниками не поставляются между бѣдными смертными и безсмертными блаженными, которые имѣютъ блаженство съ безсмертными блаженными, смертность съ мертвыми бѣдными? Ибо подлинно, ежели они блаженны, то не завидуютъ никому; понеже что нещастнѣе есть зависти (2)? И потому смертнымъ бѣднымъ, сколько могутъ, къ пріобрѣтенію блаженства да пособствуютъ, дабы возмогли быть безсмертными по смерти, и соединиться и пріобщиться безсмертнымъ и блаженнымъ Ангеламъ.

Глава

Глава третія.

О Ходатаѣ Бога и человѣковъ, Человѣкѣ Христѣ Іисусѣ.

Когда же, что несравненно вѣроятнѣе, всѣ люди, покуда пребываютъ смертными, должны быть необходимо бѣдными, то надлежитъ искать Ходатая, который не толькобъ былъ человѣкъ, но и Богъ, дабы сія блаженная смертность ходатайствомъ своимъ изъ смертности бѣдственной привела людей къ блаженному безсмертію. Ибо смертнымъ Онъ стался не приведеніемъ въ изнеможеніе Божества слова, но пріятіемъ немощи плоти; не пребылъ же въ самой плоти навсегда смертнымъ, которую воскресилъ отъ мертвыхъ. Понеже самый плодъ ходатайства Его состоитъ въ томъ, дабы и тѣ, ради избавленія коихъ Ходатаемъ Онъ учинился, во всегдашней плоти смерти не пребывали. И потому Ходатаю между нами и Богомъ надлежало имѣть и смертность преходящую и блаженство присносущное, дабы чрезъ преходящее подобился смертнымъ, и къ приснопребывающему преселилъ изъ мертвыхъ. И такъ добрые Ангелы ходатаями между бѣдными смертными и блаженнымъ и безсмертнымъ быть не могутъ. Ходатай же благій бѣднымъ и смертнымъ на время быть благоволилъ, и блаженнымъ въ вѣчности пребыть могъ; и избавилъ смиреніемъ смерти своей

своей и благоволеніемъ блаженства своего отъ ига діавольскаго.

Глава четвертая.

Къ полученію жизни блаженной, которая состоитъ въ причастіи высочайшаго блага, не таковаго ходатая требуетъ человѣкъ, каковъ есть демонъ, но таковаго, каковъ есть единъ Христосъ.

Понеже смертное къ безсмертному и нечистое къ чистому приближиться не могло, то потребенъ былъ ходатай, но не таковый, каковъ есть демонъ, но таковый, который, пріобщившись смертности нашей плоти, и пребывая неотступно въ горнихъ, къ очищенію и свобожденію нашему подалъ свою Божественную помощь; который, будучи Богомъ, ни мало не осквернился воспріятіемъ человѣчества и тѣмъ, что Онъ во плоти между людьми обращался. Сей-то есть, какъ Священное проповѣдаетъ Писаніе, *Ходатай Бога и человѣковъ, Человѣкъ Христосъ Іисусъ*, о котораго Божествѣ, коимъ Онъ присно равенъ Отцу, и человѣчествѣ, коимъ стался намъ подобнымъ, не мѣсто здѣсь говорить.

Глава

Глава пятая.

Что хитрость демонов, когда своим ходатайством путь обещают къ Богу, то единственно намѣреваетъ, дабы людей отвесть отъ пути истинны.

Ложные же оные и лукавые ходатаи демоны, которые нечистотою своею отъ успѣховъ нашихъ духовныхъ отвратить тщатся, не путь устрояютъ къ Богу, но совращаютъ съ онаго. Когда въ самомъ пути тѣлесномъ, заблужденія исполненномъ, коимъ не шествуетъ правда, понеже не тѣлесною высотою, но духовною, то есть безплотнымъ подобіемъ къ Богу восходить должны; однако въ самомъ тѣлесномъ пути, который демоновъ любители по степенямъ стихій устрояютъ, между эѳирными богами и земными людьми въ срединѣ воздушныхъ демоновъ поставивъ, вѣрятъ, что-то боги особенное имѣютъ, дабы сообращеніемъ съ людьми они не осквернились. Такимъ образомъ видно, что демоны отъ людей наипаче оскверняются, нежели люди пособіемъ демоновъ очищаются; и что боги самые могли бы оскверниться, ежели бы высота мѣста ихъ не защищала. Кто столь нещастенъ, который бы повѣрилъ, что симъ путемъ очиститься можно, гдѣ люди оскверняющими, демоны оскверненными, и боги оскверненія подлежащими описываются; а не паче изберетъ

реть тоть путь, гдѣ бы оть оскверняющихь наипаче демоновь удалиться, и оть неизмѣняемаго Бога оть скверні очиститься, ради включенія вь общество непорочныхь Ангеловь?

Глава шестая.

Что имя демоновь и у самыхь ихь почитателей вь хорошемь значеніи не принимается.

Но чтобь не о словахь однихь намь спязаться, нѣкоторые изь язычниковь, или лучше сказать, демонопочитателей, вь числѣ коихь и Лабеонь, сказывають, что тѣжь самые оть иныхь называются Ангелами (1), коихь они именують демонами (2). Мы же, какь Священное говорить Писаніе (3), Ангеловь иныхь называемь добрыми, иныхь злыми, и добрыхь никогда демонами не именуемь. Но вь какомь бы мѣстѣ Священнаго Писанія ни положено было имя демона, или бѣса, вседа означается злый духь. И сіе раздѣленіе такь вошло вь обыкновеніе, что и самые язычники (4), многихь боговь и демоновь почитающіе, толькобь притомь были ученые, не говорять вь выхвалу своимь рабамь: *бѣса имаши*; но когда сіе выговорено бываеть, то не инако разумѣють всѣ, что рѣчь оная клонится кь злословію. Такь чтожь нась убѣждаеть, что по оскорбленіи слуха многихь, или лучше сказать всѣхь разумѣющихь, что

слово сіе всегда худое означаетъ, употреблять оное, когда можемъ изреченіемъ имени Ангела того оскорбленія, которое могло причинено быть изреченіемъ демона, избѣжать?

Глава седьмая.

О качествѣ знанія, которое демоновъ дѣлаетъ надмѣнными.

Хотя и самое начало сего имени, есть-ли въ Божественныя приникнуть книги, подаетъ нѣчто знанія достойное, ибо демонъ называется по знанію, какъ Греческое сіе слово *δαίμονες* показываетъ; Апостолъ же Духомъ Святымъ сказалъ: *разумъ кичитъ, а любовь созидаетъ*, котораго прямѣе выразумѣть не можно, какъ только такъ, что знаніе тогда только пользуетъ, когда внутри есть любовь, безъ которой послѣдуетъ киченіе, то есть суетная гордость. И такъ въ демонахъ находится знаніе безъ любви, и потому-то они толь надмѣнны и горды, что и Божескую честь и служеніе благочестія, достойныя единаго Бога, себѣ требовали, и нынѣ, сколько могутъ и отъ которыхъ могутъ, требуютъ. Противъ же гордости демоновъ, которою не напрасно владычествовали надъ родомъ человѣческимъ, Божія кротость и смиреніе, явившееся въ образѣ раба, коликую имѣетъ силу, того души человѣческія не разумѣютъ, которыя не-

нечистотою превозношенія надмѣны будучи, подобятся гордостію демонамъ, а не знаніемъ.

Глава осьмая.

До коликаго степени благоволилъ Христосъ явить себя демонамъ.

Сами же демоны знаютъ и сіе, такъ что Господу, облеченному немощію плоти, сказали: *Что намъ и тебѣ, Іисусе Назаряниине? Пришелъ еси прежде времене мучити насъ?* Видно изъ сихъ словъ, что они не малое знаніе имѣютъ, но не имѣютъ любви; ибо казни своей отъ Него боялись, но правды въ Немъ не любили; столько же имъ себя явилъ, сколько восхотѣлъ; восхотѣлъ же столько, сколько надлежало. Но явилъ себя не такъ какъ святымъ Ангеламъ, которые наслаждаются вѣчностію, но сколько для устрашенія ихъ явить себя долженствовало, отъ области коихъ силою своею свободить имѣлъ предуставленныхъ въ свое царство и истинную славу и вѣчную. И такъ явилъ себя демонамъ не съ тѣмъ, что Онъ есть вѣчный животъ и неизмѣнный свѣтъ, просвѣщающій всѣхъ благочестивыхъ и очищающій вѣрою ихъ сердца, но нѣкоторыми силы своея дѣйствіями и знаками тайнаго присутствія, которыя не только Ангеламъ (1), также и духамъ злымъ, но и немощи человѣческой были чувствительны. Наконецъ, когда свое Божество

нѢсколько скрыть благоизволилЪ и утаить, то усомнился о НемЪ князь бѢсовЪ и искусить оное тщался (2), сколько искушаему себѢ быть попустилЪ, дабы человѢка (3), коимЪ былЪ облеченЪ, вЪ примѢрЪ намЪ поставить. По искушеніи же ономЪ (4), когда Ангели, какЪ писано, служили Ему: то конечно Ангели благіе и святые, то чрезЪ оное болѢе открылось, что нечистымЪ духамЪ страшиться и бояться надлежитЪ, то есть кто ОнЪ есть таковЪ, когда повелѢнію Его, хотя презрѢнная на НемЪ казалась плоти немощь, никто противиться не дерзалЪ.

Глава девятая.

Коликое есть различіе между знаніемЪ святыхЪ АнгеловЪ и знаніемЪ бѢсовЪ.

И такЪ для сихЪ благихЪ АнгеловЪ всякое тѢлесныхЪ и временныхЪ вещей знаніе, коимЪ надмѢваются демоны, низко, не потому, аки бы они его не имѢли, но что для нихЪ пріятнѢе любовь Божія, коею они освящаются, вЪ разсужденіи коей не только безплотной, но и неизмѢнной и неизреченной красоты, коей святою любовію (1) пламенѢютЪ, все долнее, но и самихЪ себя презираютЪ, дабы, совершенно будучи благими, тѢмЪ добромЪ, коимЪ они благи, наслаждаться. И потому они совершеннѢе временное и измѢняемое знаютЪ, понеже онаго начальныя причины вЪ СловѢ БожіемЪ,

ко-

которое мірЪ содѣлало, видятЪ, коими иное одобряется, другое охуждается, но все устрояется. Демоны же (2) невѣчныя времень причины и начальныя вЪ Божіей премудрости видятЪ, но нѣкоторыя знаменія отЪ человѣкЪ сокровенныя, сЪ большимЪ, нежели люди, опытомЪ вЪ разсужденіи будущаго видятЪ, и свои расположенія иногда предсказываютЪ. НаконецЪ демоны часто, а Ангели никогда не обманываются. Ибо иное есть изЪ временнаго о временномЪ, и изЪ измѣняемаго о измѣняемомЪ заключать; иное же вЪ вѣчныхЪ и неизмѣняемыхЪ БожіихЪ законахЪ перемѣны временЪ предвидѣть, и знать Божію волю прямую и всесильную, что святымЪ АнгеламЪ даровано. И потому они не только вѣчны, но и блаженны; ибо неизмѣнно причастіемЪ и созерцаніемЪ БожіимЪ наслаждаются.

Глава десятая.

Имя боговЪ ложно приписывается богамЪ языческимЪ, которое однако и святымЪ АнгеламЪ и праведнымЪ людямЪ Священное Писаніе дѣлаетЪ общимЪ.

СихЪ ежели Платонической секты философы желаютЪ лучше называть богами, нежели демонами, и кЪ тѣмЪ причитать, коихЪ созданными отЪ всевышняго Бога богами учитель ихЪ ПлатонЪ признаваетЪ, (1) то пускай говорятЪ, что хотятЪ, ибо я вЪ словахЪ прекословить много не

 хо-

хочу. И такъ ежели они безсмертными называютъ и отъ всевышняго Бога сотворенными признаваютъ, и поставляютъ блаженными не въ разсужденіи ихъ самихъ, но по причастію къ Богу, то они тожъ почти говорятъ, что и мы, какъ бы они ихъ ни называли. Сіе мнѣніе всѣхъ Платоническихъ философовъ, или по крайней мѣрѣ многихъ и лучшихъ въ ихъ писаніяхъ видѣть можно. Ибо и о самомъ имени, то есть, что они безсмертную и блаженную тварь богами называютъ, между ими и нами спору почти никакого нѣтъ; понеже и въ нашемъ Священномъ Писаніи читается: *Богъ боговъ Господь глагола*; и на другомъ мѣстѣ: *Исповѣдайтеся Богу боговъ*. И на иномъ: *Царь велій надъ всѣми боги*. А оное, гдѣ написано: *Страшенъ надъ всѣми боги*, для чего сказано, тамъ же открывается. Ибо продолжаетъ далѣе: *Яко вси бози языкъ бѣсове, Господь же небеса сотвори*. И такъ не сказалъ надъ всѣми боги, но языковъ, то есть тѣми, коихъ язычники богами почитали, кои суть бѣсы. Страшенъ же потому, понеже они страшась Господу говорили: *Пришелъ еси прежде времени мучити насъ*. Въ томъ же мѣстѣ, гдѣ сказано *Богъ боговъ*, не можно разумѣть Богъ бѣсовъ: также гдѣ сказано: *Царь велій надъ всѣми боги*, никакъ разумѣть не можно, аки бы Онъ былъ Царемъ демоновъ. Но людей также благоугождающихъ Богу Священное Писаніе

бо-

богами называетъ: *Азъ*, говоритъ, *рѣхъ бози есте, и сынове Вышняго.* И такъ можно разумѣть, что Богъ есть сихъ боговъ Богомъ, который названъ Богомъ боговъ, и что Онъ надъ сими богами Царь велій, который названъ Царемъ веліимъ надъ всѣми богами. Однако когда мы говоримъ, что люди названы богами, то кольми паче безсмертные онаго имени достойны, кои наслаждаются блаженствомъ, къ которому люди, почитая Бога, желаютъ достигнуть. Что въ отвѣтъ скажемъ? То, что не напрасно въ Священномъ Писаніи явственно люди наречены богами, какъ и оные безсмертные и блаженные духи, которымъ мы будемъ равны въ воскресеніи по обѣщанію, дабы по причинѣ ихъ превосходства ни одного изъ нихъ не дерзнула слабость человѣческая поставить Богомъ себѣ, чего въ человѣкѣ весьма легко избавиться. Яснѣе надлежало людей, благоугождающихъ Богу, назвать богами, дабы твердо они вѣрили, что ихъ Богъ есть тотъ Богъ, который нареченъ Богомъ боговъ Понеже хотя называются безсмертные оные и блаженные богами, однако не богами боговъ, то есть богами, въ людяхъ Божіихъ поставленными, коимъ сказано: *Азъ рѣхъ бози есте, и сынове Вышняго вси.* Отсюда и Апостолъ говоритъ: *Аще бо и суть глаголеміи бози или на небеси, или на земли, якоже суть бози мнози и господіе мнози,*

но намъ единъ Богъ Отецъ, изъ негоже вся и мы у него, и единъ Господь Іисусъ Христосъ, имже вся, и мы тѣмъ. И такъ о имени я не много прекословлю, когда самая истинна такъ ясна, что никакого не имѣетъ сомнѣнія. Что же мы говоримъ, что изъ числа безсмертныхъ и блаженныхъ Ангеловъ посылаются къ людямъ для открытія имъ Божіей воли, то оное имъ не угодно; понеже они утверждаютъ, что сію должность не безсмертные и блаженные, но демоны отправляютъ, коихъ хотя безсмертными называютъ, но блаженными именовать не смѣютъ. Имя демоновъ столь есть отвратительно, что сего имени никакимъ образомъ святымъ Ангеламъ присвоить не можемъ. Теперь окончаемъ книгу, и должны знать, что безсмертные и блаженные духи, какъ бы ихъ ни называли, но что они, будучи сотворенными, не могутъ быть посредниками и руководителями людямъ къ безсмертію и блаженству. Ибо ничего други демоновъ представить намъ достойнаго не въ состояніи, для чего бы мы демоновъ какъ помощниковъ почитать долженствовали, которыхъ мы какъ прелестниковъ бѣгать должны. Впрочемъ, что язычники благихъ, и потому не только безсмертныхъ, но и блаженныхъ духовъ священнослуженіемъ и жертвоприношеніемъ почитать за долгъ себѣ ставятъ ради пріобрѣтенія будущей блаженной

ной жизни по смерти: то оные духи каковы бы ни были и каковаго имени достойны ни былибъ, твердо вѣрить должно, что ежели они благіе духи, не пожелалибъ, дабы люди честь кому воздавали, кромѣ единаго Бога, который и ихъ самихъ сотворилъ, и котораго причастіемъ они блаженны. О семъ въ слѣдующей пространнѣе поговоримъ книгѣ.

Конецъ девятой книги о градѣ Божіемъ.

ПРИМѢЧАНІЯ
на
Книгу Блаженнаго Августина, Епископа Иппонійскаго, о градѣ Божіемъ, девятую.

На главу первую.

(1) Иныхъ злыми. Платонъ въ бесѣдѣ всѣхъ боговъ назвалъ добрыми, демоновъ же хотя не добрыми, однако и не злыми, во средней нѣкоей природы. Меркурій признавалъ Ангеловъ добрыхъ и злыхъ. Порфирій въ книгахъ жертвъ два рода демоновъ поставляетъ: добрыхъ и благотворныхъ, злыхъ и злотворныхъ.

(2) Отъ Омира. Плутархъ въ той книгѣ, въ коей показываетъ, что престали Оракулы, говоритъ, что Омиръ никакого не учинилъ раздѣленія между богами и демонами; ибо и демоновъ иногда называетъ богами и боговъ демонами. Онъ назвалъ демономъ Юпитера. И Платонъ управителя вселенныя демономъ нарекъ.

На главу вторую.

(1) Съ большимъ смиреніемъ на свое состояніе взирая. Солонъ Аѳинской утверждаетъ, что прежде смерти никто блаженнымъ назваться не можетъ. Платонъ немногихъ изключаетъ. Но Солонъ говорилъ потому, что не извѣстно на примѣръ, какая судьба постигнетъ Пріама, когда войны еще не было. Также какимъ образомъ можно было злую опредѣлить участь Крезу при толь безмѣрномъ богатствѣ, и утвердить, что Киръ его на срубѣ сжечь нѣкогда опредѣлитъ. Платонъ же потому, что человѣку не льзя постигнуть Божественнаго, познаніемъ коего мы бываемъ блаженны.

(2) Что нещастнѣе есть зависти. Въ зависти то только хорошо, что она великое зло причиняетъ самимъ завистливымъ.

На

На главу шестую.

(1) Называются Ангелами. Ангелъ значитъ вѣстника. Въ басняхъ Греческихъ часто употребляется Ангелъ, какъ у Еврипида. И Меркурій нареченъ Ангеломъ.

(2) Именуютъ демонами. Демоны, какъ пишетъ Платонъ въ Кратилѣ, отъ знанія и премудрости.

(3) Какъ Священное говоритъ Писаніе. Въ Евангеліи объ Ангелахъ часто упоминается, и Христосъ Ангеловъ діявольскихъ показываетъ.

(4) Язычники. По рождествѣ Христовомъ имя сіе демонъ подозрительнымъ быть начало и ненавистнымъ не только у простыхъ людей, но и у философовъ.

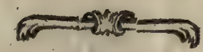
На главу осьмую.

(1) Не только Ангеламъ. Чудеса Христовы удивительнѣе были Ангеламъ и демонамъ, нежели людямъ. Потому что Ангели, зная причины многихъ вещей, видѣли то, что дѣла чудесныя Христовы превосходили природу. Люди же хотя видѣли, и не сомнѣвались, что оныя чудны, но клеветали, аки бы силою Веелзевула, князя бѣсовскаго, дѣлаемы были.

(2) Искусить оное тщался. Діаволъ когда людей искушаетъ, о томъ только тщится, дабы люди согрѣшили. Когда же искушалъ Христа, тогда о грѣхахъ не помышлялъ; ибо онъ зналъ о Его святости, а только узнать желалъ, подлинно ли скрывается Богъ въ природѣ человѣческой.

(3) Дабы человѣка. Дабы не показаться, что онъ изключенъ изъ древняго людей состоянія, что одинъ остался безъ искушенія, былъ искушаемъ.

(4) По искущеніи же ономъ. И сіе примѣромъ служитъ потомству; ибо какъ никто безъ искушенія пребыть не можетъ, такъ оставшись побѣдителемъ утѣшенія насладится съ Ангелами, какъ говоритъ Іеронимъ.

На главу девятую.

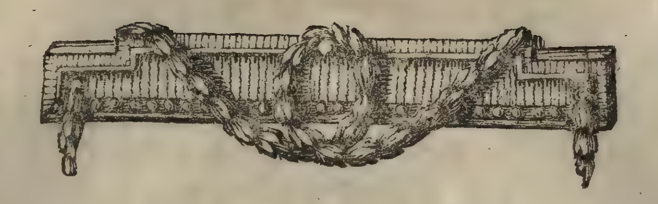
(1) Святою любовію. Любовь всегда простирается къ красотѣ. Сократъ у Платона въ Федрѣ говоритъ, что ежели бы кто образъ, или лице честности и премудрости тѣлесными узрѣлъ очами, то чуднымъ образомъ возлюбилъ бы оное. Ежели бы мы Бога, сколь Онъ красенъ, увидѣть могли, чтобъ тогда учинили? Лѣпоту онаго познать можно изъ красоты созданныхъ Имъ вещей.

(2) Демоны же. Самаго центра причинъ не знаютъ и не вѣдаютъ источника, изъ котораго проистекаютъ, но они большимъ, нежели мы одарены разумомъ, удобнѣе понимаютъ настоящее и будущее догадкою постигаютъ. Но какъ они самаго начала не вѣдаютъ, отъ того происходитъ, что они обманываются. Однако хвастаютъ знаніемъ всего. И не только житые демоны, но и боги лгутъ, коихъ Порфирій почиталъ.

На главу десятую.

(1) Созданными отъ всевышняго Бога. Платонъ въ Тимеѣ говоритъ, что всевышній Богъ и всѣхъ вещей Отецъ сотворилъ всѣхъ прочихъ боговъ.

БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА,

ИППОНІЙСКАГО ЕПИСКОПА,

КЪ МАРКЕЛЛИНУ

О градѢ Божіемъ.

КНИГА X.

Глава первая.

Что истинное блаженство какъ Ангеламъ, такъ и человѣкамъ единъ Богъ даруетъ, какъ и сами Платоническіе философы признали; но разбирать должно, кому тѣ, коихъ они почитать за долгъ свой поставили, жертвоприношеніе дѣлать повелѣли, Богу ли, или себѣ.

Никто изъ разумныхъ не сомнѣвается, что всякой человѣкъ блаженнымъ быть хощетъ. Но какимъ образомъ и чрезъ что онымъ быть, когда немощь человѣческая ищетъ, то многіе изъ того произошли споры, въ которыхъ философы силы свои и время изнурили, которыя предлагать здѣсь нѣтъ нужды. Ибо ежели сіе читающій вспомнитъ, что мы говорили въ осьмой

мой книгѣ о избранiи философовъ, съ которыми бы о блаженной жизни, имѣющей быть по смерти, разобрать; то есть, почитанiемъ ли единаго истиннаго Бога, который и боговъ всѣхъ есть Творцемъ, или жертвоприношенiемъ многимъ богамъ достигнуть оной можно? И такъ я не намѣренъ повторять тогожъ здѣсь, особливо, когда можетъ, естьли паче чаянiя забылъ, прочитавъ памяти помоществовать. Ибо мы избрали Платоническихъ изъ всѣхъ философовъ не недостойно знаменитѣйшихъ; которые утверждали, что блаженной жизни, коей всѣ желаютъ, никто получить не можетъ, ежели единому оному всеблагому и неизмѣнному Богу чистою любовiю не прилѣпится. Но поелику и они сами, или уступая суетѣ и заблужденiю народа, или какъ Апостолъ говоритъ; осуетившись помышленiями своими, многихъ боговъ почитать повелѣвали Божескою честiю; то есть жертвоприношенiями и священнослуженiями, которымъ мы уже нѣсколько и отвѣтствовали: то нынѣ разсмотрѣть и поговорить надлежитъ, можно ли тому вѣрить, акибы благiе Ангели требовали того, дабы имъ Божеская честь отъ людей была воздаваема? Ибо почитанiе сiе, Божеству должное, которое, дабы однимъ словомъ изобразить, поелику въ Латинскомъ дiалектѣ не достаетъ реченiя, то я ради изъясненiя своей мысли употребляю

кляю Греческое. Во всемъ Священномъ Писаніи, гдѣ упоминается о служеніи Богу, всѣ наши писатели изъясняли словомъ Латрія. Напротивъ служеніе, должное человѣку, какъ на примѣръ Апостолъ говоритъ: *Раби повинуйтеся господіимъ своимъ*, на Греческомъ діалектѣ иною рѣчью изображается. Слово же Латрія по обыкновенію писавшихъ о Божественныхъ вещахъ почти всегда полагаютъ за служеніе, касающееся къ почитанію Бога. Но когда просто гдѣ говорится почитаніе, то никогда разумѣть не должно, акибы чрезъ оное означается почитаніе Божіе; ибо мы почитаемъ и людей, или воспоминая съ уваженіемъ объ оныхъ, или въ присутствіи ихъ себя унижая предъ ними. И потому справедливо, что сіе слово никому не прилично, кромѣ Бога; но поелику почитаніе заключаетъ въ себѣ и другія значенія, то потому въ Латинскомъ діалектѣ почитаніе, одному Богу должное, означаться не можетъ; ибо и самое благочестіе, хотя знаменательнѣе, означаетъ почитаніе Божіе; почему оное слово наши толкователи изобразили Греческимъ реченіемъ θρησκεία. Но понеже въ разсужденіи Латинскаго употребленія не только невѣжъ, но и ученѣйшихъ людей сіе слово остается по причинѣ не одинакаго значенія сомнительнымъ, потому и говоримъ, что благочестіе не иное что есть, какъ почитаніе Бога. Понеже къ другимъ значеніямъ не пристойно ка-

кажется влечется. Любовь собственно значитъ почтенiе Бога, которую Греки εὐσεβείαν, благоговѣнiемъ, называютъ. Но сiе слово въ разсужденiи дѣтей къ родителемъ также употребляется. Въ разсужденiижъ общенародной рѣчи и въ дѣлахъ милосердiя полагается. А сiе думаю потому, что дѣла милосердiя дѣлать Богъ повелѣваетъ, и открываетъ, что таковыя дѣла Ему благоугодны какъ жертва, или паче жертвы. Изъ сего употребленiя произошло, что Бога называютъ εὐσεβεῖν, хотя и милосердыхъ людей тѣмъ же именемъ нарицаютъ. Чего для ради лучшаго отличенiя въ нѣкоторыхъ сочиненiяхъ Греки не εὐσεβείαν, что отъ благочестнаго почитанiя, но θεοσεβείαν, которое отъ Божiя почитанiя производится, употребили. Но каждое изъ сихъ въ Латинскомъ однимъ словомъ изобразить не можно. И такъ называемая по Гречески Латрiя, по Латинѣ Servitus, раболѣпное служенiе; но коимъ почитаемъ Бога, или которое по Гречески θρησκεία, по Латинѣ Religio, благочестiе, но которымъ почитаемъ Бога, или которое Греки θεοσεβείαν, а мы двумя словами изображаемъ, почитанiе Бога. Сiе, говорю, должнымъ одному Богу признаваемъ, который есть истинный и который почитателей своихъ дѣлаетъ блаженными. И такъ всѣхъ тѣхъ духовъ, которые насъ не любятъ и блаженными намъ быть не желаютъ, почитать не должно. А которые любятъ и

бла-

блаженными намъ быть желаютъ, тѣ конечно желаютъ, чтобъ мы были блаженными чрезъ тожъ самое, чрезъ что и они сами.

Глава вторая.

О свышнемъ просвѣщенiи какихъ былъ мыслей Плотинъ.

Но мы съ сими знатными философами въ семъ немного споримъ; ибо они примѣтили и въ своихъ книгахъ написали, что какъ мы, такъ и добрые духи свѣтомъ нѣкоторымъ умнымъ блаженны, которымъ есть самъ Богъ, причастiемъ коего совершенны и блаженны они. Часто и пространно Плотинъ (1) говоритъ, изъясняя смыслъ Платоновъ, что Богъ есть какъ бы солнце, а души наши и духи какъ луна; ибо луна, сказываютъ, заимственнымъ свѣтомъ солнечнымъ освѣщается. И такъ по его мнѣнiю души разумныя не имѣютъ выше себя природы другой, кромѣ Бога, который сотворилъ мiръ и оныя, и что духамъ не отъинуду подается жизнь блаженная и свѣтъ разумѣнiя истинны, какъ откуда и намъ. Сiе весьма согласно съ Евангелiемъ, гдѣ пишется: *Бысть человѣкъ посланъ* (2) *отъ Бога, имя ему Iоаннъ: сей прiиде во свидѣтельство, да свидѣтельствуетъ о свѣтѣ, да вси вѣру имутъ ему* (3). *Не бѣ той свѣтъ* (4), *но да свидѣтельствуетъ о свѣтѣ. Бѣ свѣтъ истинный* (5) *иже просвѣщаетъ всякаго человѣка* (6), *грядущаго въ*

 мiръ.

мiръ. Въ семъ различiи довольно показывается, что душа разумная, какова была въ Iоаннѣ, не могла быть свѣтомъ самой себѣ, но сiяла по причастiю истинному свѣту. Въ семъ и Iоаннъ самъ признавается, когда говоритъ: *Мы вси отъ исполненiя его прiяхомъ.*

Глава третiя.

О истинномъ почитанiи Бога, о которомъ Платонические философы хотя и знали, что Онъ есть вселенныя Творецъ, однако въ почитанiи заблудили, отдавая честь Божескую духамъ.

Когдажъ такъ, то естьли бы Платонические философы, или другiе какiе либо, кои думали такъ, познавъ Бога, какъ Бога прославляли и благодарили, и не осуетились бы въ помышленiяхъ своихъ, и не были бы одобрителями заблужденiю народному, или бы дерзнули и отражать оное: то конечно признались бы, что и духамъ безсмертнымъ, и намъ смертнымъ, дабы быть безсмертными и блаженными, Бога боговъ почитать надлежитъ, который Богомъ есть и ихъ и нашимъ.

Глава

Глава четвертая.

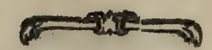
О томъ, что единому истинному Богу жертву приносить должно.

Сему мы одолжены приносить раболѣпное служеніе, которое по Гречески называется Латріею, какъ въ нѣкоторыхъ таинствахъ, такъ и въ самихъ себѣ. Его бо мы храмъ; понеже Онъ въ каждомъ изъ насъ пребываетъ, не болѣе будучи во всѣхъ, какъ и въ каждомъ, поелику ни множествомъ не развлекается, ни пріобщеніемъ къ Нему умаляется. Когда горѣ къ Нему (1) возносимся, тогда сердце наше бываетъ Ему олтаремъ, и тогда Его единороднымъ Его Сыномъ чрезъ священника умилостивляемъ; Ему кровную жертву приносимъ, когда даже до крови за Его истинну подвизаемся; Ему пріятнѣйшее всесожженіе, когда предъ лицемъ Его благоговѣніемъ святымъ и любовію пламенѣемъ; Ему дары Его (2) сущіе въ насъ, и насъ самихъ посвящаемъ и приносимъ; Ему за благодѣянія Его въ нарочитые дни и праздники уставленные благодареніе возсылаемъ, дабы продолженіемъ временъ не пришли въ забвеніе; Ему жремъ жертву кротости и смиренія и хвалы на жертвенникѣ сердечномъ, съ огнемъ пламенѣющія любви. Къ видѣнію Его, сколько видѣть можно, и дабы прилѣпиться Ему, отъ всякой грѣховъ и вожделѣній нечистоты очищаемся, и Его именемъ по-

священся. Онъ источникъ нашего блаженства, Онъ всего желанія конецъ. Къ Нему любовію стремимся, дабы достигнувъ имѣть покой, чрезъ то будучи блаженны, понеже въ разсужденіи онаго конца совершенны. Ибо добро наше, о концѣ котораго великой между философами происходитъ споръ, не въ чемъ иномъ состоитъ, какъ только чтобъ Ему прилѣпляться, коего отъ объятій разумная душа прямыми наполняется и обилуетъ добродѣтелями; ибо сіе добро отъ всего сердца, отъ всея души, всею крѣпостію любить намъ повелѣно. Къ сему добру и отъ тѣхъ, кои насъ любятъ, водимы быть, и коихъ мы любимъ, водить долженствуемъ. Такимъ образомъ исполняются двѣ оныя заповѣди, о коихъ законъ и Пророки внушаютъ: *Возлюбиши Господа Бога твоего всемъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею, и всею мыслію твоею: и возлюбиши ближняго твоего яко самъ себе.* Ибо чтобъ зналъ человѣкъ, какъ долженъ любить себя, то назначенъ ему конецъ, къ которому бы онъ все относилъ, что ни дѣлаетъ, дабы быть блаженнымъ. Понеже кто себя любитъ, тотъ не инаго чего желаетъ, какъ быть блаженнымъ. Сей же конецъ есть прилѣпляться Богу. И такъ когда знающему любить самаго себя когда повелѣвается любить ближняго, какъ самаго себя, то что иное повелѣвается, какъ только чтобъ сколько мо-

жно

жно внушалъ ему о любви къ Богу? Сіе есть Божіе почитаніе, сіе истинное благочестіе, сіе прямое благоговѣніе, сіе Богу должное раболѣпное служеніе. И такъ всякій безсмертный духъ ежели насъ любитъ какъ самаго себя, то желаетъ, дабы мы, послушны будучи, были блаженны, тѣмъ, которому и они повинуясь, суть блаженны. Ежелижъ не почитаетъ Бога, то оный духъ есть нещастный; понеже лишенъ Бога. Ежелижъ почитаетъ Бога, то не хощетъ, дабы Его почитали самаго вмѣсто Бога. Ибо писано есть: *Жряй богамъ потребится, кромѣ того, который жертвуетъ Господу единому.* Понеже, дабы о прочемъ умолчать, служащемъ къ благочестному повиновенію, коимъ почитается Богъ, никто поистиннѣ о жертвѣ не дерзалъ говорить, что она долженствуетъ приносима быть, кромѣ единаго Бога. Много подлинно отъ почтенія Божія пренесено къ почитанію людей или изъ уничиженія, или изъ пагубнаго ласкательства. При всемъ томъ почитаемые такимъ образомъ поставляются людьми. Но кто жертву приносить дерзнулъ, кромѣ того, котораго или неложно почиталъ Богомъ, или думалъ, или вымыслилъ? Сколь же древній есть обрядъ жертвоприношеній Богу, оное показываютъ два брата, Каинъ и Авель, изъ коихъ старшаго жертва Богу была неугодна, но жертву же меньшаго Богъ призрѣлъ.

Глава пятая.

О жертвахъ, коихъ Богъ не хощетъ, но ради означенія тѣхъ, коихъ хощетъ, не отрѣцаетъ.

Кто бы столь былъ несмысленъ, дабы подумалъ, что приносимое въ жертвахъ было необходимо потребно? О семъ когда Священное Писаніе на многихъ мѣстахъ свидѣтельствуетъ, то мы, оставя продолжать доказывать оное, упомянемъ оное изъ Псалма: *Рѣхъ Господеви: Богъ мой еси ты, яко благихъ моихъ не требуеши.* И такъ не только скота, или другой какой либо вещи земной и тлѣнной, но и самой правды человѣческой Богъ не требуетъ, и все то, что есть что Богъ почитаемъ бываетъ, человѣку дѣлаетъ пользу, а не Богу; ибо не можетъ человѣкъ сказать, что онъ сдѣлалъ источнику пользу тѣмъ, что изъ него пилъ; или свѣту, когда видѣлъ. И что древніе отцы жертвы, состоящія изъ скотовъ, приносили, кои нынѣ людіе Божіи видятъ, но не исполняютъ, о томъ не иное что думать должно, какъ только что оныя вещи означали то, что мы дѣлаемъ, чтобъ то есть прилѣплялись мы къ Богу и любили ближняго. И такъ видимая жертва невидимыя была священнымъ знакомъ. Откуда оный кающійся у Пророка, или самъ Пророкъ, ища милосердія у Бога въ грѣхахъ своихъ, *Аще бы*, говоритъ, *посхотѣлъ*

тѣлъ еси жертвы, далъ быхъ убо: но всесожженія не благоволиши. Жертва Богу духъ сокрушенъ, сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ. Не видимъ ли, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ сказалъ, не хощетъ Богъ жертвы, тамъ же показываетъ, что хощетъ жертвы? И такъ не хощетъ Богъ жертвы закланнаго скота, но хощетъ жертвы сокрушеннаго сердца. Почему нехотѣніе Его означаетъ хотѣніе другаго. И такъ чего Пророкъ Бога нехотящимъ описываетъ, того требующимъ безумные признаваютъ къ Его удовольствію. Того ради въ другомъ Псалмѣ говоритъ Богъ: *Аще взалчу, не реку тебѣ: моя бо есть вселенная и исполненія ея. Еда ямъ мяса юнча, или кровь козловъ пію?* Какъ бы такъ сказалъ: ежели бы мнѣ что было потребно, то не потребовалъ бы я онаго отъ тебя, которое у меня состоитъ во власти. Потомъ прилагая, что оныя жертвы означаютъ, *Пожри*, говоритъ, *Богови жертву хвалы, и воздаждь Вышнему молитвы твоя. Призови мя въ день скорби твоея, и измутя, и прославиши мя.* Также у другаго Пророка: *Въ чемъ*, говоритъ, *постигну Господа? Срящу Бога моего Вышняго? Срящу ли Его со всесожженіемъ тельцы единолѣтными? Еда пріиметъ Господь въ тысящи агнцевъ, или въ десяти тысящахъ козловъ тучныхъ? Дамъ ли первородная моя за нечестіе мое, плодъ чрева моего за грѣхъ души*

 моея?

моея? Возвѣстися во тебѣ, о человѣче! что добро, или чесого Господь ищетъ отъ тебе, развѣ творитъ судъ, и любитъ милость, и готову бытъ, воеже ходити съ Господемъ Богомъ твоимъ. Въ словахъ сего Пророка обое различено и довольно ясно открыто, что оныхъ жертвъ Богъ не требуетъ, коими означаются жертвы, коихъ требуетъ. Въ посланіи къ Евреемъ, *Благотворенія*, говоритъ Павелъ, *и общенія не забывайте: таковыми во жертвами благоугождается Богъ.* И чрезъ оное, *Милости хощу, а не жертвы*, ничего инаго не разумѣется, какъ только что одну жертву другой предпочитать должно; понеже называемая отъ людей жертва знакомъ есть истинной жертвы. Милость есть истинная жертва, почему и сказано то, о чемъ я прежде упомянулъ: *Таковыми во жертвами благоугождается Богъ.* И такъ все, что въ служеніи Скиніи, или храма, о многоразлично совершаемыхъ жертвахъ, отъ Бога повелѣнныхъ, пишется, относится къ любви Божіей и ближняго, въ оныхъ означаемой. *Въ сихъ во двухъ заповѣдяхъ*, какъ пишется, *весь законъ и пророцы висятъ.*

Глава шестая.

О истинной и совершенной жертвѣ.

И потому истинною жертвою есть всякое дѣло, дѣлаемое съ тѣмъ, дабы святымъ обществомъ присоединиться Богу, относи-

мое то есть къ оному концу добра, коимъ мы можемъ быть прямо блаженными, откуда и самое милосердіе, коимъ человѣку помоществуемъ, ежели не для Бога бываетъ, не есть жертвою. Ибо хотя жертва отъ человѣка приносима бываетъ, однако она вещію есть Божественною, такъ что и древніе Римляне симъ словомъ оную нарекли. Чего для и самъ человѣкъ, посвятившій себя имени Божію, поколику умеръ міру, дабы жить Богу, есть жертвою; ибо и сіе къ милости надлежитъ, которую каждый себѣ самому дѣлаетъ. Того ради и написано: *Помилуй душу твою, благоугождая Богу.* И тѣло самое наше, когда воздержаніемъ обуздываемъ, только ежели оное дѣлаемъ для Бога, дабы *не предстапитъ удопъ нашихъ оружіемъ непрапдѣ и грѣху, но оружіемъ прапды Богу*, жертвою есть. Къ чему увѣщавая насъ Апостолъ, говоритъ: *Молю убо пы братіе щедротами Божіими, да предстапите тѣлеса паша жертпу жипу, спяту, благоугодну Богу, слопесное служеніе паше.* И такъ ежели тѣло, коего какъ раба, или какъ орудія употребляетъ душа, когда правильное онаго употребленіе относится къ Богу, жертвою есть: то колъми паче самая душа, когда себя относитъ къ Богу, дабы, огнемъ любви Божіей воспламенена будучи, образъ вожделѣній вѣка сего премѣнить могла, и повинуясь Богу, какъ неизмѣнному образу, преобразиться,

 и

и тѣмъ, что отъ Его красоты воспріяла, бываетъ жертвою. Что и Апостолъ послѣдственно прилагая: *И не сообразуйтеся*, говоритъ, *вѣку сему, но преобразуйтеся обновленіемъ ума вашего, воеже искушати вамъ, что есть воля Божія, благая, угодная и совершенная.* И такъ когда истинною жертвою суть дѣла милосердія какъ къ намъ самимъ, такъ и къ ближнимъ, относящіяся къ Богу; дѣла же милосердія дѣлаемы бываютъ не для инаго чего, какъ чтобъ избавиться бѣдности и чрезъ то быть блаженными, что однако не получается, развѣ отъ того добра, о коемъ сказано, *мнѣ же прилѣплятися Богови благо есть:* слѣдовательно цѣлый искупленный градъ, то есть общество и собраніе святыхъ, большею есть жертвою, приносимою Богу Первосвященникомъ великимъ, который самаго Себя принесъ въ страданіи общественною жертвою за насъ, дабы намъ быть тѣломъ толикой главы. И такъ когда насъ Апостолъ увѣщаваетъ, чтобъ мы *представляли тѣлеса наша жертву живу, святу, благоугодну Богу, словесное служеніе наше, и не сообразовались вѣку сему, но преобразовались обновленіемъ ума нашего, воеже искушати намъ, что есть воля Божія, благая и угодная и совершенная*, поставляетъ и насъ самихъ жертвою. *Глаголю бо вамъ*, говоритъ, *по благодати Божіей данной мнѣ, всѣмъ сущимъ въ васъ, не мудрствовати паче, неже подобаетъ*

ваетъ мудрствовати, но мудрствовати къ цѣломудрію, якоже комуждо раздѣлилъ Богъ вѣры мѣру. Якоже бо во единомъ тѣлѣ многи имамы уды, всѣ же уды не тожде имутъ дѣланіе: тако мнози едино тѣло есмы во Христѣ, кійждо же насъ единъ другаго уды, имуще дары различны по благодати даннѣй намъ. Сія есть жертва Христіянская!

Глава седьмая.

Святые Ангели такую къ намъ имѣютъ любовь, что желаютъ, дабы мы не ихъ, но истиннаго Бога почитали.

Достойно оные въ небесныхъ обителяхъ сущіе, безсмертные и блаженные, кои причастіемъ Божіей вѣчности крѣпки, истинны, нелжны даровъ, святи; поелику насъ смертныхъ и бѣдныхъ, дабы мы были безсмертными и блаженными, любятъ, то не хотятъ, дабы мы имъ жертвы приносили, но Тому, которому мы жертвою быть должны. Ибо мы съ ними одинъ градъ составляемъ Божій, о коемъ пишется во Псалмѣ: *Преславная глаголашася о тебѣ, граде Божій*, коего часть въ насъ странствуетъ, часть въ нихъ помоществуетъ. Изъ онаго бо горняго града, въ коемъ умнымъ и неизмѣннымъ закономъ есть воля Божія; изъ онаго горняго Сената (ибо мы тамъ не въ забвеніи) частію Священное Писаніе чрезъ Ангеловъ намъ дано,

но, въ коемъ пишется: *Жряй богомъ потребится, кромѣ жрущаго Господу единому.* Сіе писаніе, сей законъ, сіи заповѣди толикими засвидѣтельствованы чудесами, что довольно видно, кому оные безсмертные и блаженные жертву приносить повелѣваютъ.

Глава осьмая.

О чудесахъ, которыя Богъ самъ, а иногда чрезъ Ангеловъ своихъ къ подкрѣпленію вѣры святыхъ мужей и имъ данныхъ обѣщаній содѣлалъ.

Ибо ежели о самомъ древнѣйшемъ воспомянуть, то покажется инымъ, что я безмѣрно древнее предлагаю: какія чудеса содѣланы въ засвидѣтельствованіе своихъ обѣщаній Богомъ, коими болѣе, нежели за тысячу лѣтъ предвозвѣстилъ Аврааму, что о сѣмени его благословеніе получатъ всѣ языки. Ибо кто не удивится, что безплодная жена Аврааму родила сына въ такое время старости, въ которое ни зачать, ни родить было ей не можно? Также когда Аврааму о погибели Содомлянъ предсказано, и что при наступленіи оной погибели Ангелы Лота, племянника Авраамова, извели изъ Содома, коего жена, на пути озрѣвшаяся, и въ столпъ сланый превратившаяся, великое подаетъ наставленіе, что никто на пути спасенія прежняго желать не долженъ. А оное колико есть, которое чрезъ Моисея

ради

ради освобожденія Божія народа отъ ига работы въ Египтѣ чудесно было содѣлано, гдѣ волхвы Фараоновы, то есть Египетскаго Царя, который народъ оный притѣснялъ, попущеніемъ Божіимъ дѣлали нѣкоторыя удивленія, дабы чуднѣе имъ побѣжденнымъ быть; ибо они дѣлали волшебствомъ и обаянничествомъ, въ коихъ злые ангелы, то есть демоны, упражняются. Моисей же тѣмъ сильнѣе, чѣмъ неложнѣе именемъ Господнимъ чудеса дѣлалъ, ихъ побѣдилъ. Потомъ на третіемъ чудѣ когда изнемогли волхвы, тогда Моисей не безъ великаго строенія таинственнаго десять чудесъ дополнилъ, которыми Фараоново и Египтянъ жесткія сердца устрашены будучи, народъ Божій отпустили. Но вскорѣ раскаявшись, когда силились Евреевъ догнать, тогда Евреи по раздѣлившемуся морю по суху перешли, а Египтяне отвсюду паки совокупившимися водами покрыты. Что скажу о тѣхъ чудесахъ, которыя при веденіи народа по пустыни были часто дѣлаемы? Воды, коихъ пить было не можно, положеніемъ въ оныя по Божію повелѣнію древа стали сладкими и жаждущій народъ прохладили. Манна алчущимъ людямъ ниспослана съ небесъ, которая, ежели кто ее выше надлежащей мѣры собиралъ, то растлѣвалась и кипѣла червями; прежде же дня субботняго тажъ самая манна собрана будучи на два дни, ибо въ субботу собирать было не позволено,

ни

ни растлѣвалась, ни согнивала. Когда народъ восхотѣлъ мясъ, и казалось, что его никакими стадами животныхъ насытить было не можно, тогда станъ оныхъ людей покрытъ былъ перепелками, и такимъ образомъ алчность ихъ желанія угашена сытостію до отвращенія. Когда народы, чрезъ которые надлежало Евреемъ пройти, ходъ имъ возбраняли и защищали оной оружіемъ, тогда Моисей одною молитвою и простертіемъ своихъ рукъ на подобіе креста безъ всякаго изъ своего народа убытка побѣдилъ возмутителей Евреевъ, своего народа, раздѣляющихъ себя отъ учрежденнаго Богомъ общества, для показанія невидимой имъ уготованной казни, земля разсѣдшись пожрала живыхъ. Жезломъ пораженный камень для толикаго множества народа довольный и обильный произвелъ источникъ воды. Угрызѣнія смертоносныя зміевъ, насланныя въ праведное наказаніе грѣшниковъ, зміемъ мѣдянымъ, возвышеннымъ на древѣ, чрезъ возарѣніе на онаго исцѣляемы были, дабы и народу уязвленному чрезъ то подать помощь, и чрезъ смерть смертію разрушенную предзнаменовать какъ распятіе смерти. Сего змія, въ память толикаго чуда сохраненнаго, когда послѣ того заблуждающій народъ какъ идола онаго почитать началъ, Езекія Царь, благоугождающій Богу, съ великою благочестію похвалою сокрушилъ.

Глава

Глава девятая.

О чудесахъ, которыя служеніемъ святыхъ Ангеловъ Богъ истинный дѣлаетъ.

Притомъ всѣ чудеса, которыя или чрезъ Ангеловъ, или другимъ какимъ образомъ дѣлаемы бываютъ, ежели оныя служатъ къ одобренію почитанія Божія, въ коемъ единственно есть жизнь блаженная, то конечно вѣрить должно, что оныя Богъ творитъ чрезъ тѣхъ, кои насъ за истинну и благочестіе любятъ. Ибо не надлежитъ тѣхъ слушать, которые утверждаютъ, что Богъ невидимый видимыхъ чудесъ не дѣлаетъ, когда и по ихъ признанію сотворилъ міръ, котораго не могутъ не признать видимымъ. И такъ что ни бываетъ въ мірѣ чудное, оное конечно меньше есть, нежели весь сей міръ, то есть небо и земля и все въ нихъ находящееся, которое Богъ сотворилъ; и какъ тотъ, который сотворилъ, невидимъ, такъ и способъ, которымъ сотворилъ, сокровенъ отъ насъ и намъ непостиженъ. И такъ хотя чудеса видимыхъ природъ, по причинѣ той, что мы всегда ихъ видимъ, и кажутся намъ нечудными, однако когда съ благоразуміемъ на оныя взираемъ, то оныя необыкновенныхъ и рѣдкихъ большими представляются; ибо и все чудное, дѣлаемое человѣкомъ, ничто предъ тѣмъ, сколь чуденъ самъ человѣкъ. Чего для Богъ, создавшій небо и землю видимыя, творитъ види-

видимыя чудеса на небеси и на земли, коими къ почитанію себя невидимаго возбуждаетъ душу, прилѣпившуюся къ видимымъ. Гдѣ же и когда дѣлаетъ, оное состоитъ въ неизмѣнномъ Его совѣтѣ, въ устроеніи коего уже времена будущія суть настоящими; ибо временная движа, самъ временно не движится; и не инако знаетъ то, что сотворить имѣетъ, какъ уже сотворенное; и не инако молящихся слышитъ, какъ предвидѣлъ имѣющихъ молиться. Ибо когда слушаютъ и Ангелы Его, то Онъ слушаетъ самъ въ нихъ, какъ въ истинномъ и нерукотворенномъ храмѣ своемъ, какъ и во всѣхъ святыхъ Его совершаемое во времени повелѣніе вѣчнымъ Его закономъ предуставлено.

Глава десятая.

О невидимомъ Богѣ, который видимымъ себя являлъ не по естеству своему, но сколько видѣть могли люди.

Не должножъ то невѣроятнымъ почитать, когда пишется, что Богъ видимымъ образомъ являлся праотцамъ (1). Ибо какъ голосъ, отъ котораго слышимо бываетъ слово, въ тишинѣ разумѣнія состоящее, не есть тожъ самое съ нимъ: такъ и видъ, коимъ видѣнъ былъ Богъ, невидимый естествомъ, не былъ тожъ, что Онъ самъ. Однако Онъ въ томъ же тѣлесномъ видѣ являлся, какъ

оное

еное слово въ звукѣ слышимаго гласа. Ибо они и сами не невѣдали, что невидимаго Бога, развѣ въ тѣлесномъ видѣ, видѣть не можно. Ибо говорилъ съ нимъ Моисей, и притомъ сказалъ: *Аще обрѣтохъ благодать*(2) *предъ тобою, яви мнѣ себя самаго, яко да разумно вижду тя.* И какъ надлежало дать законъ съ страшнымъ видомъ не одному человѣку, или не многимъ премудрымъ, но всему роду и безчисленному народу, то великія дѣла содѣланы при зрѣніи всѣхъ на горѣ, гдѣ законъ вручаемъ былъ чрезъ одного при зрѣніи, народомъ всемъ, страшнаго и ужаснаго тамъ бывающаго. Ибо Израильскій народъ не такъ повѣрилъ Моисею, какъ Лакедемоняне своему Ликургу (3), что онъ предписанный имъ законъ принялъ отъ Юпитера, или Аполлина. Ибо когда вручаемъ былъ законъ народу, коимъ повелѣвается почитать Бога, то при зрѣніи всего народа засвидѣтельствовано оное знаменіями и чудесами, сколько промыслу Божію было угодно, дабы по данному закону тварь благоугождала Творцу.

Глава первая надесять.

О томъ, что единаго Бога почитать должно не только ради благъ вѣчныхъ, но и ради временныхъ благодѣяній; что все по власти состоитъ Его промысла.

И какъ одного человѣка, такъ всего человѣческаго рода, что касается до Божія

народа, прямое наставленіе чрезъ нѣкоторыя части временъ какъ бы вѣки степеньми умножалось, дабы отъ временныхъ къ вѣчнымъ, отъ видимыхъ къ невидимымъ люди возбуждались, такъ что и тогда, когда временныя и видимыя обѣщаны были благія отъ Бога, повелѣваемо было и внушаемо, дабы люди единаго Бога почитали; чтобъ разумъ человѣческій и за временныя и скоропреходящія благодѣянія въ житіи не почиталъ себя никому обязаннымъ, кромѣ Создателя и Господа души. Ибо кто не признаваетъ, что всякое добро, дѣлаемое Ангелами человѣку, или другими людьми, состоитъ во всемогущей Бога единаго власти, тотъ есть безуменъ. Промыслъ, правда, Плотинъ Платоническій философъ признаваетъ и доказываетъ, что оный простирается до земныхъ и долнихъ цвѣтовъ и листовъ, и говоритъ, что сіе презрѣнное и скоро погибающее твореніе пристойныхъ видовъ своихъ не моглобъ имѣть, ежели бы умный и неизмѣняемый образъ не даровалъ имъ того. Сіе Господь Іисусъ тамъ показываетъ, гдѣ говоритъ: *Воззрите на крины сельныя, како растутъ, ни труждаются, ни прядутъ. Глаголю же вамъ, яко ни Соломонъ во всей своей славѣ облечеся тако, яко единъ отъ сихъ. Аще убо сѣно сельное днесь сущее, и утрѣ въ пещь вмѣщаемое, Богъ тако одѣваетъ, кольми паче васъ маловѣри.* И такъ благоразумно человѣческая душа, изнемогающая еще

жела-

желаніями земными, временно ею желаемаго долняго и земнаго, для скоропреходящей сей жизни нужнаго, которое противъ вѣчныхъ благъ ничто, отъ единаго Бога ожидаетъ, дабы и въ желаніи сего отъ почитанія Божія не удалиться и не отступить, коего пренебреженіемъ того желаемаго и отвращеніемъ достигаетъ.

Глава втораянадесять.

Въ томъ, чѣмъ заслужить можно блаженную жизнь, тѣмъ ли духамъ вѣрить должно, которые себѣ требуютъ Божеской чести, или тѣмъ, которые не себѣ, но единому Богу благоугождать попелѣпаютъ.

И такъ о блаженной и вѣчной жизни кому мы будемъ вѣрить: тѣмъ ли, которые требуютъ, дабы благочестное почитаніе воздаваемо имъ, дабы жертвы и священнослуженія были имъ отправляемы; или тѣмъ, которые говорятъ, что таковое почитаніе принадлежитъ единому Богу, всѣхъ Творцу, и повелѣваютъ воздавать оное съ истиннымъ благоговѣніемъ тому, лицезрѣніемъ котораго и сами они блаженны, и намъ обѣщаютъ чрезъ тоже быть блаженными? Ибо лицезрѣніе оное толикой есть красоты и толикаго любленія достойно, что Плотинъ не сомнѣвается нещастнымъ того называть, который всѣми другими благими изобилуетъ, кромѣ сего. И такъ когда нѣкоторые духи

къ почитанію единаго Бога, другіе къ почитанію себя Божескою честію чудными знаменіями возбуждаютъ, и сіе дѣлаютъ такъ, что оныя сихъ запрещаютъ почитать, сіи же Бога почитать возбранять не дерзаютъ: то которымъ наипаче духамъ вѣрить должно? Пускай отвѣтствуютъ Платоническіе, пускай отвѣтствуютъ другіе какіе либо философы, или обаянники. Ибо сего наименованія всѣ оныя искусства достойны. Наконецъ пускай отвѣчаютъ люди, ежели они природнаго своего чувства, когда сотворены разумными, не потеряли; пускай, говорю, отвѣчаютъ, тѣмъ ли наипаче богамъ, или духамъ жертву приносить надлежитъ, которые себѣ жертвы требуютъ, или тому одному, которому благіе духи повелѣваютъ и симъ запрещаютъ? Ежели бы ни тѣ духи, ни другіе никакихъ чудесъ не дѣлали, но только бы повелѣвали, одни, чтобъ люди имъ жертвы приносили, а другіебъ запрещали оное, но повелѣвалибъ приносить единому Богу, и тогда надлежало бы самому благоговѣнію различить гордость отъ благочестія. И болѣе еще скажу: естьли бы только сіи (злые) чудными дѣлами возбуждали души человѣческія, которыя жертвъ себѣ требуютъ; а оные, которые то запрещаютъ и одному Богу жертву приносить повелѣваютъ, никакихъ видимыхъ чудесъ не дѣлали, и тогда не чувствомъ тѣлеснымъ, но разумомъ предпочесть бы

над-

надлежало ихъ совѣтъ. Когда же Богъ то дѣлалъ къ одобренію глаголовъ своея истинны, что чрезъ сихъ безсмертныхъ посланниковъ, ищущихъ не своего тщеславія, но проповѣдающихъ величество Его, болѣе сотворилъ чудесъ неложныхъ и явственнѣйшихъ, дабы немощнымъ тѣ, кои себѣ требуютъ жертвъ, ложнаго богопочитанія не внушили, поелику чувствамъ ихъ удивленія показываютъ нѣкоторыя: то кому столько угодно безумствовать, дабы не избрать истиннаго, которому бы послѣдовать, гдѣ болѣе притомъ находитъ и чуднаго? Ибо оныя чудеса боговъ языческихъ, которыя описываетъ исторія; я не о тѣхъ говорю, которыя въ теченіи временъ по сокровеннымъ міра причинамъ, устроеннымъ отъ Божія промысла, случаются, какъ-то необычайные роды животныхъ, и неба и земли инаковый видъ устрашающій, или и вредъ причиняющій, которое все, сказываютъ, можно служеніемъ демонамъ и ихъ искусствомъ ложнымъ премѣнить, такъ какъ будто все оное отъ нихъ и дѣлается; но о тѣхъ говорю, о коихъ извѣстно, что силою ихъ бываютъ, какъ-то на примѣръ ваянія домашнихъ боговъ, привезенныхъ Енеемъ изъ Трои, переходили съ одного мѣста на другое; что Тарквиній бритвою оселокъ перерѣзалъ (1); что Эпидаврскій змій (2) Эскулапію, везенному въ Римъ, товарищемъ пристaвши былъ въ пути; что корабль, на

 ко-

которомъ везено ваяніе матери Фригійской (3), обмѣлѣвшій, котораго великія тысячи людей и множество воловъ двигнуть не могли, одна жена въ доказательство своего цѣломудрія поясомъ оцѣпивъ совлекла; что Весталка (4), которую подозрѣвали въ любодѣяніи, въ оправданіе себѣ, почерпнувъ рѣшетомъ воды изъ Тибра, несла до нѣкотораго мѣста, которая не вытекла; сіи и симъ подобныя никакъ съ тѣми сравнить не можно, которыя дѣлаемы были въ народѣ Божіемъ какъ въ разсужденіи силы, такъ и великости; а еще менѣе того съ тѣми, которыя тѣхъ же народовъ, кои боговъ таковыхъ почитали, по законамъ подлежатъ запрещенію, или казни, каковыми чудесами суть волшебныя дѣла, изъ коихъ множайшія привидѣнныя и мечтательныя (5), какъ-то луну съ неба совлечь (6), покуда, какъ говоритъ Луканъ, приближась къ землѣ, растечется по травѣ, находящейся подъ нею. А нѣкоторыя хотя дѣламъ благочестивыхъ людей и подобятся, но въ разсужденіи конца различаются, и открываются, что наши несравненно превосходнѣе; ибо оныя клонятся къ тому, дабы жертвоприношеніями почитаемы были многіе, которые тѣмъ оныхъ недостойнѣе, чѣмъ болѣе ихъ требуютъ; сіи же ведутъ къ единому Богу, который таковыхъ жертвъ не требуетъ, какъ и Священнымъ Писаніемъ и отмѣненіемъ оныхъ засвидѣтель-

тельствовалъ. И такъ которые духи требуютъ себѣ жертвоприношенiй, тѣхъ можно ли предпочесть онымъ, кои не себѣ, но Богу, Творцу всѣхъ, коему служатъ, требуютъ? Симъ они показываютъ, сколь искренно насъ любятъ, когда насъ жертвоприношенiемъ не себѣ поработить хотятъ, но тому, коего лицезрѣнiемъ и сами они блаженны, и желаютъ, дабы къ тому мы достигли, отъ котораго они сами не отступили. Ежели же Ангели, которые не одному, но многимъ жертвамъ приносимымъ быть хотятъ, то конечно тѣмъ богамъ хотятъ, коихъ они суть Ангели: то и тогда тѣхъ симъ предпочесть должно, которые единаго Бога боговъ Ангелами суть, которому жертвы приносить такъ повелѣваютъ, что другому всякому запрещаютъ; а напротивъ ни одинъ изъ нихъ единому жертвовать не возбраняетъ, коему сiи всѣ жертвовать повелѣваютъ, а повелѣваютъ тому, котораго мы сами жертвою быть долженствуемъ.

Глава третiянадесять.

О копчегѣ Завѣта, чудесахъ и знаменiяхъ, которыя къ одобренiю закона и обѣщанiй Богъ содѣлалъ.

Законъ, въ которомъ благочестнымъ служенiемъ повелѣно почитать одного Бога, съ запрещенiемъ дѣлать оное другимъ богамъ,

 поло-

положенъ былъ въ ковчегѣ, который назывался ковчегомъ Свидѣнія. Симъ именемъ довольно означается, что не Богъ, который чрезъ все то почитаемъ былъ, тамъ заключается, или объемлется мѣстомъ, когда отвѣты Божескіе и нѣкоторыя знаменія даваемы были изъ онаго ковчега, но воли Его подавалось свидѣтельство, поелику и самой законъ былъ на дщицахъ каменныхъ написанъ, и въ ономъ ковчегѣ, какъ я сказалъ, положенъ, который во время странствованія въ пустынѣ съ Скиніею, которая также называлась Скиніею Свидѣнія, съ должнымъ священники носили почтеніемъ. И знаменіе было таково, что днемъ свѣтлый облакъ являлся, нощіюже какъ огнь сіялъ. И когда шелъ облакъ, тогда Евреи въ походъ отправлялись, и тамъ поставлялись паки кущи, гдѣ облакъ остановлялся. Даны же оному закону великаго чуда свидѣтельства, кромѣ того, что я говорилъ, и кромѣ гласа, который происходилъ изъ ковчега. Ибо когда при вхожденіи Евреевъ въ землю обѣтованную шелъ купно и ковчегъ, тогда рѣка Іорданъ остановилась и народу по суху чрезъ себя дала путь. Потомъ города, которой первый имъ былъ изъ городовъ непріятельскихъ, въ которомъ по обыкновенію языческому почитаемы были многіе боги, седьмократнымъ обнесеніемъ онаго ковчега вокругъ города, стѣны внезапно пали безъ руки человѣческой и безъ стѣнобитныхъ машинъ.

шинЪ. НаконецЪ когда уже Евреи были вЪ землѣ обѣтованной, и тотЪ же самой ковчегЪ по грѣхамЪ ЕвреевЪ плѣненЪ непріятелями, тогда плѣнившіе его сЪ честію поставили вЪ храмѣ бога своего, котораго болѣе всѣхЪ почитали, и вышедЪ изЪ онаго, заперли двери; но какЪ на другой день отворили оный храмЪ, то увидѣли идола своего, которому покланялись, падша и сокрушенна. НапослѣдокЪ, великія казни чувствуя на себѣ, ковчегЪ Божія Свидѣнія народу, у котораго отняли было, возвратили. Самое же возвращеніе было таково: поставили оной ковчегЪ на колесницу, и впрягли коровЪ, у которыхЪ нарочно отняли на время ссущихЪ дѣтей, и пустили ихЪ куда хотятЪ идутЪ, желая изЪ того познать Божію силу. Но сіи, не имѣя ни вождя, ни правителя, прямо кЪ ЕвреемЪ шли путемЪ, и воплемЪ дѣтей своихЪ возвращены не были, и такимЪ образомЪ великую тайну ЕвреемЪ возвратили. Сіе и подобное для Бога весьма мало есть, но велико вЪ разсужденіи устрашенія и наставленія смертныхЪ. Ибо ежели похваляемЪ философовЪ, особливо ПлатоническихЪ, какЪ я выше упомянулЪ, за то, что они учили, что Божій промыслЪ и сіе все дольнее и земное управляетЪ, доказывая оное безчисленными красотами и лѣпотами, которыя не только вЪ тѣлахЪ животныхЪ, но и вЪ травахЪ видны: то кольми паче свидѣтельствуетЪ то о Божествѣ, что во

время проповѣди о немъ дѣлаемо бываетъ, когда внушается такое благочестіе, которое небеснымъ, земнымъ и преисподнимъ жертвы приносить запрещаетъ, повелѣвая единому Богу оныя совершать, который единъ любитъ насъ и любимъ быть долженъ, и который дѣлаетъ блаженными, и оныхъ жертвъ предуставляя время, и ихъ чрезъ лучшаго Священника въ лучшее премѣнить предвозвѣщая, свидѣтельствуетъ, что не оныхъ желаетъ, но чрезъ нихъ лучшее означаетъ: не чтобъ сими честьми возвыситься, но чтобъ мы къ почитанію Его и соединенію съ Нимъ воспламенившись, огнемъ Его любви возбудились, что самое не Ему, но намъ составляетъ добро.

Глава четвертаянадесять.

Противъ тѣхъ, которые говорятъ, что въ чудесахъ, бывшихъ у Божія народа, священнымъ книгамъ вѣрить не должно.

Не уже ли скажетъ кто либо, что сіи чудеса ложны и не были никогда дѣланы, но ложно написаны? Кто сіе говоритъ, то есть, ежели о таковыхъ дѣлахъ не хочетъ никакимъ писаніямъ вѣрить, тотъ можетъ сказать, что боги никакого о смертныхъ попеченія не имѣютъ. Ибо они не инаково убѣдили себя почитать, какъ только чудесными дѣлами, о чемъ и въ исторіяхъ язычниковъ пишется, что боги ихъ болѣе явили

себя

себя чудными, нежели показали полезными. Почему мы симъ нашимъ сочиненіемъ, котораго уже десятую пишемъ книгу, не тѣхъ предприняли опровергать, которые всякую боговъ силу отвергаютъ, или спорятъ, что боги о смертныхъ не пекутся; но тѣхъ, которые Богу нашему, Создателю святаго и преславнаго града, боговъ своихъ предпочитаютъ, не вѣдая того, что Онъ и міра сего видимаго и измѣняемаго невидимымъ и неизмѣняемымъ есть Творцемъ, и жизни блаженной не отъ созданныхъ Имъ, но отъ самаго себя истиннымъ Подателемъ. Ибо Его Пророкъ не ложно говоритъ: *Мнѣ же прилѣплятися Богови благо есть.* Понеже философы о концѣ добра стязуются и его ищутъ, къ которому бы относить свои дѣла. Не сказалъ онъ: мнѣ же обиловать богатствомъ благо есть, или облачаться въ порфиру и имѣть скипетръ, или вѣнецъ Царскій; или, какъ нѣкоторые философы не стыдилися говорить, мнѣ удовольствіе тѣлесное благо есть; или, какъ изряднѣйшіе лучше говорили, мнѣ добродѣтель душевная благо есть: но мнѣ, сказываетъ, *прилѣплятися Богови благо есть.* Сему его научилъ тотъ, которому единственно жертву приносить и святые Ангели повелѣвали. Чего для самъ Давидъ жертвою того стался, котораго мысленнымъ огнемъ пламенѣлъ и къ Его неизреченному и безтѣлесному объятію святымъ желаніемъ стремился. Притомъ

томъ ежели почитатели многихъ боговъ, каковыбъ они ни были, вѣрятъ, что они дѣлали удивительныя дѣла, какъ историческія, или волшебныя книги свидѣтельствуютъ: то какаябъ была причина, что они не хотятъ вѣрить писанію, въ которомъ пишется, что таковыя чудеса подлинно содѣланы, которыя тѣмъ достовѣрнѣе, чѣмъ болѣе всѣхъ тотъ, которому единственно жертвовать повелѣваютъ?

Глава пятаянадесять.

Какая причина есть видимой жертвы, которую единому истинному и невидимому Богу повелѣваетъ приносить истинное благочестіе.

А кто думаетъ, что видимыя жертвы другимъ богамъ приличны, а невидимому невидимыя и большему большія, и лучшему лучшія, каковы-то суть чистая мысль и благая воля: тотъ конечно не знаетъ, что видимыя жертвы таковыми суть знаками невидимыхъ, какъ слова гласныя знаками суть вещей. Почему, какъ моляся и хваля, къ Нему возносимъ знаменательный гласъ, которому вещи самыя въ сердцѣ, которыя означаемъ, предлагаемъ: такъ жертву принося видимую, не иному приносимъ, кромѣ того, котораго въ сердцахъ своихъ невидимою мы сами долженствуемъ быть жертвою. Тогда намъ благопріятствуютъ,

намъ

намъ сорадуются (1) и всѣми силами помо-
ществуютъ Ангели и горнія силы. Ежели бы мы имъ жертвы, или почтеніе Божеское принести восхотѣли, то онаго съ удовольствіемъ не принимаютъ; и когда къ людямъ такъ посылаемы бываютъ, дабы ихъ присутствіе чувствительнымъ было, то тогда и явно возбраняютъ. Находятся тому примѣры въ Священномъ Писаніи (2). Намѣревали нѣкоторые честь отдать Ангеламъ или поклоненіемъ, или жертвоприношеніемъ, приличнымъ Богу, однако Ангели имъ въ томъ возбранили, а повелѣли принести Тому, кому оно должно. Послѣдовали въ томъ Ангеламъ и святые мужи. Ибо когда Павла и Варнаву (3) въ *Ликаоніи* по исцѣленіи чудесномъ больнаго почли Ликаоняне за боговъ и жертвы имъ принести хотѣли, тогда Павелъ и Варнава, запретивъ имъ оное, сказали имъ о Богѣ, въ котораго сами они вѣровали. Но не ради инаго чего либо лукавые оные духи надмѣнно требуютъ себѣ онаго, понеже вѣдаютъ, что то одному Богу должное есть. Ибо несправедливо то, что говоритъ Порфирій и другіе, аки бы они любятъ запахъ мясъ, но что утѣшаются Божескою честію; понеже запаховъ оныхъ вездѣ много, и ежели бы они прямо оныхъ желали, то конечно сами себѣ представить оныя могли бы. И такъ которые духи Божество себѣ присвоютъ, тѣ не дымомъ, но усердіемъ молящагося утѣшаются, надъ ко-

которымъ по прельщеніи владычествуютъ, заграждая ему путь къ истинному Богу, дабы человѣкъ не былъ Его жертвою, когда жертвою стался иному, кромѣ Его.

Глава шестаянадесять.

О высочайшей и истинной жертвѣ, которою стался самъ Бога и человѣковъ Ходатай.

Почему оный истинный Ходатай, поелику, рабій зракъ принявъ, стался Ходатаемъ Бога и человѣковъ, Человѣкъ Христосъ Іисусъ, когда въ образѣ Божіемъ съ Отцемъ жертву пріемлетъ, съ коимъ единымъ есть Богомъ; однако въ образѣ раба благоизволилъ быть наипаче жертвою, нежели пріимать жертву, дабы кто изъ того не подумалъ, что должно жертву приносить и твари нѣкоей. Чрезъ то и Священникомъ Онъ есть самъ приносящимъ и приношеніемъ, которой тайнѣ благоволилъ быть повседневною жертвою въ церквѣ, которая будучи тѣломъ оной главы, научается себя самую чрезъ Него приносить. Сея истинныя жертвы многія и различныя были жертвенныя предзнаменованія древнихъ отцевъ святыхъ, когда сія одна многими была прообразуема, такъ какъ бы многими словами одна рѣчь была изобразуема, дабы безъ огорченія быть ей внушенною. Сей высочайшей и истинной жертвѣ всѣ жертвы ложныя уступили.

Глава

Глава седьмаянадесять.

О образѣ власти, данной демонамъ къ прославленію святыхъ, которые претерпѣли мученія, которые воздушныхъ духовъ, не угождая имъ, но въ Богѣ пребывая, побѣдили.

Въ уреченныя же времена попущенная власть демонамъ, дабы они, возбудивъ обладаемыхъ собою людей, производили вражду и мучители на градъ Божій возставали, и себѣ жертвы не только отъ приносящихъ принимали и отъ нехотящихъ требовали, но и отъ отрицающихся гоненіемъ и насильствомъ исторгали, не только не пагубна, но и полезна церкви, дабы мучениковъ число исполнилось, коихъ градъ Божій тѣмъ имѣетъ знаменитѣе и честнѣе, чѣмъ мужественнѣе они противъ нечестія властей даже до крови подвизались. Сихъ, естьли бы обыкновенію церкви было не противно, пристойнѣе героямибъ мы назвали нашими; ибо сіе имя взято отъ Юноны, которая по Гречески называется Ирою; и потому я не знаю, какой ея сынъ по Греческимъ баснямъ названъ Ироемъ. Сіе-то есть, какъ бы таинственное нѣчто объявляетъ басня, понеже воздухъ Юнонѣ присвояется, въ которомъ по ихъ разсужденію Ирои обитаютъ съ демонами, коихъ именемъ называютъ нѣсколько прославившихся людей души. Но напротивъ мученики наши героями названыбъ были, естьлибъ,

какъ

какЪ я сказалЪ, сіе слово церкви было не противно; не по тому, аки бы они вЪ воздухѢ имѢли общество сЪ демонами, но что тѢхЪ же демоновЪ, то есть воздушныхЪ властей побѢдили, и между оными и самую Юнону, чтобЪ она у язычниковЪ ни значила, которую однако не неприлично вводятЪ стихотворцы ненавидящею добродѢтели, и завидящею мужамЪ сильнымЪ, на небо восходящимЪ. У Виргилія такЪ она говоритЪ: Еней меня побѢждаетЪ. Но тотЪ же Виргилій вводитЪ Гелена какЪ бы изЪ набожности совѢтующимЪ Енею такЪ: ЮнонѢ возшли усердныя молитвы, и сильную владычицу утиши обѢтами и дарами. ИзЪ сего мнѢнія Порфирій, хотя не по своему разсужденію, но другихЪ, говоритЪ, что БогЪ, или духЪ доброй, не приходитЪ кЪ человѢку, ежели злой умилостивленЪ не будетЪ, какЪ будто бы сильнѢе у нихЪ были боги злые, нежели добрые; когда злые могутЪ препятствовать помощи благихЪ, естьли злые оной, не умилостивлены будучи, не дадутЪ мѢста, и безЪ соизволенія злыхЪ добрые помощи подать не вЪ состояніи; злые же вредЪ причинить могутЪ, а добрые отвращать того ни мало не вЪ силахЪ. Не есть сей истиннаго и неложно святаго благочестія путь; не такимЪ образомЪ Юнону, то есть воздушныхЪ властей, добродѢтелямЪ благочестивыхЪ завидящихЪ, наши мученики побѢждаютЪ:

ютъ. Подлинно ирои наши, ежелибы сказать сіе можно было, не обътами, но Божественными добродътелями Иру побъдили. Пристойнъе Сципіонъ Африканскимъ названъ, что мужествомъ Африканцовъ побъдилъ и раззорилъ, нежелибъ тогда Африканскимъ могъ назваться, когдабъ непріятелей своихъ объщаніями и прозьбою умолялъ; чтобъ они его пощадили.

Глава осьмаянадесять.

Откуда святые имъютъ власть надъ демонами, и откуда происходитъ истинное сердца очищеніе.

Истинно благочестивые люди воздушную оную власть, враждующую на благоговъніе, заклинаніемъ изгоняютъ, а не умилостивленіемъ; всъ искушенія и бъдствія преодолъваютъ, моляся не оной, но своему Богу противъ оной; ибо бъси никого не покаряютъ, или порабощаютъ, кромъ того, который чрезъ грѣхи вступитъ съ ними въ сообщество. И такъ побъждаются они именемъ воспріемшаго человъка и безпорочно жизнь препроводившаго, дабы чрезъ онаго Священника и жертву послъдовало отпущеніе гръховъ, то есть чрезъ Ходатая Бога и человъковъ Человъка Христа Іисуса, чрезъ котораго содълавшимся очищеніемъ отъ гръховъ примиряемся Богу: ибо ничто отъ Бога не отлучаетъ людей, кромъ гръховъ,

отъ которыхъ не своею мы очищаемся силою, но милосердіемъ Божіимъ. Понеже всякая добродѣтель, называемая нашею, Его благостію есть дарована. Много бы мы въ семъ тѣлѣ присвоили себѣ, естьли бы не согрѣшали. Того ради чрезъ Ходатая нашего дарована намъ благодать, дабы мы, оскверненные грѣхомъ плоти, подобіемъ плоти грѣха очищалися. Сею Божіею благодатію, коею показалъ на насъ великое свое милосердіе, въ сей жизни вѣрою управляемся, и послѣ сей жизни неизмѣняемою истинною къ полному совершенству достигнемъ.

Глава девятаянадесять.

О единомъ и истинномъ началѣ, которое единственно естество человѣческое очищаетъ и обновляетъ.

Порфирій, зависти наполненнымъ властямъ повинующійся, коихъ онъ и стыдился и свободно обличать страшился, не хотѣлъ выразумѣть, что Господь Іисусъ Христосъ есть начало, воплощеніемъ котораго мы очищаемся. Ибо онъ Его во плоти презрѣлъ, которую Онъ въ жертву освященія нашего принялъ; то есть, не разумѣя великой тайны, при толикой своей гордости, которую своимъ смиреніемъ низложилъ истинный и благій Ходатай, показывая себя смертнымъ въ смертности, коей оные пагубные и лукавые ходатаи не имѣя, надмѣнно

но себя превознесли, и бѣднымъ людямъ ложную помощь такъ какъ безсмертные смертнымъ обѣщали. И такъ благій и истинный Ходатай показалъ, что грѣхъ есть зло, а не плоти существо, или естество, которая съ душею человѣческою могла быть восприята безъ грѣха и носима и совлечена смертію, и воскресеніемъ въ лучшее измѣнена, и что самую смерть, хотя она есть казнію грѣха, которую однако за насъ безъ грѣха претерпѣлъ наипаче за правду, ежели потребуетъ нужда, или случай, сносить, нежели грѣхомъ избавляться оной должно. Ибо потому могъ Онъ разрѣшить грѣхи смертію, понеже Онъ и умеръ и не за свой грѣхъ. Сего Порфирій не позналъ, что Онъ начало, понеже позналъ бы, что Онъ и очищеніе; ибо не плоть началомъ есть, ни душа человѣческая, но Слово, *имъ же вся быша.* И такъ не тѣло само собою очищаетъ, но чрезъ Слово, коимъ оно восприято, когда *Слово плоть бысть и вселися въ ны.* Ибо когда Христосъ говорилъ таинственно, что должно будетъ ясти плоть Его, и когда многіе, не выразумѣвъ того, огорчились и Его оставили, говоря: *жестоко есть слово сіе, кто его можетъ послушати?* тогда оставшимся прочимъ отвѣтствовалъ: *Духъ есть, иже оживляетъ: плоть не пользуетъ ничто же.* И такъ начало восприявъ душу и плоть, очищаетъ вѣрующихъ и душу и плоть; и для того-то Онъ вопрошающимъ Іудеямъ

 отвѣт-

отвѣтствовалъ, что Онъ *начатокъ*. Сего мы, немощію плоти обложенные и подверженные грѣхамъ, и невѣденія тьмою покрытые, совсѣмъ понять бы не могли, естьли бы Имъ не очистились и не исцѣлились, и не стали быть тѣмъ, чѣмъ прежде не были; ибо были мы люди, но не были праведны, въ воплощеніи же Его естество было человѣческое, но праведное и безгрѣшное. Сіе есть ходатайство, которымъ подана рука падшимъ и лежащимъ! Сей есть законъ, коимъ и Бога почитать повелѣно и пришествіе Ходатая обѣщано!

Глава двадесятая.

О томъ, что подзаконные всѣ святые и въ прежніе вѣки таинствомъ вѣры оправдались.

Сея тайны вѣрою и древніе праведники, непорочно жизнь препровождая, очищались, не только прежде, нежели законъ Еврейскому народу данъ; ибо сомнѣваться нѣтъ причины, что или Богъ, или Ангели онымъ прежде закона бывшимъ о томъ внушали; но и во время закона, хотя въ образахъ вещей духовныхъ и казались обѣщанія плотскія; почему и называется ветхимъ завѣтомъ. Ибо и Пророки тогда были, чрезъ которыхъ, какъ и чрезъ Ангеловъ, тожъ обѣщаніе проповѣдано, и изъ числа оныхъ былъ тотъ, коего богодухновенныя

слова

слова предлагалъ я выше: *Мнѣ же прилѣплятися Богови благо есть*, въ которомъ Псалмѣ двухъ завѣтовъ, ветхимъ и новымъ называемыхъ, довольно изъяснено различіе. Ибо въ разсужденіи земныхъ обѣщаній когда видѣлъ, что оными обилуютъ нечестивые, объявляетъ, что *въ малѣ не подвижастася нозѣ его, въ малѣ не пролияшася въ паденіе стопы его*, какъ будто бы онъ напрасно Богу служилъ, когда зрѣлъ, что тѣмъ благополучіемъ, коего онъ ожидалъ, презрители его наслаждаются; чего для трудился въ испытаніи того, желая постигнуть, для чего оное такъ бываетъ, покуда вошелъ въ святилище Божіе, и разумѣлъ послѣдняя тѣхъ, кои несправедливо разсуждающему ему казались благополучными. Тогда выразумѣлъ, что они превознесшись низринулись, сокрушились и погибли за нечестія свои, и вся оная пышность временнаго благополучія таковою для нихъ стала, какъ соніе возстающаго, который проснувшись находитъ, что онъ во снѣ видѣнныхъ радостей ложныхъ лишенъ. И поелику на земли сей, или въ земномъ градѣ великими онѣ казались, то, *Господи*, говоритъ, *во градѣ твоемъ образъ ихъ уничижиши* (въ Латинскомъ стоитъ *въ ничто обратиши*). При всемъ томъ что ему было полезно и изъ мірскихъ вещей, то и онаго требовалъ отъ единаго Бога, во власти коего все состоитъ. Довольно то показы-

 ваетъ,

ваетъ, когда говоритъ: *какъ скотъ я стался у тебе, и азъ выну съ тобою.* Какъ скотъ, сказалъ, подлинно неразумѣющій; ибо того отъ Тебя желать мнѣ надлежало, что не есть мнѣ общимъ съ нечестивыми, которымъ когда увидѣлъ я обилующими тѣхъ, которые благоугождать Тебѣ не хотятъ, подумалъ, что я напрасно Тебѣ служу. Однако *я выну съ тобою*, и не искалъ и въ таковомъ вещей желаніи боговъ иныхъ. И продолжаетъ далѣе: *Удержалъ еси руку десную мою, и совѣтомъ твоимъ наставилъ мя еси, и со славою пріялъ мя еси.* Какъ будто къ шуйцѣ все оное принадлежало, коимъ увидя нечестивыхъ обилующими, мало не палъ. *Что бо ми есть,* говоритъ, *на небеси, и отъ тебе что восхотѣхъ на земли?* Охуждаетъ самъ себя, и самъ себѣ стался неугоднымъ; понеже имѣя великое добро на небеси, вещи скоропреходящей, тлѣннаго и бреннаго благополучія пожелалъ на земли. *Изнеможе*, говоритъ, *сердце мое и плоть моя, Боже сердца моего.* Изнеможеніемъ лучшимъ, отъ дольнихъ то есть къ горнимъ. Чего ради въ другомъ Псалмѣ пишется: *Желаетъ и скончавается душа моя во дворы Господни.* И въ иномъ: *Изчезаетъ во спасеніе твое душа моя.* Но когда о обоемъ сказалъ, то есть о сердцѣ и плоти изчезающей и изнемогающей, не приложилъ: Боже сердца моего и плоти моея, но *Боже сердца моего.* Чрезъ сердце

бо очищается плоть. Почему Господь говоритъ: *Очистите внутреннее, то и внѣшнее будетъ вамъ чисто.* Частію же своею называетъ Бога, не часть отъ Него, но самаго Бога. *Боже*, говоритъ, *сердца моего, и часть моя Боже во вѣкъ.* То есть, что изъ всего того, что люди избираютъ, онъ Его избралъ. *Се*, говоритъ, *вси удаляющіи себе отъ тебе погибнутъ: погубилъ еси всякаго любодѣющаго отъ тебе*; то есть, который многимъ богамъ прилѣпляется. Откуда слѣдуетъ и оное, для чего я за благо разсудилъ и прочее изъ тогожъ Псалма предложить: *Мнѣ же прилѣплятися Богови благо есть.* То есть не далеко ходить, не по многимъ любодѣйствовать. Присоединеніе же Богу совершенное тогда будетъ, когда все, что свобождено быть должно, свободится. Нынѣ же бываетъ и продолжается то, что слѣдуетъ: *Полагати на Бога упованіе мое. Видимое во упованіе нѣсть упованіе: еже бо кто видитъ, что и уповаетъ?* Говоритъ Апостолъ: *Аще же его же не видимъ, надѣемся, терпѣніемъ ждемъ.* Въ семъ упованіи нынѣ находясь, тожъ должны дѣлать, что далѣе слѣдуетъ: *И да будемъ и мы по мѣрѣ нашей Ангелами Божіими, то есть вѣстниками возвѣщающими волю его, и славу и благодать восхваляющими.* Чего для когда сказалъ: *полагати на Бога упованіе мое,* приложилъ: *яко да возвѣщу вся хвалы твоя во вра-*

 тѣхъ

тѣхъ дщере Сіони. Сей есть преславный градъ Божій, сей единаго Бога знаетъ и почитаетъ, сей Ангели Божіи предвозвѣстили, которые насъ въ общество его пригласили, и согражданами намъ быть въ ономъ желаютъ, которые не хотятъ, дабы мы ихъ почитали какъ отборныхъ боговъ нашихъ, но съ ними и ихъ и нашего Бога; и дабы мы не имъ жертву приносили, но съ ними бы жертвою были Богу. И такъ, отложивъ пагубное упорство, всякъ, разсуждая сіе, скажетъ, что всѣ безсмертные и блаженные, кои намъ не завидятъ (ибо ежели бы завидѣли, то не были бы блаженными), но наипаче насъ любятъ, дабы и мы съ ними были блаженными, болѣе намъ благодѣтельствуютъ, болѣе помогаютъ, когда единаго Бога съ ними почитаемъ Отца и Сына и Духа Святаго, нежели когдабъ жертвами ихъ мы почитали.

Глава двадесять первая.

Умъ ослѣпленъ будучи Порфирій, не могъ истинной премудрости, то есть Христа, познать.

Но Порфирій низвлекаетъ людей въ явное заблужденіе, и не стыдится то дѣлать, славяся любителемъ премудрости, которую ежели бы онъ неложно и прямо любилъ, то Христа, Божію силу и Божію премудрость, позналъ бы, и отъ спасительнаго Его смиренія (1) надмѣвшись гордостію суетна-

етнаго знанія, не уклонилсябЪ. Однако признается, что душа духовная безЪ волшебныхЪ дѣйствій, которымЪ онЪ тщетно обучался, можетЪ очиститься добродѣтелію воздержанія; иногда же говоритЪ, что волшебныя оныя дѣйствія не очищаютЪ души по смерти, какЪ здѣсь; и потому показываетЪ, что таковыя очищенія по кончинѣ жизни безполезны. Однако иногда такЪ, иногда инаково превращая, не для инаго чего, какЪ я думаю, какЪ только чтобЪ показать себя вЪ томЪ искуснымЪ и унаровить вкусу упражняющихся вЪ непозволенныхЪ наукахЪ, или чтобЪ неупражняющихся побудить кЪ *любопытству*. Изрядно то, что самЪ не скрываетЪ, что сія наука опасна или вЪ разсужденіи бѣдствій отЪ законовЪ (2), или отЪ самыхЪ дѣйствій (3). О когдабЪ только сіе отЪ него слышали другіе, и не стремились кЪ томужЪ, дабы быть поглощенными! Не утаилЪ онЪ также и того, что невѣденіе и по причинѣ онаго многіе пороки никакими волшебными дѣйствіями не очищаются, какЪ только чрезЪ одинЪ Πατρικὸν νȣ̃ν, то есть Отеческій разумЪ, или умЪ, который знаетЪ о Отеческой волѣ. Однако изЪ сего не вѣритЪ во Христа; ибо презираетЪ Его вЪ разсужденіи плоти, принятой отЪ Дѣвы и ради поноснаго креста. Но онЪ исполнилЪ то, что Пророки святые о НемЪ справедливо предвозвѣстили: *Погублю премудрость пре-*

мудрыхъ, и разумъ разумныхъ отверту. Ибо не свою въ нихъ премудрость погубляетъ и отвергаетъ, которую самъ даровалъ, но которую себѣ присвояютъ, Его не имѣя. Чего для упомянувъ сіе Пророческое свидѣтельство, продолжаетъ Апостолъ: *Гдѣ премудръ? гдѣ книжникъ? гдѣ совопросникъ* (4) *вѣка сего? Не безуміемъ ли учинилъ Богъ премудрость міра сего? Понеже бо въ премудрости Божіей не разумѣ міръ премудростію Бога, благоизволилъ Богъ буйствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ. Понеже бо Іудее знаменія просятъ, и Еллини премудрости ищутъ,* мы же, говоритъ, *проповѣдуемъ Христа распята: Іудеемъ убо соблазнъ, Еллиномъ же безуміе. Самимъ же званнымъ Іудеемъ же и Еллиномъ Христа, Божію силу и Божію премудрость. Зане буее Божіе премудрѣе человѣкъ есть, и немощное Божіе крѣпчае человѣкъ есть.* Сіе какъ бы безумное и слабое презираютъ, такъ какъ своею силою премудрые и крѣпкіе. Но сія есть Благодать, которая изцѣляетъ немощныхъ не гордостно тщеславящихся, но со смиренномудріемъ наипаче въ прямой бѣдности своей признавающихся.

Глава

Глава двадесять вторая.

О воплощеніи Господа нашего Іисуса Христа, которое исповѣдать Платоническихъ философовъ стыдится нечестіе.

Проповѣдаетъ Порфирій Отца и Его сына, котораго называетъ разумомъ Отеческимъ, и между ими средняго, котораго мы почитаемъ Духа Святаго, и по своему обыкновенію полагаетъ тремя богами, гдѣ хотя неупотребительными словами пишетъ, однако нѣсколько и какъ бы сквозь тончайшую воображеній тѣнь, на чемъ основываться должно. Но воплощенія Сына Божія неизмѣняемаго, коимъ мы спасаемся, дабы того, что вѣримъ, или отчасти разумѣемъ, достигнуть возмогли, не хочетъ признать. И такъ видитъ нѣсколько, хотя издалеча, хотя помраченными очами, отечество, въ которомъ водворяться должно, но не держится того пути, которымъ итти потребно. Признается однако и въ благодати, когда утверждаетъ, что иногда чрезъ силу разумѣнія можно достигнуть къ Богу; но оное рѣдкимъ дается. Ибо не говоритъ, что немногимъ оное угодно, или рѣдкіе того хотятъ, но рѣдкимъ дается: то конечно признаваетъ Божію благодать, а не человѣческое довольство. Употребляетъ сіе слово явственнѣе, гдѣ послѣдуя Платонову мнѣнію ( ) не сомнѣвается говорить, что человѣкъ въ сей жизни никакимъ обра-

зомъ

вомъ къ совершенству премудрости достигнуть не можетъ; однако чего по разуму у человѣка не достаетъ, оное промыслъ Божій и благодать, послѣ сея жизни дополнитъ. О! когда бы онъ позналъ благодать Божію, данную Іисусомъ Христомъ, Господемъ нашимъ, и самое Его воплощеніе, коимъ Онъ принялъ душу человѣческую и плоть, то могъ бы увидѣть высочайшій примѣръ благодати. Но что дѣлать мнѣ? Знаю, что тщетно мертвому говорить, но сіе только что касается до него. Чтожъ принадлежитъ до тѣхъ, которые его уважаютъ, и его или изъ любви къ премудрости, или изъ любопытства къ наукамъ, которымъ и самому ему не надлежало учиться, любятъ: къ тѣмъ обращу мое слово и увѣщаніе, и можетъ быть не напрасно. Благодать Божія не могла благопріятнѣе сообщена быть, какъ только чтобъ самъ единородный Сынъ Божій, самъ въ себѣ будучи неизмѣняемымъ, облекся въ человѣка и далъ надежду людямъ на свою любовь посредствомъ человѣка, дабы отсюда къ Нему достигали, который будучи безсмертнымъ отъ смертныхъ, неизмѣняемымъ отъ измѣняемыхъ, праведнымъ отъ нечестивыхъ, блаженнымъ отъ нещастныхъ далеко отстоялъ. И поелику природно вліялъ намъ, дабы желали быть блаженными и безсмертными, то самъ пребывая блаженнымъ и воспріявъ плоть смертныхъ, дабы намъ даровать то, что

мы

мы любимъ, страданіемъ своимъ научилъ насъ презирать то, чего боимся. Но чтобъ на сей истиннѣ могли вы успокоиться, философы Платоническіе, то нужно вамъ смиреніе, къ которому убѣдить васъ трудно. Ибо что невѣроятное вамъ представляется, а особливо когда вы таковое умствуете, чрезъ что вы сами себѣ къ вѣрованію тому убѣждать долженствовали? Что, говорю, для васъ кажется невѣроятнымъ, когда сказываютъ вамъ, что Богъ принялъ человѣческую душу и плоть? Вы столько разумной душѣ присвояете, что душу человѣческую единосущною Отеческому разуму, которой Божіимъ Сыномъ признаваете, утверждать не стыдитесь: чтожъ въ томъ невѣроятнаго, естьли одна нѣкоторая разумная душа нѣкоторымъ неисповѣдимымъ и особеннымъ образомъ за спасеніе многихъ воспріята? А что тѣло съ душею соединяется, дабы былъ цѣлый и совершенный человѣкъ, оное по свидѣтельству самой нашей природы познаемъ, которое ежели не столь было бы обычайнымъ, то конечно сіе было бы невѣроятнѣе. Ибо удобнѣе вѣрить тому, естьли человѣческое съ Божественнымъ, естьли измѣняемое съ неизмѣняемымъ, однако духъ съ духомъ; или, чтобъ вами употребляемыя слова употребить, естьли безплотное безплотному, нежели плотному съ безплотнымъ соединиться можетъ. Не уже ли вамъ противно необыкновенное рожде-

жденіе отъ Дѣвы? Но сіе противнымъ быть не должно, но наипаче привести васъ къ принятію благочестія, что чудный чудно родился. Или то, что плоть, смертію совлеченную и воскресеніемъ въ лучшее измѣненную, нетлѣнною и безсмертною въ горняя вознесъ? Можетъ быть вы сему вѣрить не хощете, смотря на Порфирія въ тѣхъ его книгахъ, изъ коихъ я не мало предлагалъ, которыя о возвращеніи душъ писалъ, который часто внушаетъ, что всякой плоти удаляться должно, дабы душа блаженною могла пребывать съ Богомъ. Но его наипаче исправить надлежало, особливо когда о душѣ міра сего видимаго и толь безмѣрной тѣлесной громады столь много невѣроятнаго съ нимъ умствуете. По мнѣнію вашего Платона, почитаете міръ сей животнымъ, и животнымъ наиблаженнѣйшимъ, которому вы присвояете и вѣчность. Какимъ же образомъ онъ не разлучится отъ тѣла, и не лишится блаженства, когда, чтобъ душа была блаженною, всякаго тѣла убѣгать должно? Солнце, также сіе и прочія планеты, не только въ книгахъ вашихъ тѣлами признаваете, въ чемъ всѣ люди видя не прекословятъ, но высочайшимъ знаніемъ и искусствомъ животными блаженными ихъ называете, и съ оными тѣлами вѣчными. Какаяжъ бы была причина, что когда вамъ вѣра Христіянска предлагается, тогда забываете, или не-

знаю-

знающими притворяетесь въ томъ, чему вы научаете? Для чего мнѣній ради вашихъ, которыя вы опровергаете, Христіянами быть не хотите? Конечно не для чего, какъ только что Христосъ пришелъ смиренно, а вы напротивъ горды. Каковы тѣла святыхъ въ воскресеніи имѣютъ быть, между знающими Священное Писаніе можетъ происходить нѣкоторое прекословіе; однако не сомнѣваемся, что оныя будутъ вѣчны, и что оныя таковыми будутъ, каковымъ воскресенія своего Христосъ показалъ примѣромъ (2). Но каковы бы онѣ ни были, когда утверждается о нихъ, что онѣ будутъ нетлѣнны и безсмертны, и ни мало къ созерцанію Бога не препятствующія, и вы сами говорите, что на небесахъ находятся тѣла безсмертныя и блаженныя: то для чего, чтобъ быть блаженными, всякой плоти удалятъся поучаете, чтобъ показаться вамъ, аки бы не безъ основанія удаляетесь отъ вѣры Христіянскія? Конечно, опять скажу, не для чего другаго, какъ только, что Христосъ смиренъ, а вы надмѣнны. Не уже ли вамъ исправиться стыдно? Но и сіе не горделивыхъ ли есть порокомъ? Стыдно, то есть ученымъ людямъ, изъ учениковъ Платоновыхъ сдѣлаться учениками Христовыми (3), который рыболова духомъ своимъ научилъ велемудрствовать и сказать: *Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога, и Богъ бѣ Слово. Сей бѣ*

иско-

искони у Бога. Вся тѣмъ быша, и безъ него ничтоже бысть, еже бысть. Въ томъ животъ бѣ, и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ, и свѣтъ во тмѣ свѣтится, и тма его не объятъ. О семъ началѣ Іоаннова благовѣстія (4) (какъ мы отъ набожнаго Симплиціана, которой послѣ того въ Медіоланѣ былъ Епископомъ, слыхали) нѣкоторой Платонической секты философъ говаривалъ, что его должно во всѣхъ церквахъ, золотыми написавъ буквами, на высокихъ мѣстахъ поставить. Но того ради въ уничиженіе пришелъ у сихъ гордыхъ Богъ Учитель, *понеже Слово плоть бысть, и вселися въ ны,* такъ что не довольно имъ бѣднымъ того, что они немоществуютъ, ежели въ самой не превознесутся болѣзни, и не постыдятся принять врачевство, которымъ могли бы изцѣлиться. Ибо сіе дѣлаютъ они не съ тѣмъ, дабы воздвигнуться, но дабы тяжчае падая быть оскорбленнымъ.

Глава двадесять третія.

Сколь много догматовъ Платоновыхъ опровергъ, или не согласуя съ онымъ, исправилъ Порфирій.

Естьли послѣ Платона что либо поправлять недостойнымъ почитается дѣломъ, то для чего самъ Порфирій не мало исправилъ? Ибо извѣстно, что Платонъ писалъ, что души человѣческія по смерти (1) перехо-

ходятЪ и вЪ самыя тѣла безсловесныхЪ животныхЪ. Сіе мнѣніе ПлатонЪ (2) учитель содержалЪ, однако оное Платонову ученику Порфирію не понравилось. ОнЪ думать началЪ, что души человѣческія по смерти вЪ новыя тѣла человѣческія же переходятЪ и переселяются. Стыдно ему было вѣрить учителю, дабы паче чаянія не досталось матери, превращенной вЪ ослицу, возить своего сына; а тому не стыдился вѣрить, что мать, премѣнившись вЪ дѣвицу, вЪ жену достанется своему сыну. Сколь то честнѣе, чему святые Ангели научили, что Пророки вдохновеніемЪ Божіимъ говорили, что тотЪ, котораго пришествіе они предвозвѣстили; что Апостолы, наполнившіе весь мірЪ благовѣствованіемЪ; сколь, говорю, честнѣе вѣрить тому, что души единожды возвратятся вЪ тѣла свои, нежели возвращаться многократно вЪ чуждыя. Однако, какЪ я сказалЪ, по большой части вЪ семЪ мнѣніи поправился Порфирій, что только прехожденіе душЪ человѣческихЪ вЪ тѣла человѣческія утверждалЪ, а прехожденіе вЪ тѣла безсловесныхЪ не усомнился отвергнуть. ВЪ томЪ ПлатоническихЪ философовЪ не мало мнѣніе исправилЪ, что призналЪ, что очистившаяся душа отЪ всѣхЪ золЪ и находящаяся со ОтцемЪ, никогда уже золЪ міра сего претерпѣвать не будетЪ. СимЪ мнѣніемЪ отразилЪ сильно,

 что

что Платоническимъ признавается; что мертвые изъ живыхъ и живые изъ мертвыхъ бываютъ, и показалъ ложность того, что сказано Виргиліемъ по мнѣнію Платоническихъ философовъ, что очистившіяся души преселяемы бываютъ на Елисейскія поля, которымъ именемъ какъ бы чрезъ басню означаетъ радость блаженныхъ, и что оныя къ рѣкѣ Летейской вызываемы бываютъ, то есть къ забвенію прошедшаго, то есть, забывъ о горнемъ, какъ скоро сойдутъ въ долняя, паки начинаютъ желать возвратиться въ тѣла. Достойно не показалось сіе Порфирію; понеже поистиннѣ безумно есть вѣрить, аки бы души изъ оной жизни, которая не можетъ быть блаженною, ежели не будетъ о вѣчности своей извѣстна, желаютъ въ тлѣнныя тѣла возвратиться, какъ будто бы сила очищенія въ томъ состояла, чтобъ скверну пріобрѣтать. Ибо ежели совершенное очищеніе дѣлаетъ то, что онѣ забываютъ злая, золъ же забвеніе производитъ желаніе возвратиться въ тѣла, гдѣ паки быть бы подверженнымъ злу: то всенепремѣнно высочайшее благополучіе виною будетъ злополучія, и совершенство мудрости виною безумія, и высочайшая чистота виною нечистоты. Ни въ разсужденіи истинны блаженною тамъ будетъ душа, покуда ни будетъ, когда будетъ обманываться, дабы ей быть блажен-

женною; ибо не можетъ быть блаженною, ежели не будетъ въ безопасности. А чтобъ быть ей безопасною, то напрасно станетъ думать, что она навсегда имѣетъ быть блаженною; понеже нѣкогда будетъ нещастною. И такъ кто будетъ имѣть ложную вину радости, тотъ какимъ образомъ о истиннѣ радоваться станетъ? Видѣлъ сіе Порфирій, и для того сказалъ, что душа очистившаяся ко Отцу возвращается.

Глава двадесять четвертая.

Противъ довода Платоническихъ философовъ, коимъ утверждаютъ, что душа человѣческая также вѣчна, какъ и Богъ.

И такъ ложно нѣкоторые Платоническіе философы признавали отхожденіе и возвращеніе душъ, которое хотя было бы справедливо, то какую бы оно приносило пользу, развѣ то одно, что Платоническіе философы предпочли бы изъ того себя предъ нами; что мы не знали бы въ сей жизни, что они въ другой лучшей жизни чистѣйшими и премудрѣйшими имѣли родиться, и ложному вѣря, быть блаженными? Сіе сказать ежели непристойно и безумно, то Порфиріево мнѣніе предпочесть должно тѣмъ, которые изъ бѣдности въ блаженство и изъ блаженства въ бѣдность души своимъ мнѣніемъ переселя-

ли. Ежелижъ такъ, то не видно ли, что Платонической философъ съ Платономъ къ лучшему не согласуетъ? Не видно ли, что онъ примѣтилъ то, чего тотъ не видалъ, и послѣ толь знаменитаго учителя не отрицается и не зазираетъ себя исправить, но предпочитаетъ истинну человѣку? Для чегожъ мы не повѣримъ Богу въ тѣхъ вещахъ, которыхъ разумомъ нашимъ постигнуть не можемъ, который открываетъ намъ, что душа не столь же вѣчна, какъ Онъ, но что она сотворена отъ Него, и что она не была прежде? Ибо чтобъ тому не вѣрить, то такую въ пособіе мнѣнію изобрѣли причину: понеже естьлибъ она не была всегда прежде, то и послѣ вѣчною быть не могла бы. Хотя и о мірѣ и о тѣхъ, коихъ сотворенными въ мірѣ богами называетъ, Платонъ пишетъ и ясно говоритъ, что все оное начало получило, однако конца имѣть не будетъ, но всемогущею волею Творца вѣчно пребудутъ. Но оное какимъ образомъ разумѣть (1), они вымыслили такой примѣръ: ибо какъ, говорятъ, естьли бы нога отъ вѣка всегда стояла на пескѣ, то всегда подъ оною долженъ быть слѣдъ; при всемъ томъ никтобъ сомнѣваться не сталъ, что сей слѣдъ отъ человѣка, который въ томъ мѣстѣ ступилъ ногою, сдѣланъ, и одно другаго изъ сихъ не прежде, хотя одно отъ другаго сдѣлано. Такъ, говорятъ, и міръ и въ немъ сотворенные боги всегда были,

когда

когда былъ всегда Тотъ, который ихъ сотворилъ, хотя они и сотворены. И такъ не уже ли когда душа всегда была, то всегда была и ея бѣдность? Притомъ когда нѣчто въ душѣ, чего отъ вѣка не было въ ней, быть начало во времени, то для чего статься тому было не можно, чтобъ она сталась во времени, хотябъ прежде оной и не было? Потомъ блаженство души по испытаніи золъ бываетъ непоколебимѣйшимъ и безконечнымъ, которое, какъ и сами Платоническіе философы признаются, безъ сомнѣнія началось во времени, однако пребудетъ навсегда, хотя прежде того и не было. И такъ доводъ оный весь разрушенъ, которымъ доказывали, что ничто не можетъ быть безконечнымъ въ разсужденіи времени, кромѣ того, что не имѣло начала времени; ибо блаженство души, начавшееся во времени, конца времени имѣть не будетъ. Сего для человѣческая немощь должна въ семъ уступить Богу, и тѣмъ блаженнымъ и безсмертнымъ о истиннѣ благочестія вѣрить, которые чести себѣ, должной Богу ихъ и нашему, не требуютъ, и не повелѣваютъ, дабы мы жертву приносили кому либо иному, кромѣ того, коего мы съ ними купно, что я часто говорилъ, и говорить не премину, жертвою быть долженствуемъ, приносимою тѣмъ Священникомъ, который въ человѣкѣ, собою воспріятомъ, по коему и Священникомъ Онъ стался,

ся, даже до смерти жертвою быть благоволилЪ.

Глава двадесять пятая.

О общественномЪ пути кЪ спасенію души; котораго худо искавЪ Порфирій, не обрѣлЪ, и который одна благодать Христова открыла.

Сіе есть благочестіе, которое содержитЪ общественный путь кЪ спасенію души; понеже никакимЪ другимЪ, кромѣ сего, спастись не можемЪ. Ибо сіе есть ЦарскимЪ путемЪ, который ведетЪ единственно кЪ царствію, то есть не кЪ престолу, во времени колеблемому, но вЪ разсужденіи непоколебимой вѣчности безопасному. Когда же говоритЪ Порфирій вЪ концѣ первой книги о возвращеніи душЪ, что нѣтЪ еще никакой секты, которая бы содержала путь собственный кЪ спасенію души, обЪявляя, что ни отЪ истинной какой либо философіи, ни отЪ обычаевЪ ИндѣйцовЪ, или ученія, ни отЪ наставленія ХалдеевЪ, или отЪ другаго какого либо пути обЪ ономЪ общественномЪ свѣденіемЪ историческимЪ кЪ нему не дошло: то безЪ сомнѣнія признается, что есть таковый путь, но что онЪ о немЪ не знаетЪ. Толь-то недоволенЪ онЪ былЪ тѣмЪ, чему онЪ кЪ спасенію души учился, и что вЪ разсужденіи другихЪ зналЪ и содержалЪ! ОнЪ чувствовалЪ, что не достаетЪ ему чего-то изящнѣй-

нѣйшаго и важнаго, чему бы онъ въ томъ послѣдовать могъ. Когда же говоритъ: ни отъ истинной философіи не дошло къ нему свѣденія, что находится нѣкоторая секта, которая содержитъ общественный путь къ спасенію души, довольно, какъ мнѣ кажется, тѣмъ показалъ, что и та философія, въ которой онъ упражнялся, не есть истинная, или то, что въ оной нѣтъ пути къ спасенію души. И какимъ образомъ можетъ быть она истинною, въ которой нѣтъ сего пути? Ибо какой иной есть путь общественный къ спасенію души, кромѣ того, которымъ всѣ обще спасаются души, и безъ котораго никакая душа спастись не можетъ? Когда же прилагаетъ и сказываетъ, что ни отъ нравовъ Индѣйцовъ и ученія (1), ни отъ наставленій Халдейскихъ, или другой какой стези, то явно свидѣтельствуетъ, что ни то, чему онъ отъ Индѣйцовъ, ни то, чему отъ Халдеевъ научился, общественнаго пути къ спасенію души не содержитъ, и умолчать онъ не могъ, что отъ Халдеевъ получилъ боговъ отвѣты, о коихъ безпрестанно упоминаетъ. И такъ какой онъ разумѣть хощетъ къ спасенію души общественный путь, открываемый или истинною философіею, или ученіемъ тѣхъ народовъ, которые знающими въ Божественныхъ дѣлахъ почитались? Понеже у оныхъ болѣе дѣйствовало любопытство

ство въ познаніи и почитаніи духовъ. Какой сей общественный путь? Конечно не иной какой, какъ тотъ, который не одному нѣкоторому народу свойственный, но который всѣмъ народамъ (2) есть общимъ и отъ Бога дарованъ? И сей не послѣдній въ знаніи человѣкъ въ томъ не сомнѣвается; ибо онъ чувствуетъ и вѣритъ, что Божій промыслъ не могъ оставить родъ человѣческій безъ сего пути къ спасенію души. Онъ не прекословитъ, аки бы таковаго пути совсѣмъ нѣтъ, но что о толикомъ добрѣ, о толикомъ пособіи онъ не знаетъ, и что онаго нигдѣ еще не обрѣтено. И не дивно; ибо тогда Порфирій еще въ живыхъ находился (3), когда сей путь общественный къ спасенію души, который не что иное есть, какъ благочестіе Христіянское, попущеніемъ Божіимъ притѣсняли почитатели идоловъ и бѣсовъ, и Цари земные для наполненія числа мучениковъ, то есть свидѣтелей истинны, дабы чрезъ оныхъ открылось, что всякое тѣлесное зло за вѣру благочестія и истинну сносить должно. И такъ видѣлъ сіе Порфирій, но думалъ, что сей путь чрезъ таковыя гоненія скоро истребится; и потому заключалъ, что сей путь не есть общественнымъ путемъ къ спасенію души, не разумѣя, что то, которое его смущало, и котораго онъ въ избраніи претерпѣть страшился, принадлежитъ наипаче

къ

къ подкрѣпленію и сильнѣйшему одобренію того. И такъ сей есть общественный путь къ спасенію души, то есть всѣмъ языкамъ отъ милосердія Божія данный, о коемъ свѣденіе ко всѣмъ народамъ достигло и достигнетъ; и не надлежало, и не должно будетъ о немъ говорить: почто нынѣ, для чего поздо? понеже совѣта, дарующаго оный, человѣческій разумъ проникнуть не можетъ. Сіе самое выразумѣлъ и онъ, когда сказалъ: не получено еще сіе дарованіе Божіе, и въ свѣденіе къ нему не достигло. Сей, говорю, есть путь общественный къ спасенію душъ вѣрующихъ, на которомъ вѣрный Авраамъ Божественное принялъ обѣщаніе: *О сѣмени твоемъ благословятся вси языцы.* Онъ правда родомъ былъ Халдеанинъ, но чтобъ таковыя получить обѣщанія, что отъ него произойдетъ сѣмя, то есть Ходатай, въ которомъ состоитъ сей къ спасенію душъ общественный путь, всѣмъ народамъ открытый, повелѣно ему вытти изъ земли своей, отъ сродниковъ своихъ и изъ дому отца своего. Тогда онъ, свободившись отъ Халдейскихъ суевѣрій, истиннаго Бога почиталъ, которому и въ обѣщаніи несомнѣнно увѣрился. Сей есть общественный путь, о которомъ сказано у святаго Пророка: *Боже! ущедри ны, и благослови ны, просвѣти лице твое на ны, и помилуй ны. Познати на земли путь твой, во всѣхъ*

 язы-

языцѣхъ спасеніе твое. Откуда послѣ, по воспріятіи плоти отъ сѣмене Авраамова, о себѣ самомъ говоритъ Спаситель: *Азъ есмь путь, истина и животъ.* Сей есть общественный путь, о которомъ за долго прежде пророчествовано: *Будетъ въ послѣднія дни явлена гора Господня, уготованная на версѣ горъ, и вознесется паче холмовъ, и пріидутъ къ ней вси языцы, и взыдутъ народи мнози, и рекутъ: пріидите взыдемъ на гору Господню, въ домъ Бога Іаковля, и возвѣститъ намъ путь свой, и пойдемъ по нему. Отъ Сіона бо изыдетъ законъ, и слово Господне отъ Іерусалима.* И такъ путь сей не есть одного нѣкотораго народа, но всѣхъ языковъ; и законъ и слово Господне не въ Сіонѣ и Іерусалимѣ пребыло, но оттуда изшедъ, распространилось всюду. Сего для самъ Ходатай по воскресеніи своемъ ужаснувшимся ученикамъ говоритъ: *Подобаше исполнитися всему писанному въ законѣ и пророцѣхъ и псалмѣхъ о мнѣ. Тогда отверзе имъ умъ разумѣти писанія, и рече имъ: яко тако подобаше пострадати Христу, и воскреснути въ третій день, и проповѣдатися во имя его покаянію и отпущенію грѣховъ во всѣхъ языцѣхъ, наченше отъ Іерусалима.* Сей есть общественный къ спасенію души путь, который святые Ангели и Богодухновенные Пророки сперва въ малочисленныхъ людехъ, гдѣ могли, благодать Божію обрѣтающихъ,

а

а особливо въ Еврейскомъ народѣ, который былъ посвященнымъ Богу, въ предвозвѣщеніе Божія града отъ всѣхъ языковъ собраться имѣющаго, и Скиніею, и храмомъ, и священствомъ, и жертвами предзнаменовали, и многими таинственными словами предсказали. Во плоти же будучи Ходатай, самъ и блаженные Его Апостоли уже Новаго Завѣта благодать открывая, явственнѣе изъяснили то, что сокровеннѣе въ древнія времена предображено по различію вѣковъ человѣческаго рода, которое премудрый Богъ по благоизволенію своему устроилъ, свидѣтельствуя знаменіями своихъ чудныхъ дѣлъ, изъ коихъ я нѣсколько выше предложилъ. Ибо не только являлись видѣнія Ангельскія и небесныхъ слугъ слышны были одни гласы, но святыми людьми изгоняемы были изъ тѣлъ человѣческихъ бѣси; поврежденія, несовершенства и болѣзни тѣлесныя исцѣлялись; свирѣпые звѣри земные и водные, птицы небесныя, древа, стихіи, звѣзды Божія повелѣнія исполняли, преисподнія повиновались, мертвые воскресали, выключая самаго Спасителя собственныя чудеса и особенныя, а наипаче рожденія и воскресенія, изъ коихъ въ первомъ тайну матерняго дѣвства, во второмъ тѣхъ, кои наконецъ вѣковъ воскреснутъ, показалъ примѣръ. Сей путь всего человѣка очищаетъ, и смертнаго со всѣми его частьми, изъ коихъ состоитъ,

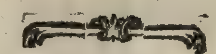
при-

пріуготовляетъ къ безсмертію. Ибо чтобъ не искать другаго очищенія той части, которую называетъ Порфирій разумною, и инаго тѣлу, того ради обое купно воспріялъ истинный и всесильный Очиститель и Спаситель. Кромѣ сего пути, которой, когда предвозвѣщается сіе будущее, или предлагается прошедшее, всегда былъ въ родѣ человѣческомъ, никто спасенія не получилъ, не получаетъ и не получитъ. Что же Порфирій говоритъ, что общественный къ спасенію души путь историческимъ образомъ въ свѣденіе ему не пришелъ, то что сей повѣсти знаменитѣе изобрѣсти можно, которая толикое преимущество во всей вселенной получила; или достовѣрнѣе, въ которой какъ прошедшее повѣствуется, такъ возвѣщается и будущее, изъ котораго много видимъ исполнившагося, а объ оставшемся безъ сомнѣнія надѣемся, что оно исполнится? Ибо не можетъ Порфирій, или другіе Платоническіе философы и въ семъ пути предсказаніе какъ бы земныхъ вещей и къ сей временной жизни принадлежащихъ пренебрегать и презирать, что справедливо въ другихъ предвозвѣстіяхъ и гадательствахъ дѣлаютъ. Понеже утверждаютъ, что таковыя гадательства ни великими людей не показываютъ, и сами онѣ не важны. И подлинно; ибо или предчувствованіемъ причинъ природныхъ оное бываетъ, такъ какъ по искусству врачебной науки

чрезъ

чрезъ предварительные знаки много служащаго къ здравію, или болѣзни предсказать можно; или демоны о своихъ будущихъ дѣлахъ предвозвѣщаютъ, и всякому неправедному человѣку по его желанію или слова, или дѣла внушаютъ, дабы присвоить себѣ право въ слабомъ веществѣ человѣческой немощи. Но святые мужи, ходящіе путемъ общественнымъ къ спасенію душъ, не таковое какъ бы великое предвозвѣщать тщались, хотя они и таковое знали, и иногда предвозвѣщали во увѣреніе того, чего смертныхъ чувствамъ не можно представить, или что опытомъ не скоро сдѣлается. Они имѣли другое подлинно великое и Божественное, о которомъ, сколько имъ по Божіей волѣ дано было, предсказывали. Христосъ, имѣющій пріити во плоти, и все, что Онъ чудное содѣлалъ, и что на Немъ исполнилось, покаяніе человѣковъ, обращеніе воли человѣческой къ Богу, оставленіе грѣховъ, благодать правды, вѣра благочестивыхъ и во всей вселенной въ истиннаго Бога вѣрующихъ множество, почитанія идоловъ и бѣсовъ истребленіе, отъ искушеній обученіе, успѣвающихъ очищеніе и свобожденіе отъ всякаго зла, день суда, воскресеніе мертвыхъ, общества нечестивыхъ вѣчное осужденіе, и царство вѣчное преславнаго Божія града, лицезрѣніемъ Его безсмертно наслаждающагося, въ писаніи сего пути предсказаны и обѣщаны, изъ коихъ толикое множе-

ство

ство видимъ исполнившагося, что съ несомнѣннымъ благоговѣніемъ уповаемъ, что и прочее все исполнится. Правота сего пути, который приводитъ даже до лицезрѣнія Божія, даже до соединенія съ Нимъ вѣчнаго, во святилищѣ Священнаго Писанія состоитъ, которое открываетъ, что невѣрующіе, слѣдовательно неразумѣющіе, вооружаться на оную могутъ, но побѣдить не могутъ. Почему мы въ десяти сихъ книгахъ, хотя меньше, нежели нѣкоторые отъ насъ чаяли и ожидали, однако и желанію нѣкоторыхъ, сколько истинный Богъ и Господь помогъ, удовлетворили, отражая противоположенія нечестивыхъ, которые Создателю святаго града, о коемъ мы предприняли говорить, боговъ своихъ предпочитаютъ, изъ коихъ первыя пять книгъ противъ тѣхъ написаны, которые говорятъ, что ради благъ сея жизни почитать должно боговъ; другія же пять противъ тѣхъ, которые думаютъ, что почитаніе боговъ ради жизни будущей по смерти хранить надлежитъ. Теперь, какъ въ первой книгѣ обѣщали, о началѣ, распространеніи и должныхъ кончинахъ двухъ градовъ, которые между собою въ семъ вѣкѣ смѣшаны, какъ выше мы сказали, сколько мнѣ Богъ поможетъ, изъясню.

Конецъ десятой книги о градѣ Божіемъ.

ПРИ-

ПРИМѢЧАНІЯ
на
Книгу Блаженнаго Августина, Епископа Иппонійскаго, о градѣ Божіемъ, десятую.

На главу вторую.

(1) Часто и пространно Плотинъ. Изъ созерцанія умомъ благаго онаго Отца всякое проистекаетъ блаженство, какъ самъ въ своемъ сочиненіи и умозрительствѣ показываетъ. И на другомъ мѣстѣ пишетъ, что души наши, труды въ тѣлѣ понесшія, наслаждаться имѣютъ блаженствомъ, которое незыблемое и вѣчное имѣетъ міра душа.

(2) *Бысть человѣкъ посланъ.* Понеже Ангеломъ называется посланный, и Іоаннъ, бывши посланъ, именуется Ангеломъ: то дабы не подумалъ кто, что одинъ которой либо изъ духовъ небесныхъ посланъ, того ради предварительно сказалъ Евангелистъ: *Бысть человѣкъ посланъ.*

(3) *Да вси вѣру имутъ ему.* Въ Латинскомъ стоитъ *чрезъ него.* Нѣкоторый толкователь Священнаго Писанія такъ умствуетъ: проклятъ де человѣкъ, уповающій на человѣка; но чрезъ Іоанново свидѣтельство, дабы увѣровали во Свѣтъ.

(4) *Не бѣ той свѣтъ.* Святый Θеоφилактъ говоритъ, что вся тайна заключается въ сей рѣчи: то́; ибо и святые суть свѣты по оному Христову слову: *Вы есте свѣтъ міра.* И Іоаннъ свѣтильникомъ нарицается, но не то́ Φῶς, то есть оный свѣтъ. Понеже святые суть свѣты, отъ свѣта онаго проистекшіе.

(5) *Бѣ свѣтъ истинный.* Вопрошаетъ нѣгдѣ Августинъ, для чего приложено сіе слово *истинный?* Понеже, говоритъ, всякой освѣщаемый называется свѣтъ, свѣтъ же истинный, который просвѣщаетъ.

(6)

(6) *Иже просвѣщаетъ всякаго человѣка.* Не для того сказано, аки бы не было ни одного человѣка, которой бы не просвѣщался, но понелику просвѣщенъ быть никто не можетъ, какъ только отъ Него. Или, какъ говоритъ Златоустъ, просвѣщаетъ всякаго человѣка, поколику къ Нему принадлежитъ. Когда же нѣкоторые мысленныя очи смѣживъ, не допускаютъ къ себѣ лучей, въ ономъ виною не природа свѣта, что тьма ихъ объяла, но ихъ непотребство, которые добровольно лишили себя добра, на весь міръ изліяннаго.

На главу четвертую.

(1) Когда горѣ къ нему. Сіе самое есть, что при священнодѣйствіи пріуготовляемымъ къ пріобщенію повелѣвается. Повелѣвается же, дабы всякъ, отложивъ помышленіе и попеченіе о долнихъ, къ любви Божіей обратился, какъ бы крылами нѣкіими поднявшись. Ибо такимъ образомъ очищается духъ, свобождающійся отъ пороковъ и пріуготовляющій себя, дабы достойнымъ быть храмомъ Богу.

(2) Ему дары Его. Что мы ни даемъ Богу, оное не наше, но Его Ему отдаемъ. И пріятнѣйшаго ничего Богу мы не можемъ учинить, какъ добро наше къ томужъ источнику, откуда оное проистекло, возвратить. Сіе Псаломникъ означаетъ, глаголя: *Что воздамъ Господеви о всѣхъ, яже воздаде ми? Чашу спасенія пріиму, и имя Господне призову.* Одно сіе есть воздаяніемъ благодаренія, ежели остаемся мы благодарными.

На главу десятую.

(1) Что Богъ видимымъ образомъ являлся праотцамъ. Іоаннъ Евангелистъ говоритъ, что Бога никто же нигдѣ же видѣлъ, и Павелъ Апостолъ тожъ утверждаетъ; но Іаковъ увѣряетъ, что онъ видѣлъ Бога лицемъ къ лицу. И о Моисеѣ написано Исхода въ главѣ тритцать третіей, что онъ бесѣдовалъ съ Богомъ лицемъ къ лицу, такъ какъ обыкновенно говоритъ

ритъ человѣкъ къ человѣку. Но вѣдать должно, что природа Божія есть невидима. И такъ видѣли святые Ангеловъ въ такомъ блистательномъ и величественномъ видѣ, что удобно понять могли, что они видятъ Бога. Ибо что Ангели праотцамъ бесѣдовали, оное свидѣтельствуетъ и Павелъ, и что чрезъ нихъ законъ данъ былъ: *Аще бо*, говоритъ Павелъ, *глаголанное Ангелами слово бысть извѣстно.* И дѣяній въ главѣ седьмой Стефанъ говоритъ, что Іудеи законъ получили строеніемъ Ангеловъ. И для того-то, думаетъ святый Златоустъ, глаголетъ Христосъ Іудеемъ, что они ни видѣнія, или лица Божія не видѣли, и гласа Его не слышали.

(2) *Аще обрѣтохъ благодать.* Въ седьмойнадесять книгѣ нравоученій на Іова: явственно, говоритъ, открывается, что покуда человѣкъ въ смертномъ семъ тѣлѣ живетъ, не можетъ Бога видѣть, развѣ чрезъ нѣкоторые образы.

(3) Какъ *Лакедемоняне своему Ликургу.* *Ликургъ* Евнома, Спартанскаго Царя, сынъ, Поливита, или какъ пишетъ Плутархъ, Полидекта Царя братъ, по смерти коего воспріялъ царство и управлялъ онымъ дотолѣ, покуда спозналъ, что невѣстка его непраздна. Тогда отказался добровольно отъ правленія. И какъ скоро родился ей сынъ, то онъ былъ ему вмѣсто опекуна. Онъ далъ Лакедемонцамъ законы жестокіе, и для того объявилъ, что оные сдѣлалъ Аполлинъ Делѳійскій. Нѣкоторые увѣряютъ, что онъ сказалъ, аки бы Юпитеръ писалъ оные.

На главу вторуюнадесять.

(1) Что Тарквиній бритвою оселокъ перерѣзалъ. Не Тарквиній, но Актій Навій. Ибо когда хотѣлъ Тарквиній Прискъ умножить ковалеріи число, и Актій Навій вопреки говорилъ, что умножать не должно, не сдѣлавъ прежде наблюденій по птичьему движенію: тогда Царь, дабы показать, что сія наука есть

тщетная, вопросилЪ Навія, можно ли тому статься по оной наукѣ, что я думаю? Навій отвѣтствовалЪ, что можно. Возьми же, сказалЪ Царь, и пересѣки сей оселокЪ сею бритвою. Тогда Навій при зрѣніи всего народа и Царя оное сдѣлалЪ, и сЪ того времени вЪ великомЪ почтеніи былЪ, покуда вЪ живыхЪ находился; и статуя ему была поставлена, предЪ которою лежала бритва и оселокЪ вЪ знакЪ учиненнаго имЪ.

(2) Епидаврскій змій. Сей есть Эскулапій, который вЪ видѣ змія изЪ храма своего, который отстоялЪ отЪ Эпидавра пять тысячь шаговЪ, вЪ РимЪ привезенЪ. БѣсовЪ Князь, говоритЪ Лактанцій, вЪ видѣ собственномЪ безЪ измѣненія привезенЪ; ибо Священное Писаніе зміемЪ описываетЪ діявола.

(3) Ваяніе матери Фригійской. Когда корабль, на которомЪ мать боговЪ изЪ Пессимунта Фригійскаго вЪ РимЪ привезена, обмѣлѣлЪ на Тибрѣ, котораго ни люди, ни волы силою совлечь не могли: тогда Весталка Клавдія, которая подозрѣваема была вЪ любодѣяніи, дабы показать свою невинность, снявЪ сЪ себя поясЪ, и привязавЪ кЪ кораблю, молилась богинѣ, что ежели ее признаетЪ невинною, двигнулась бы сЪ кораблемЪ; вЪ слѣдствіе чего корабль поясомЪ ея и ею одною сЪ мѣста совлеченЪ. Ей потомЪ статуя поставлена предЪ храмомЪ Матери боговЪ, которая на своемЪ піэдесталѣ осталась цѣла, хотя храмЪ два раза горѣлЪ.

(4) Весталка. Сія была Туція, какЪ Валерій пишетЪ вЪ книгѣ осьмой.

(5) Мечтательныя. Много люди умомЪ иногда мечтаютЪ, коимЪ кажется, что они видѣли, хотя совсѣмЪ не видали. Отсюда большая часть изЪ тѣхЪ разсказовЪ, коими о видѣніи демоновЪ разглашается, произшла; да и демоны очамЪ нашимЪ много ложнаго представляютЪ. И не удивительно, что насЪ обманываютЪ демоны, когда не менѣе обманываютЪ люди, такЪ

что

что ежели бы мы не знали, что то ложно, то почли бы за великія чудеса. На примѣръ: многіе дѣлаютъ, что употребляютъ хлѣбъ, а послѣ того изъ устъ сыплютъ муку сухую. Піютъ вино, и послѣ того или отверстіемъ, сдѣланнымъ вновь на лбу, или гортанью паки изливаютъ. Кто же не чудится изъ зрителей, когда извергаютъ изъ себя гортанію множество иглъ и булавокъ, и лентъ и денегъ? Я уже оставляю, что волшебствомъ природнымъ дѣлается, а именно, что всѣ составляющіе компанію кажутся безъ головъ, или съ ослиными головами, и проч.

(6) Луну съ неба совлечь. Луканъ въ книгѣ шестой о силѣ волшебниковъ. У Виргилія же волшебница обѣщается звѣзды назадъ возвратить въ четвертой книгѣ Енеидъ. Апулій сказываетъ, что волшебница сильна боговъ внизъ съ небесъ совлечь, и погасить небесныя свѣтила. Подобное о лунѣ видѣть можно у Овидія о волшебницѣ Медеѣ.

На главу пятуюнадесять.

(1) Намъ сорадуются. Что Ангели радуются о добродѣтельно на земли живущихъ, о томъ и Христосъ свидѣтельствуетъ въ Евангеліи, Луки въ главѣ пятойнадесять.

(2) Находятся тому примѣры въ Священномъ Писаніи. Іоаннъ Ангелу, къ себѣ посланному, хотѣлъ поклониться, и возбраненъ отъ него съ тѣмъ, дабы онъ кланялся Богу, котораго и онъ рабъ. Апокалипсиса глава девятаянадесять.

(3) Павла и Варнаву. Сіи, когда въ Ликаоніи народъ учили и хромому даровали хожденіе силою Божіею, за боговъ почтены были: Варнава за Юпитера, Павелъ, поелику проповѣдывалъ, за Меркурія. Ликаоняне хотѣли имъ жертвы приносить, но Павелъ и Варнава съ негодованіемъ за то на нихъ запретили имъ, боясь, дабы не присвоено было имъ, что свойственно одному Богу. Дѣяній глава четвертаянадесять.

На главу двадесять первую.

(1) Спасительнаго Его смиренія. Былъ онъ прежде наставленъ истинному благочестію, которое после оставилъ, и неистовно напалъ сочиненіями своими на оное.

(2) Въ разсужденіи бѣдствій отъ законовъ. Ибо казнь была положена.

(3) Или отъ самыхъ дѣйствій. Ибо оно опасно, ежели не правильно будетъ дѣлаемо. Понеже сердятся демоны и великія бѣдствія причиняютъ призывающимъ, что многими ужасными показали примѣрами. Ибо они любятъ совершенное нечестіе, отъ котораго трудно обращаться къ благочестію.

(4) *Гдѣ сопоспросникъ?* Разумѣетъ философовъ, которые испытывали вещи природы и стязались.

На главу двадесять вторую.

(1) Послѣдуя Платонову мнѣнію. Въ Тимеи пишетъ, что міръ есть одушевленное и звѣзды животныя и притомъ блаженныя.

(2) Воскресенія своего Христосъ показалъ примѣромъ. Никакимъ болѣзнямъ, ни порокамъ, ни смерти непричастно, но причастно душевному блаженству. Такъ Апостолъ къ Филипписіемъ въ главѣ третіей говоритъ: *Спасителя ждемъ Господа нашего Іисуса Христа, иже преобразитъ тѣло смиренія нашего, воеже сообразну ему быти тѣлу славы своея.*

(3) Изъ учениковъ Платоновыхъ содѣлаться учениками Христовыми. Какое тщеславіе мудрости въ языческихъ философахъ въ разсужденіи Христа быть можетъ? Не уже ли Платонъ стыдился учителемъ имѣть Сократа, которой сказывалъ о себѣ, что онъ ничего не знаетъ? Не тѣмъ ли онъ во всю жизнь свою хвалился, что былъ ученикомъ такого, котораго отецъ дѣлалъ марморныя статуи? Не объявлялъ ли, что все его знаніе и мудрость есть его учителя?

И

И самЪ СократЪ, какЪ видно изЪ Платона и Ксенофонта, начальниковЪ училища, многаго не приписывалЪ ли изЪ своего знанія Аспазіи и Діотимѣ, женщинамЪ своимЪ наставницамЪ?

(4) Іоаннова благовѣстія. АвгустинЪ вЪ книгѣ осьмой исповѣданій объявляетЪ, что онЪ читалЪ вЪ книгахЪ ПлатоническихЪ философовЪ, хотя не тѣмижЪ словами, рѣчи Евангелія святаго Іоанна: *ВЪ началѣ бѣ Слово.* Амелій же Платонической такЪ говоритЪ: и сіе было оное Слово, чрезЪ кое все содѣланное дѣлалось.

На главу двадесять третію.

(1) Что души человѣческія по смерти. ПлатонЪ, послѣдуя Пиѳагору, думалЪ, что души по смерти возвращаются вЪ тѣла, какЪ видно изЪ Тимея и изЪ послѣдней книги о республикѣ, и вЪ Федрѣ.

(2) Сіе мнѣніе ПлатонЪ. Порфирій пишетЪ о себѣ, что онЪ вЪ десятый годЪ государствованія Галіенова вЪ РимЪ изЪ Греціи пришелЪ, когда Плотину уже было отЪ роду пятьдесятЪ девять лѣтЪ, и учился у него пять лѣтЪ. ПлотинЪ же Платонову мнѣнію послѣдовалЪ вЪ томЪ, что души возвращаются вЪ тѣла. И такЪ должно читать—такЪ: сего мнѣнія держался ПлатонЪ и ПлотинЪ.

На главу двадесять четвертую.

(1) Оное какимЪ образомЪ разумѣть. Извѣстно, что ПлатонЪ почиталЪ, что мірЪ отЪ Бога созданЪ. ВпрочемЪ не извѣстно о его мнѣніи, такЪ ли онЪ думалЪ, что мірЪ нѣсколько вѣковЪ назадЪ сотворенЪ, или во времени не имѣлЪ начала. Крантору же, Плотину, Порфирію, Ямвлиху, Прокулу, Макровію, ПлатоническимЪ послѣдователямЪ, за благо разсудилось вѣрить, что мірЪ Платонической былЪ вѣчной. СЪ ними согласенЪ ЦенсоринЪ, который увѣряетЪ, что сего мнѣнія были ПиѳагорЪ и его послѣдователи, которымЪ ПлатонЪ вЪ разсужденіи природы послѣдовалЪ.

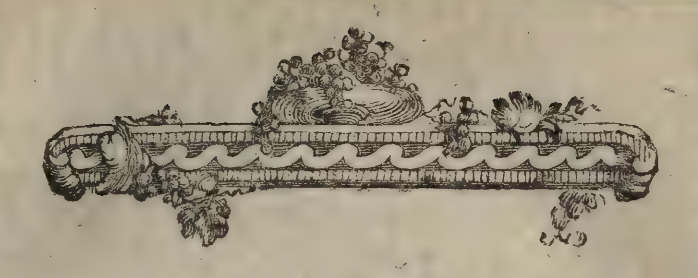
На главу двадесять пятую.

(1) Ни отъ нравовъ Индійцовъ и ученія. Гимнософистовъ и Брахмановъ, которые много дѣлали чуднаго и многому удивленія достойному учили.

(2) Всѣмъ народамъ. Благочестіе наше не нѣкоторому одному народу предано, какъ было Іудейское, но всему роду человѣческому. Никого не изключаетъ, всѣмъ спастися онымъ позволяется, и безъ него никому. И каждой народъ не особое имѣетъ благочестіе, какъ было у язычниковъ; ибо иные боги и инаковымъ образомъ почитаемы были у Римлянъ, нежели у Грековъ; иные были у Галловъ, Испанцовъ, Скиѳовъ, Индѣйцовъ, Персовъ и Египтянъ. Всѣ же народы, принявшіе Христіянство, одного Бога почитаютъ и тою же жертвою.

(3) Тогда Порфирій еще въ живыхъ находился. Жилъ при Діоклитіанѣ Императорѣ, который жестоко Христіянъ гналъ.

БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА, ИППОНІЙСКАГО ЕПИСКОПА, *КЪ МАРКЕЛЛИНУ*

О градѣ Божіемъ.

КНИГА XI.

Глава первая.

О той части сочиненія, въ коей двухъ градовъ, то есть небеснаго и земнаго, о началѣ и кончинѣ начинаетъ изъяснять.

Градомъ Божіимъ называемъ, о которомъ Писаніе свидѣтельствуетъ, не случайнымъ движеніемъ сердца, но строеніемъ высочайшаго Промысла паче всѣхъ писаній языческихъ всѣ разумы людскіе Божественною своею важностію себѣ покорившее. Ибо въ немъ написано: *Преславная глаголашася о тебѣ, граде Божій.* И въ другомъ Псалмѣ читаемъ: *Велій Господь и хваленъ зѣло, во градѣ Бога нашего, въ горѣ святѣй его благокореннымъ радованіемъ всея земли.* Въ Латинскомъ: *распространяющій радованіе всея земли.* И нѣсколько ниже въ томъ же

Псалмѣ: *Якоже слышахомъ, тако и видѣхомъ, во градѣ Господа силъ, во градѣ Бога нашего. Богъ основа и въ вѣкъ.* Также и во иномъ: *Рѣчная устремленія веселятъ градъ Божій, освятилъ есть селеніе свое Вышній: Богъ посредѣ его, и не подвижится.* Отъ сихъ и подобныхъ свидѣтельствъ, которыя предлагать не терпитъ время, познали мы градъ Божій, коего гражданами быть желаемъ, тою горя къ нему любовію, которую Творецъ и Основатель онаго намъ вдохнулъ. Сему Создателю святаго града граждане земнаго града боговъ своихъ предпочитаютъ, не зная, что Онъ есть Богъ боговъ, не боговъ ложныхъ, то есть нечестивыхъ и гордыхъ, которые неизмѣннаго и всѣмъ общаго свѣта лишены, и въ бѣдное состояніе власти низринуты будучи, частно нѣкакъ свою силу являютъ, и честей Божескихъ отъ прельщенныхъ ими требуютъ; но боговъ святыхъ, которые наипаче самихъ себя покарять единому, нежели себѣ многихъ, Бога наипаче почитать, нежели за Бога почитаемымъ быть за удовольствіе себѣ поставляютъ. Но сего святаго града врагамъ вышеписанными десятьми книгами, сколько въ насъ силъ было, при помощи Господа и Царя нашего отвѣтствовали. Теперь же, вѣдая, что требуется отъ меня, и памятуя свой долгъ, полагая надежду на Господа и Царя нашего, предпринимаю открыть о началѣ,

ра-

распространенiи и кончинѣ двухъ градовъ, то есть земнаго и небеснаго, которые въ семъ вѣкѣ смѣшаны между собою; и вопервыхъ изъясню, какимъ образомъ начала сихъ двухъ градовъ предварили въ различiи Ангеловъ.

Глава вторая.

О познанiи Бога, къ которому познанiю никто отъ человѣкъ не достигнулъ, какъ только Ходатаемъ Бога и человѣковъ Человѣкомъ Iисусомъ Христомъ.

Великимъ дѣломъ есть и рѣдкимъ, разсуждая о всей тѣлесной и безтѣлесной твари и находя оную измѣняемою, возвыситься разумомъ и достигнуть до неизмѣняемаго Божiя существа, и оттуда познать, что всякая природа не отъ инаго кого, какъ только отъ Него сотворена. Ибо такимъ образомъ Богъ съ человѣкомъ не чрезъ тварь нѣкоторую тѣлесную говоритъ, тѣлесному внушая слуху, дабы между тѣмъ, который говоритъ, и тѣмъ, который слышитъ, воздушное разстоянiе поражаемо было; ни чрезъ таковой образъ духовной, которой тѣлъ подобiемъ образуется, какъ-то во снѣ, или другимъ какимъ ни есть способомъ; ибо и такимъ образомъ какъ бы тѣлеснымъ ушамъ говоритъ, понеже какъ бы чрезъ тѣло говоритъ, и какъ бы чрезъ посредство тѣлесныхъ мѣстъ, ибо таковыя видѣнiя крайнѣ подо-

бны тѣлеснымъ: но говоритъ самою истинною, ежели кто способенъ къ слышанію разумомъ, а не тѣломъ. Ибо Богъ той части человѣка говоритъ, что въ человѣкѣ изъ всѣхъ частей, изъ коихъ онъ состоитъ, есть лучшая, которой одинъ Богъ лучше. Понеже когда разумѣемъ, или ежели тому быть не можно, по крайней мѣрѣ вѣримъ, что человѣкъ по образу Божію созданъ: то конечно онъ Всевышнему Богу тою своею частію приближается, коею преодолѣваетъ другія свои худшія части, кои имѣетъ общими съ безсловесными. Но понеже самая душа, которая отъ природы имѣетъ разумъ, пороками нѣкоторыми мрачными и застарѣлыми немощна есть, не только чтобъ наслаждаться, но и сносить неизмѣняемый свѣтъ, покуда, день отъ дня возобновившись и уврачевавшись, возможетъ вмѣстить толикое благополучіе. Вѣрѣ прежде наставлена и оною очищена быть долженствуетъ, въ которой дабы непоколебимѣе шествовала къ истиннѣ, то самая истинна Богъ, Сынъ Божій, воспріявъ человѣка, однако не измѣнивъ Божества, ту же уставилъ и основалъ вѣру, дабы путь человѣку къ Богу былъ, Богочеловѣкомъ. Ибо чрезъ то и Ходатай, чрезъ то и человѣкъ, чрезъ то и путь. Понеже естьли кто идетъ между имъ и тѣмъ, куда идетъ, то путь есть средній, и надежда

есть

есть желаемаго достигнуть; ежели же не будетъ, или не извѣстенъ будетъ, что пользы знать, куда итти надлежитъ? Единъ же есть путь противъ всѣхъ заблужденій наибезопаснѣйшій, дабы самъ Богъ тѣмъ былъ и человѣкъ. Куда путь лежитъ, Богъ; откуда лежитъ, человѣкъ.

Глава третія.

О изящности правильнаго писанія, богодухновеннымъ образомъ написаннаго.

Сей (духъ) вопервыхъ чрезъ Пророковъ, потомъ самъ собою, наконецъ чрезъ Апостоловъ, сколько благоизволилъ, говорилъ, и составилъ писаніе, которое правильнымъ называется наидостовѣрнѣйшее, которому мы въ тѣхъ вещахъ вѣримъ, коихъ не знать не должно, и которыхъ сами собою познать мы не въ состояніи. Ибо ежели оныя знать можно свидѣтельствомъ нашимъ, которыя удалены отъ чувствъ нашихъ какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ, откуда и настоящими, Præsentia, называются, поелику мы такъ оныя чувствамъ подлежащими признаваемъ, какъ видимыя вещи почитаемъ предъ очами: то всенепремѣнно въ тѣхъ вещахъ, кои удалены отъ нашихъ чувствъ, понеже мы нашимъ свидѣтельствомъ познать не можемъ, объ оныхъ другихъ свидѣтелей ищемъ, и тѣмъ вѣримъ, о коихъ не сомнѣваемся, что

оныя

оныя вещи отъ ихъ чувствъ удалены не суть и не были. И какъ въ видимыхъ вещахъ нами невидѣнныхъ тѣмъ вѣримъ, которые видѣли, такъ и о прочемъ, которое къ своему особенному тѣлесному чувству относится; такъ и въ тѣхъ, которыя сердцемъ чувствуемъ и разумомъ, понеже и сіи чувствами называются, откуда и мнѣніе, Sententia, имя получила, то есть въ невидимыхъ, которыя отъ нашего внѣшняго чувства удалены, тѣмъ должно намъ вѣрить, которые сія въ ономъ безплотномъ свѣтѣ опредѣленными и устроенными видѣли, или видятъ пребывающими.

Глава четвертая.

О мірѣ, что онъ ни непремѣненъ, ни новымъ Божіимъ устроенъ совѣтомъ, какъ будто бы послѣ того восхотѣлъ, чего прежде не хотѣлъ.

Изъ всѣхъ видимыхъ наивеличайшимъ есть міръ, изъ всѣхъ невидимыхъ наивеличайшимъ есть Богъ. Но міръ мы видимъ, а тому, что Богъ есть, вѣримъ. Что же Богъ міръ сотворилъ, въ томъ никому иному безопаснѣе не вѣримъ, какъ самому Богу. Гдѣжъ мы Его о томъ слышали? Нигдѣ лучше, какъ въ Священномъ Писаніи, гдѣ сказалъ Его Пророкъ: *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю.* Не уже ли сей Пророкъ тамъ былъ, когда сотворилъ Богъ небо и зем-

землю? Никакъ, но тамъ была премудрость Божія, которою все содѣлано; которая преселяется въ души святыхъ; которая друговъ Божіихъ и Пророковъ поставляетъ, и имъ дѣла свои тайно повѣдаетъ. Возвѣщаютъ также святымъ мужамъ и *Ангелы* святые, которые *выну видятъ лице Отца*, и открываютъ волю Его, кому должно. Изъ числа сихъ былъ одинъ Пророкъ, который сказалъ и написалъ: *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*, который столь есть несомнительнымъ свидѣтелемъ, чрезъ котораго Богу вѣрить надлежитъ, что тѣмъ же Духомъ Божіимъ, коего откровеніемъ сіе позналъ, за нѣсколько вѣковъ предсказалъ и то, что вѣра наша быть имѣетъ. Но почто Богъ вѣчный благоволилъ сотворить небо и землю, которыхъ прежде не сотворилъ? Которые сіе говорятъ, ежели почитаютъ, что міръ былъ вѣченъ, безъ всякаго начала, и потому акибы не отъ Бога сотворенъ, тѣ совсѣмъ удалились отъ истинны и смертоносною нечестія болѣзнію заражены. Ибо, выключая Пророческіе гласы, міръ самъ порядочнымъ своимъ измѣненіемъ и движеніемъ, и видимыхъ всѣхъ прекраснымъ видомъ молча вопіетъ, что онъ сотворенъ отъ Бога невидимаго и неизреченно великаго и неисповѣдимо велелѣпнаго, и что инаково онъ быть не могъ. А которые признаются, что міръ отъ Бога сотворенъ, однако утверждаютъ, что онъ имѣетъ начало творенія

сво-

своего, а не времени, такЪ что нѣкоторымЪ непонятнымЪ образомЪ онЪ всегда былЪ сотвореннымЪ: тѣ хотя нѣчто говорятЪ, дабы защитить Бога отЪ случайнаго стремленія, дабы то есть кто не подумалЪ, что Богу нечаянно и внезапно пришло вЪ разумЪ, чего прежде не приходило, сотворить мірЪ, и что прибыла Ему новая воля и хотѣніе, когда ОнЪ ни вЪ чемЪ неизмѣняемЪ; но не вижу, какЪ можетЪ сей ихЪ доводЪ устоять вЪ прочихЪ вещахЪ, особливо вЪ разсужденіи души, которую когда равновѣчною Богу поставляютЪ, то откуда прибыла душѣ новая бѣдность, которой во всей вѣчности она не имѣла: сего никакимЪ образомЪ изъяснить они не могутЪ. Ибо ежели скажутЪ, что бѣдность сЪ блаженствомЪ душа попеременно имѣла, то должны будутЪ сказать, что оныя попеременно и впредь имѣть будетЪ, откуда такое произойдетЪ безмѣстіе, что душа, почитаемая блаженною, чрезЪ то блаженною не будетЪ, когда будущую свою бѣдность и гнусность предвидитЪ. ЕжелижЪ не предвидитЪ своей будущей бѣдности и гнусности, но почитаетЪ себя всегда блаженною, то она по причинѣ ложнаго мнѣнія не блаженна, котораго ничего безумнѣе сказать не можно. Ежели же думаютЪ, что душа вЪ безконечныхЪ вѣкахЪ прежде измѣняла блаженство и бѣдность, но нынѣ, когда уже свободится отЪ бѣдности, кЪ бѣдности возвра-

шить-

титься не имѣетъ: при всемъ томъ принуждены будутъ признаться, что душа никогда не была блаженна, но только начинаетъ быть блаженною; и тѣмъ утвердятъ, что ей прибываетъ нѣчто новое и сіе великое и знаменитое, котораго она не имѣла никогда чрезъ всю вѣчность. Сей новости причины, ежели скажутъ, что Богъ не имѣлъ въ вѣчномъ своемъ совѣтѣ, то тѣмъ самимъ отринутъ и то, что Онъ есть Творцемъ блаженства, что знакомъ будетъ беззаконнѣйшаго нечестія. Ежелижъ скажутъ, что Богъ новымъ совѣтомъ утвердилъ, дабы душа на вѣки была блаженною, то какъ они докажутъ намъ, что Богъ не подлежитъ измѣненію, которое и имъ неугодно? Ежели же признаются, что душа во времени сотворена, но ни въ какое время конца имѣть не будетъ, то есть истинное и прямое начало имѣетъ, но конца не имѣетъ; и потому однажды испытавъ бѣдность, ежели отъ оной свободится, то никогда бѣдною быть не имѣетъ: думаю никогда не усомнятся, что сіе бываетъ при неизмѣняемости совѣта Божія. Пускай же такимъ образомъ вѣрятъ, что міръ во времени сотворенъ, однако Богъ въ твореніи онаго вѣчнаго своего совѣта и хотѣнія не измѣнилъ.

Глава пятая.

О безчисленныхъ временахъ прежде сотворенія міра столь же не должно помышлять, сколько и о безконечности мѣстъ.

Потомъ разсмотрѣть надлежитъ, что тѣмъ, которые Бога Творцемъ вселенныя признаютъ; однако вопрошаютъ о времени міра, и что они намъ о мѣстоположеніи онаго отвѣтствовать должны. Ибо вопрошаютъ, для чего наипаче тогда, а не прежде сотворенъ: такъ какъ и ихъ вопросить можно, для чего на семъ наипаче мѣстѣ, гдѣ онъ есть, а не на иномъ сотворенъ? Ибо ежели помышляютъ о безконечныхъ временахъ, прежде міра бывшихъ, въ которыя непристойнымъ имъ кажется, дабы Богъ ничего не дѣлалъ: то пускай равно помышляютъ о безмѣрности мѣстъ внѣ міра, о которыхъ ежели сказалъ бы кто нибудь, что Богъ всемогущій не могъ въ нихъ не дѣлать чего либо, то не послѣдуетъ ли изъ того, дабы признать, или лучше сказать, бредить съ Епикуромъ, что безчисленные суть міры, съ тѣмъ только различіемъ, что Епикуръ объ оныхъ мірахъ утверждаетъ, что оные случайнымъ несѣкомыхъ движеніемъ раждаются и разрушаются; а сіи скажутъ, что отъ Бога сотворены, ежели не захотятъ допустить, что Богъ въ некончаемой безмѣрности мѣстъ внѣ міра ничего не дѣлаетъ, и что оные міры,

міры, какъ и о семъ думаютъ, никакою причиною разрушиться не могутъ. Ибо мы съ тѣми словопрѣніе имѣемъ, которые и Бога безплотнымъ, и всѣхъ природъ, которыя не суть то, что Онъ, Творцемъ съ нами признаваютъ. Другіе же недостойны того, дабы допущены были къ стязанію сему о благочестіи, которые многимъ богамъ за долгъ почитаютъ приносить жертвы. Сіи философы прочихъ знатностію и важностію превзошли не по другому чему либо, какъ только что они хотя и удалены отъ насъ въ разсужденіи своихъ мнѣній, однако прочихъ несравненно ближе. Не уже ли они скажутъ, что Божіе существо, котораго они ни заключаютъ, ни ограничиваютъ, ни распростираютъ мѣстомъ, но о немъ, какъ о Богѣ разумѣть должно, говорятъ то есть, что безплотнымъ своимъ присутствіемъ вездѣ все; внѣ міра въ безмѣрныхъ пространствахъ не присутствуетъ, а только въ разсужденіи безмѣрности оной въ маломъ мѣстѣ, въ коемъ находится міръ, упражняется? Не думаю, чтобъ они до такой дошли глупости. И такъ когда признаютъ, что одинъ міръ великости ужасной, однако конецъ и предѣлы имѣющій Богъ сотворилъ, что въ отвѣтъ предлагаютъ о безконечныхъ внѣ міра мѣстахъ, для чего Богъ въ оныхъ ничего не дѣлаетъ: тоже пускай въ отвѣтъ слышатъ о безконечныхъ прежде міра временахъ, для чего Богъ

вЪ оныя ничего не сотворилЪ. И какЪ не слѣдуетЪ сказать, аки бы по случаю наипаче, а не разумомЪ БогЪ устроилЪ мірЪ сей на семЪ мѣстѣ, когда предЪ другими безчисленными пространными мѣстами ничѣмЪ сіе не превосходнѣе, хотя разума Божія, коимЪ устроенЪ мірЪ, никакій умЪ смертныхЪ постигнуть не вЪ состояніи: такЪ равно не слѣдуетЪ сказать, что Богу нѣчто прибыло случайное, что ОнЪ вЪ то время, а не прежде сотворилЪ, когда безмѣрное временЪ множество, щитая назадЪ, прошло, и не было различія кЪ предпочтенію одного времени предЪ другимЪ. ЕжелижЪ скажутЪ, что суетны суть помышленія человѣческія, которыя внушаютЪ, что безчисленныя внѣ міра находятся мѣста, когда внѣ міра нѣтЪ ни одного мѣста: то вЪ отвѣтЪ и мы скажемЪ, что безумны тѣ помышленія, которыя воображаютЪ о прошедшихЪ прежде міра временахЪ, когда никакого времени не было прежде міра.

Глава шестая.

Творенія міра и временЪ одно есть начало, и одно другаго не предваряетЪ.

Ежели правильно различаются между собою вѣчность и время, понеже время не можетЪ быть безЪ нѣкотораго движенія; вЪ вѣчности же нѣтЪ никакой перемѣны: то кто не видитЪ, что не было бы временЪ,

ежели

ежели бы не было твари, которая бы что либо каковымъ ни есть движенiемъ измѣняла? Сему движенiю и измѣненiю то и другое, которыя вкупѣ быть не могутъ, уступаетъ и наступаетъ, въ кратчайшiя, или должайшiя разстоянiя, время послѣдуетъ. И такъ когда Богъ, въ коего вѣчности нѣтъ никакого измѣненiя, Творцемъ есть временъ и Строителемъ, то я не разумѣю, какимъ образомъ можно сказать, что Онъ по многихъ временахъ создалъ мiръ; развѣ только скажетъ кто, что прежде мiра была какая нибудь тварь, коея движенiемъ текли времена. Но когда Священное Писанiе и неложное такъ говоритъ: *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*, и даетъ знать, что ничего прежде не было; понеже о томъ бы наипаче сказано было, что въ началѣ сотворено, которое прежде всего сотвореннаго было сотворено: то безъ сомнѣнiя сказать можно, что мiръ сотворенъ не во времени, но со временемъ. ибо что дѣлается во времени, оное бываетъ и послѣ и прежде времени, то есть послѣ времени прошедшаго и прежде будущаго. Но прежде мiра не могло быть прошедшаго, понеже не было никакой твари, которыя измѣняемыми движенiями оное размѣрялося и продолжалося. Со временемъ же сотворенъ мiръ, такъ какъ и порядокъ первыхъ шести, или седми дней себя показываетъ, въ которыхъ упоминаются ве-

 черъ

черЪ и утро, покуда все, что БогЪ вЪ пять дней сотворилЪ, вЪ шестый совершилось и вЪ седьмый описывается тайна покоя, которые дни каковы были, или трудно, или и не возможно помыслить, кольми паче изъяснить.

Глава седьмая.

О качествѣ первыхЪ дней, о коихЪ повѣствуется, что вечерЪ и утро имѣли.

ВидимЪ, что наши дни обыкновенные не имѣютЪ вечера, естьли не зайдетЪ солнце; ни утра, естьли не взойдетЪ оное. ИзЪ оныхЪ же первыхЪ дней три безЪ солнца совершились; ибо солнце вЪ четвертый день сотворено. И вопервыхЪ повѣствуется, что словомЪ БожiимЪ сотворенЪ свѣтЪ, и учинено раздѣленiе между имЪ и тьмою, и что БогЪ свѣтЪ назвалЪ днемЪ, а тьму нощiю. Но какой оный свѣтЪ, и какимЪ измѣненiемЪ, и каковый вечерЪ и утро производилЪ, оное скрыто отЪ нашихЪ чувствЪ и не можетЪ постигнуто быть нами такЪ, какЪ оно вЪ самой вещи было; однако безЪ всякаго сомнѣнiя вѣрить тому должно. Ибо или свѣтЪ какой либо былЪ вещественный вЪ горнихЪ мiра частяхЪ, отЪ зрѣнiя нашего удаленный, или изЪ котораго составлено солнце; или подЪ именемЪ свѣта означенЪ святый градЪ вЪ святыхЪ АнгелахЪ и блаженныхЪ духахЪ, о кото-

которомъ говоритъ Апостолъ: *Горній же Іерусалимъ мать наша пѣчень на невеси.* Говоритъ также и на другомъ мѣстѣ: *Вси бо вы сынове свѣта есте и сынове Божіи: несмы нощи ни тьмы.* Однако бываетъ и вечеръ сего дня и утро: понеже знаніе твари въ сравненіи знанія Творца какъ бы вечеръ. Также бываетъ какъ бы утро, когда и самое относится къ хвалѣ и любви Творца. И въ нощь не превращается, когда Творецъ отъ твари любимъ быть не престаетъ. Притомъ когда Писаніе всѣ оные дни описываетъ порядкомъ, то нигдѣ не употребило слова нощи; ибо нигдѣ не говоритъ: бысть нощь, но *бысть вечеръ, и бысть утро день единъ.* Такимъ образомъ второй и прочіе. Ибо познаніе твари въ самой себѣ не столь совершенно, нежели когда оная познавается въ Божіей премудрости, какъ въ художествѣ, коимъ она приведена въ бытіе. Того ради пристойнѣе вечеромъ, нежели нощію назваться можетъ, которое однако, какъ я сказалъ, когда относится къ хвалѣ и любви Творца, тогда возвращается ко утру; и когда познаніе сіе простирается до самаго себя, тогда бываетъ день единъ. Когда до тверди, которая между водами превыспренними и нижними состоя, небомъ называется, бываетъ день вторый. Когда до земли и моря и всѣхъ раждающихся отъ корней земныхъ, день третій. Когда до свѣ-

тилъ великихъ и малыхъ, день четвертый. Когда до всѣхъ животныхъ водныхъ, плавающихъ и летающихъ, день пятый. Когда до всѣхъ животныхъ земныхъ и самаго человѣка, день шестый.

Глава осьмая.

Какъ разумѣть должно оныя слова: почи Богъ въ день седьмый, совершивъ дѣла своя въ шесть дней.

Когда же пишется, что *почи Богъ въ день седьмый отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, и освяти его*: то не по младенчески оное разумѣть должно, аки бы Богъ утрудился творенiемъ, который сказалъ, и все въ бытiе произошло умнымъ Его и присносущнымъ словомъ, а не произносным и временнымъ; но упокоенiе Божiе означаетъ упокоенiе тѣхъ, которые упокоеваются въ Богѣ. Какъ радость дому означаетъ радость тѣхъ, кои радуются въ домѣ, хотя радостными ихъ не домъ, но другая какая либо вещь дѣлаетъ: кольми паче естьли тотъ же самый домъ красотою своею увеселяетъ живущихъ въ немъ, что не только въ ономъ образѣ реченiя, когда называемъ веселымъ для означенiя чрезъ содержащее содержимаго, такъ какъ говоримъ: плещутъ ѳеатры, когда не они, но люди въ нихъ плещутъ; но и въ ономъ, когда означаемъ чрезъ дѣйствующее дѣйствуемое, какъ называемъ радостнымъ письмо,

письмо, означая тѣхъ радость, коихъ оное по прочтенiи дѣлаетъ веселыми. И такъ весьма пристойно, когда Пророческое повѣствуетъ писанiе почившимъ Бога, означается покой тѣхъ, кои въ Немъ покоются и коихъ Онъ покоитъ. Сiе и людямъ, коимъ говоритъ, и ради коихъ писанiе написано, обѣщаетъ Пророческiй гласъ, что и они по совершенiи добрыхъ дѣлъ, которыя въ нихъ и чрезъ нихъ дѣлаетъ Богъ, ежели въ сей жизни чрезъ вѣру приближатся къ Богу, то въ Немъ будутъ имѣть покой вѣчный. Сiе самое и недѣланiемъ въ субботу по заповѣди законной въ древнемъ Божiемъ народѣ прообразовано, о чемъ на своемъ мѣстѣ обстоятельнѣе и тщательнѣе поговорить намѣренъ.

Глава девятая.

О сотворенiи Ангеловъ что надлежитъ думать по свидѣтельству Священнаго Писанiя.

Теперь поелику я предпринялъ говорить о началѣ святаго града, то за благо разсудилъ прежде предложить о Ангелахъ, которые не малою частiю суть сего града, и тѣмъ блаженнѣйшею, понеже они никогда не странствовали; и о томъ свидѣтельства Священнаго Писанiя, сколько будетъ довольно, предложить и изъяснить потщуся. Когда Священное Писанiе о устроенiи мiра говоритъ, то не ясно описывается, сотворены ли и ка-

какимЪ образомЪ сотворены Ангели. Но ежели они не пропущены, то или подЪ именемЪ неба, когда сказано: *ВЪ началѣ сотвори БогЪ небо и землю*; или наипаче свѣта сего, о которомЪ говорю, они означены. Но что они не пропущены, тому подкрѣпленіе я беру изЪ того, что написано: *Почи БогЪ вЪ день седьмый отЪ всѣхЪ дѣлЪ своихЪ, яже сотвори*, когда книга самая такЪ начата, *ВЪ началѣ сотвори БогЪ небо и землю*, такЪ что прежде неба и земли ничего по видимому не сотворилЪ. Когда же отЪ неба и земли началЪ, и самая земля, которую сотворилЪ, какЪ Священное Писаніе открываетЪ, была невидимою и неустроенною, и прежде сотворенія свѣта конечно тьма была верьху бездны, то есть верьху нѣкотораго земли и воды неразлучнаго смѣшенія: ибо гдѣ нѣтЪ свѣта, тамЪ необходимо должно быть тьмѣ; потомЪ когда все твореніемЪ устроено, которое совершеннымЪ вЪ шесть дней описывается, то какимЪ бы образомЪ пропущены были Ангели, какЪ будто бы они не были изЪ числа дѣлЪ Божіихъ, отЪ коихЪ БогЪ почилЪ вЪ день седьмый? А что Ангели БожіимЪ суть дѣломЪ, о томЪ хотя здѣсь и не пропущено, однако не ясно изображено. Но на иныхЪ мѣстахЪ Священное Писаніе ясно свидѣтельствуетЪ; ибо вЪ пѣсни тріехЪ отроковЪ вЪ пещи, когда напреди сказано: *Благословите вся дѣла Господня Господа*, то между прочими дѣла-

ми

ми и Ангели положены. И въ Псалмѣ поется: *Хвалите Господа съ небесъ, хвалите его въ вышнихъ. Хвалите его вси Ангели его, хвалите его вся силы его. Хвалите его солнце и луна, хвалите его звѣзды и свѣтъ. Хвалите его небеса небесъ, и вода, яже превыше небесъ, да восхвалятъ имя Господне. Яко той рече, и быша, той повелѣ, и создашася.* И здѣсь также явственно Священное Писаніе открываетъ, что Ангели отъ Бога сотворены, когда воспомянувъ ихъ между прочими небесными, приложило ко всему: *той рече, и быша.* Кто дерзнетъ думать, что послѣ всѣхъ въ шесть дней исчисленныхъ Ангели сотворены? Но естьлибъ кто и такъ безумствовалъ, то тщетное мнѣніе его обличаетъ равное свидѣтельство Священнаго Писанія: *Егда сотворены быша звѣзды, восхвалиша мя гласомъ велiимъ вси Ангели мои.* Слѣдовательно были уже Ангели, когда сотворены звѣзды; сотворены же оныя въ четвертый день. Чтожъ? не уже ли скажемъ, что въ третій день Ангели сотворены? Никакъ; ибо извѣстно, что въ оной сотворено: земля отъ воды отдѣлена, и различные въ своемъ родѣ виды двѣ сіи стихіи приняли, и произвела земля отъ себя все то, что въ ней отъ корней раждается. Чтожъ? не уже ли во вторый? Ни мало; ибо тогда сотворена твердь между водами горними и долними, и наречена небомъ, на которой тверди устроены въ четвертый

 день

день свѣтила и звѣзды. И такъ ежели къ дѣламъ сихъ дней принадлежатъ Ангели, то они поистиннѣ суть онымъ свѣтомъ, который дня имя получилъ, котораго единство дабы представить, того ради не сказано день первый, но *день единъ*. И не иной есть вторый, или третій, или прочіе дни, но тотъ же самой *единый* къ дополненію шесточисленнаго, или седьмочисленнаго числа повторенный, ради шесточисленнаго, или седьмочисленнаго знанія; шесточисленнаго, то есть дѣлъ, которыя Богъ содѣлалъ; седьмочисленнаго, покоя Божія. Ибо когда сказалъ Богъ: *Да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ*; естьли прямо въ семъ свѣтѣ твореніе Ангеловъ разумѣется, то поистиннѣ стались они общниками и причастниками свѣта вѣчнаго, которымъ есть неизмѣняемая Божія Премудрость, которою сотворено все, которою мы называемъ единороднаго Божія Сына, дабы, тѣмъ свѣтомъ просвѣщены будучи, коимъ сотворены, были они свѣтомъ и нарицались бы днями по причастію того свѣта и дня, который есть Божіе Слово, коимъ и они и все сотворено. Ибо истинный свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка грядущаго въ міръ. Сіе просвѣщаетъ и всякаго чистаго Ангела, дабы онъ не самъ въ себѣ былъ свѣтомъ, но въ Богѣ, отъ котораго ежели отвратится Ангелъ, то бываетъ нечистымъ, таковымъ же, каковыми суть всѣ на-

называемые нечистые духи, которые уже не свѣтомъ суть въ Господѣ, но въ самихъ себѣ тьмою, лишены будучи причастія свѣта вѣчнаго. Ибо зла нѣтъ никакой природы, но лишеніе и потеряніе добра зла имя получило.

Глава десятая.

О простой и неизмѣняемой Троицѣ, Отца и Сына и Святаго Духа, единаго Бога, которыя не ино есть качество и не ино существо.

И такъ одно есть простое и неизмѣняемое благо Богъ. Отъ сего блага создано и сотворено всякое добро, но не простое, и потому измѣняемое. Сотворено, говорю, а не рождено; ибо что отъ простаго блага рождено, оное равно просто есть, и таково же есть, каково и родившее, коихъ мы называемъ Отцемъ и Сыномъ, и оба сіи съ Духомъ своимъ единымъ суть Богомъ, который Духъ Отца и Сына, Духъ Святый собственнымъ такъ именемъ въ Священномъ Писаніи называется. Иный есть Онъ отъ Отца и Сына, понеже Онъ ни Отцемъ есть, ни Сыномъ. Но я сказалъ, что Онъ есть инъ, а не иное; понеже и сіе равно простое и равно неизмѣняемое и совѣчное есть благо. И сія Троица единъ есть Богъ, и не непростъ; потому что троиченъ. Ни ради того естество сего

блага простымЪ называемЪ, понеже ОтецЪ вЪ ономЪ одинЪ, или одинЪ СынЪ, или одинЪ ДухЪ Святый: ибо Троица сія не по имени только, но и по особенности лицЪ раздѣляется, не какЪ Савелліаны думали еретики; но по тому простымЪ называется, понеже что имѣетЪ, тѣмЪ есть, выключая, что относительно всякое лице кЪ другому именуется. Ибо ОтецЪ имѣетЪ Сына, однако самЪ не СынЪ; и СынЪ имѣетЪ Отца, однако самЪ не ОтецЪ; и такЪ вЪ чемЪ же кЪ себѣ самому называется, а не кЪ другому, что имѣетЪ, такЪ какЪ самЪ кЪ себѣ именуется живущій, имѣя жизнь и будучи тою же жизнію. И такЪ потому естество простымЪ называется, которому не иное есть то, что имѣетЪ, котораго бы могло лишиться; и не иное есть имѣющее отЪ того, что имѣетЪ, какЪ сосудЪ нѣкоторую влажность, или тѣло цвѣтЪ, или воздухЪ свѣтЪ и жарЪ, или душа премудрость; ибо изЪ сихЪ каждое не есть тѣмЪ, что имѣетЪ: понеже ни сосудЪ есть влажностію, ни тѣло цвѣтомЪ, ни воздухЪ свѣтомЪ и теплотою, ни душа премудростію. И отсюда-то происходитЪ, что каждое изЪ сихЪ можетЪ лишиться тѣхЪ вещей, которыя имѣетЪ, и вЪ другія качества премѣниться, такЪ что и сосудЪ можетЪ быть пустымЪ, хотя былЪ и полонЪ, и тѣло иной принять цвѣтЪ, и воздухЪ помрачиться и охладѣть, и

душа

душа безумствовать. Ежели же будетъ тѣло нетлѣнное, каковое святымъ въ воскресеніи обѣщается, то правда, имѣетъ нетлѣнія неотъемлемое качество, но при бытіи существа тѣлеснаго не есть самымъ нетлѣніемъ; ибо оное во всѣхъ частяхъ тѣлесныхъ есть цѣлое, и не болѣе въ одномъ мѣстѣ, а въ другомъ менѣе. Ибо не нетлѣннѣе одна часть, нежели другая. Тѣло же самое болѣе есть во всемъ, нежели въ части; и когда иная часть есть болѣе, или менѣе, то та не нетлѣннѣе, которая болѣе, нежели та, которая меньше. И такъ иное есть тѣло, которое не вездѣ есть цѣлое; иное нетлѣніе, которое вездѣ есть цѣлое. Понеже всякая часть нетлѣнная тѣла, неравная прочимъ, равно есть нетлѣнною. Ибо на примѣръ, поелику перстъ есть меньше руки, однако не нетлѣннѣе рука, нежели перстъ. Такимъ образомъ хотя не равны суть рука и перстъ, однако нетлѣніе равно руки и перста. И потому хотя нетлѣніе отъ нетлѣннаго тѣла раздѣлиться и не можетъ, однако иное есть существо, по коему тѣло тѣломъ называется, иное качество, по которому нетлѣннымъ именуется. И того ради не есть тѣмъ самимъ душа, что имѣетъ, хотябъ она всегда была премудрою, какъ будетъ нѣкогда, когда отъ бѣдности свободится во вѣки. Ибо хотя и будетъ премудрою во вѣки, однако при-

ча-

частіемъ неизмѣняемой Премудрости премудрою будетъ, которая не есть то самое, что она. Понеже естьли бы воздухъ никогда свѣта не лищался, однако не можнобъ было сказать, что не иное есть онъ и не иное тотъ свѣтъ, которымъ освѣщается. Однако я не то говорю, аки бы воздухъ есть душа, каковыхъ мыслей были нѣкоторые, которые не могли вообразить себѣ безтѣлесной природы; но сіе съ онымъ хотя съ наивеличайшимъ несходствомъ имѣетъ подобіе, такъ что не неприлично сказать можно, что такъ просвѣщается душа безплотная свѣтомъ безплотнымъ простой премудрости Божіей, какъ освѣщается тѣло воздуха свѣтомъ тѣлеснымъ, и какъ воздухъ омрачается лишенный сего свѣта. Ибо называемая тьма какихъ либо тѣлесныхъ мѣстъ не что иное есть, какъ воздухъ, лишенный свѣта: такъ омрачается душа, лишена будучи свѣта премудрости. И такъ по сему называется оное простымъ, которое начально и прямо Божественно есть; поелику въономъ не иное есть качество, иное существо, и не причастіемъ другому или Божественно оно, или премудро, или блаженно. Впрочемъ въ Священномъ Писаніи названъ Духъ премудрости многоразличнымъ, потому что многое въ себѣ содержитъ; но что имѣетъ, тѣмъ онъ и есть, и всѣмъ онымъ есть единъ. Ибо не многія, но едина есть премудрость, въ

кото-

которой заключаются безчисленныя сокровища вещей разумѣваемыхъ, въ коихъ всѣ невидимыя и неизмѣняемыя причины вещей, также видимыхъ и измѣняемыхъ, сотворенныхъ ею, состоятъ: понеже Богъ не не вѣдая что либо сотворилъ, чего и о каждомъ художникѣ справедливо сказать не можно. Впрочемъ ежели Богъ, зная все, сотворилъ, то сотворилъ конечно оное, что зналъ. Отсюда приходитъ намъ на мысль нѣчто чудное, однако истинное, что сей міръ намъ вѣдомымъ быть не могъ бы, естьлибъ онаго не было; Богъ же ежели бы онаго не зналъ, то бы оный міръ бытія имѣть не могъ.

Глава перваянадесять.

Можно ли вѣрить, что того самого блаженства, которое Ангели святые отъ начала своего имѣли, и тѣ самые духи, кои въ истиннѣ не устояли, участниками были.

Когда сіе такъ, то никакъ разстояніемъ времени прежде не были духи оные тьмы, которыхъ Ангелами называемъ, но купно какъ сотворены, свѣтомъ стались. Однако не такъ они сотворены, дабы они были несовершенными въ бытіи, но просвѣщены, дабы они пребывали въ премудрости и блаженствѣ. Отъ сего просвѣщенія уклонившись нѣкоторые Ангели, не только не получили изящества премудрой и блаженной жизни, которая безъ сомнѣ-

мнѣнія вѣчна и о вѣчности своей свѣдуща и безопасна; но и мысленную жизнь, хотя премудрости непричастную, таковую имѣютъ, что ее лишиться не могутъ, хотя бы и желали. До коликаго же степени, прежде нежели они согрѣшили, оной премудрости были участниками, кто опредѣлить можетъ? Однако что равно участниками были сіи онымъ, которые истинно и совершенно блаженными суть, потому что ни мало въ своемъ блаженствѣ не обманываются, какимъ образомъ мы о томъ скажемъ, когда, естьлибъ они были въ ономъ равными, то и сіи пребыли бы въ вѣчности оной равно блаженными, понеже равно они о томъ были бы свѣдущими? Ибо жизнь какъ бы долговѣчною ни была, однако вѣчною жизнію назваться не можетъ, естьли конецъ имѣть будетъ. Ибо жизнь только отъ того наречена, когда что либо живетъ; вѣчною же неложно та только названа, которая конца имѣть не будетъ. Чего для хотя не все вѣчное есть блаженнымъ; ибо пишется, что и огнь геенскій есть вѣченъ; однако ежели истинно и совершенно блаженная жизнь не можетъ быть какъ только вѣчною, то не была таковою сихъ блаженная жизнь, поелику оная могла престать быть таковою, и потому она не вѣчна, хотябъ о томъ они знали, хотя не зная, инако думали: понеже знающимъ страхъ, не знающимъ заблужденіе и ошибка блаженными быть не попускали.

Естьли

Естьли же такъ они о семъ не знали, что ложнымъ и сомнительнымъ не довѣряли, но вѣчнымъ ли пребывать, или нѣкогда окончиться благо ихъ имѣетъ, ни на ту, ни на другую сторону съ твердымъ безсомнительствомъ не склонялись: то самое недознаніе о толикомъ благополучіи онаго совершенства блаженной жизни, каковому быть въ Ангелахъ вѣримъ, не имѣло. Ибо слово блаженной жизни не въ такой тѣснотѣ знаменованія мы принимаемъ, дабы сказали, что Богъ единъ блаженъ есть, которой однако такъ блаженъ, что большаго блаженства быть не можетъ, въ сравненіи съ которымъ, что Ангели суть блаженны, сказать можно, что они блаженны высокимъ блаженствомъ, каковое только въ Ангелахъ быть можетъ.

Глава вторая на десять.

О сравненіи блаженства праведныхъ, не получившихъ обѣщанія Божія награжденій съ блаженствомъ первыхъ въ раю людей прежде согрѣшенія.

И не сихъ только, что касается до разумной и умственной твари, блаженными называемъ. Ибо кто дерзнетъ сказать, что первые оные люди въ раю прежде паденія не были блаженными, хотя они о своемъ блаженствѣ, сколь оно долговременно, или вѣчно, не знали? Было же бы оно

вѣчнымъ, ежели бы они не согрѣшили, когда и нынѣ не несмысленно блаженными называемъ тѣхъ, коихъ видимъ праведно и благочестиво въ надеждѣ будущаго безсмертія сію жизнь препровождающихъ, которые удобно умоляютъ милосердіе Божіе о прощеніи имъ грѣховъ сея немощи; которые хотя о награжденіи за свою неизмѣнность и извѣстны, однако о самой неизмѣнности не вѣдаютъ. Ибо кто изъ людей можетъ знать, что онъ въ дѣйствіи и успѣхѣ въ правдѣ даже до конца пребудетъ, естьли не будетъ ему откровенно отъ того, который о томъ праведнымъ и сокровеннымъ судомъ не всѣмъ открываетъ, однако никого не обманываетъ. И такъ, что касается до утѣшенія настоящимъ добромъ, то блаженнѣе былъ первый человѣкъ въ раю, нежели всякой праведникъ въ смертной сей немощи. Чтожъ принадлежитъ до надежды будущаго блага, то блаженнѣе каждый во всякихъ мученіяхъ тѣлесныхъ, которому не собственная мысль внушаетъ, но неложная истинна открываетъ, что онъ конца неимѣющее и всякой прискорбности будетъ имѣть общество съ Ангелами по причастію Всевышнему Богу, нежели былъ первый человѣкъ, который въ толь великомъ благополучіи райскомъ не извѣстенъ былъ о своемъ паденіи.

Гла-

Глава третіянадесять.

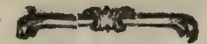
Такъ ли Ангели одинаковы сотворены, что не знали, что имѣютъ пасть тѣ, кои пали, и послѣ паденія тѣ, кои утвердились, неизмѣнности своей предвѣденіе получили.

Почему не трудно уже каждому понять, что изъ совокупленія сихъ двухъ составляется блаженство, котораго прямымъ намѣреніемъ разумная природа желаетъ, то есть, дабы и добромъ неизмѣняемымъ, которое есть Богъ, безъ прискорбности наслаждались, и что имѣетъ въ ономъ во вѣки пребывать, ни сомнѣвалась, ни обманывалась. Мы благочестно вѣримъ, что Ангели свѣта сіе имѣютъ, и заключаемъ, что сего не имѣли прежде паденія Ангели согрѣшившіе, которые по своей злобѣ онаго свѣта лишились; имѣли однако нѣкоторое непредвѣдущее блаженство, когда они были прежде грѣха. И ежели по видимому безмѣстно вѣрить, что Ангели такъ сотворены, что не имѣли предвѣденія какъ о неизмѣнности своей, такъ и паденія своего; а другіе такъ сотворены, дабы неложно вѣчность блаженства своего знали, но равнаго благополучія сперва были сотворены, и такимъ образомъ пребывали, доколѣ тѣ, кои нынѣ суть злыми, отъ онаго благости свѣта отпали своею волею: то безъ сомнѣнія безмѣстнѣе

того думать, что нынѣ Ангели святые вѣчнаго своего блаженства не знаютъ, и сами о себѣ самихъ не вѣдаютъ того, что мы о нихъ помощію Священнаго Писанія могли познать. Ибо кто изъ правовѣрныхъ Христіанъ не вѣдаетъ, что изъ благихъ Ангеловъ ни одинъ никогда діаволомъ впредь не будетъ, такъ какъ и то, что ни одинъ изъ діаволовъ въ общество благихъ Ангеловъ не возвратится? Понеже въ Евангеліи истинна обѣщаетъ вѣрнымъ святымъ, что они будутъ равны Ангеламъ Божіимъ, которымъ также обѣщано, что они пойдутъ въ жизнь вѣчную. И такъ ежели мы знаемъ, что никогда мы безсмертнаго онаго блаженства не отпадемъ, а они не знаютъ, то мы уже превосходнѣе ихъ, а не равны имъ будемъ. Но какъ истинна не лжетъ, и мы будемъ равны имъ, то всенепремѣнно и они знаютъ о вѣчномъ своемъ блаженствѣ, о которомъ поелику другіе оные не знали, ибо ихъ блаженство не было вѣчное, о коемъ бы знали, что оное конецъ имѣть будетъ: слѣдовательно остается сказать, что или не равны они были, или ежели равны, то послѣ паденія однихъ другіе получили знаніе о вѣчномъ своемъ блаженствѣ. Развѣ можетъ быть кто скажетъ то, что говоритъ Господь въ Евангеліи о діаволѣ: *Онъ человѣкоубійца бѣ искони, и по истинѣ не стоитъ*; разумѣть надлежитъ такъ, что не только

ко

ко онъ человѣкоубійца бѣ искони; то есть отъ начала человѣческаго рода, со времени, когда человѣкъ сотворенъ, котораго бы онъ могъ прельстивъ умертвить, но и отъ начала сотворенія своего во истиннѣ не стоитъ; и потому никогда блаженнымъ съ святыми Ангелами не былъ, не повинуяся своему Творцу, и своею властію какъ бы частною превознесшись, сталея лживымъ: понеже никогда отъ власти Всемогущаго убѣжать не можетъ. И которой чрезъ благоговѣйное покореніе не хотѣлъ прилѣпляться тому, что есть не ложно: тотъ чрезъ превозношеніе гордости желаетъ быть тѣмъ, чѣмъ не есть; и потому такимъ же образомъ разумѣть должно и то, что блаженный Іоаннъ Апостолъ говоритъ: *Отъ начала діаволъ согрѣшаетъ*, то есть съ того времени, какъ сотворенъ, отвергся правды, которой имѣть не можетъ, кромѣ благоговѣйной и повинующейся Богу воли. Сего мнѣнія кто держится, тотъ не съ оными еретиками умствуетъ, то есть Манихеями, или другими подобными пагубными людьми, которые думаютъ, что діаволъ свою нѣкоторую собственную отъ сопротиволежащаго начала имѣетъ природу зла, которые съ толикимъ неразуміемъ безумствуютъ, что когда Евангельскія оныя слова въ равномъ съ нами уваженіи имѣютъ, однако не внимаютъ, что Господь не сказалъ: истинны чуждъ былъ,

но во истиннѣ не устоялъ, въ которомъ мѣстѣ означаетъ, что онъ отъ истинны палъ, въ которой не устоялъ, и въ которой ежели бы пребылъ, то оной причастникомъ ставши, блаженнымъ съ святыми Ангелами осталсябъ.

Глава четвертаянадесять.

Въ какомъ смыслѣ сказано о діаволѣ, что онъ въ истиннѣ не устоялъ, яко истины нѣсть въ немъ.

Приложилъ же и доказательство, какъ будто бы на нашъ вопросъ, откуда бы показать, что во истиннѣ не устоялъ, и говорилъ: *яко нѣсть истины въ немъ.* Была же бы въ немъ, естьлибъ въ оной устоялъ. Сіе сказано не весьма употребительнымъ родомъ рѣчи; ибо смыслъ сихъ словъ по видимому таковъ: *по истинѣ не устоялъ, понеже нѣсть истины въ немъ*; какъ будто бы то было причиною, что онъ не устоялъ въ истиннѣ, понеже въ немъ истинны нѣтъ, когда напротивъ то есть виною, что въ немъ истинны нѣтъ, понеже онъ во истиннѣ не устоялъ. Но такого же рода рѣчь находится и во Псалмѣ: *Азъ воззвахъ, яко услышалъ мя еси Боже*; когда напротивъ сказать надлежало: услышалъ мя еси Боже, яко воззвахъ къ Тебѣ. Но когда сказалъ: *азъ воззвахъ*, какъ бы кто отъ него требовалъ отвѣта, дабы онъ

онъ показалъ, для чего воззвалъ, показываетъ оное отъ выслушанія Божія его вопля, какъ бы такъ сказалъ: отъ сего я доказываю, что воззвалъ, понеже Ты услышалъ мя еси.

Глава пятаянадесять.

Какъ разумѣть должно оное: искони діаволъ согрѣшаетъ.

И онаго также, что Іоаннъ о діаволѣ говоритъ: *искони діаволъ* (1) *согрѣшаетъ*, не разумѣютъ, что естьлибъ оное было природнымъ, то не было бы грѣхомъ. Но что отвѣтствуется Пророческими свидѣтельствами, или когда Исаія подъ образовательнымъ лицемъ Царя Вавилонскаго говоритъ, представляя діавола: *Како паде денница восходящая рано*; или что Іезекіиль: *Въ сладостѣхъ рая Божія былъ еси всякимъ каменіемъ драгимъ украшенный?* Здѣсь разумѣется, что нѣкогда былъ онъ безъ грѣха; ибо яснѣе ему говорится нѣсколько ниже: *Ходилъ по днехъ твоихъ безъ порока.* Сего ежели приличнѣе разумѣть не можно, то надлежитъ и сказанное сіе: *во истинѣ не устоялъ*, такъ разумѣть, что во истиннѣ былъ, но не пребылъ. И оное, что діаволъ искони согрѣшаетъ, не такъ изъяснять надобно, аки бы отъ начала сотворенія своего согрѣшаетъ, но отъ начала грѣха (2), поелику отъ гордости его

 начал-

начался грѢхЪ. И оное подобно, что написано у Іова, гдѣ рѣчь есть о діаволѣ: *Сей есть начало созданія Божія* (3) *сотворенъ поруганъ быти Ангелы его.* СЪ симЪ по видимому согласуетЪ ПсаломЪ, вЪ которомЪ написано: *Змій сей, егоже создалЪ еси ругатися ему.* Не такЪ почитать должно, дабы изЪ того заключать, что онЪ таковымЪ отЪ начала сотворенЪ, чтобЪ поругану ему быть отЪ АнгеловЪ, но сіе наказаніе по согрѣшеніи ему опредѣлено; слѣдовательно начало его есть твореніе Божіе. Ибо нѣтЪ ни одной самой дробной твари одушевленной, которую бы не БогЪ сотворилЪ, отЪ котораго начало имѣетЪ всякій образЪ, всякій порядокЪ, всякій видЪ, безЪ которыхЪ ни одной вещи ни найти, ни вообразить не можно, кольми паче Ангельское твореніе, которое все прочее сотворенное БогомЪ достоинствомЪ природы превосходитЪ.

Глава шестаянадесять.

О степеняхЪ и различіяхЪ тварей, что инакопо цѣнитЪ употребленіе пользы, инакопо порядокЪ разсудка.

ВЪ тѣхЪ вещахЪ, которыя какимЪ бы то образомЪ ни имѣли бытіе, но которыя однако не суть тѣмЪ, что БогЪ есть, отЪ котораго оныя сотворены, предпочитаются одушевленныя неодушевленнымЪ, такЪ

какЪ

какъ и тѣ, кои имѣютъ силу рожденія, предпоставляются онымъ, кои того не имѣютъ; и изъ тѣхъ, кои одушевлены, предполагаются чувствующія безчувственнымъ, такъ какъ животныя древамъ. Изъ чувствующихъ предпочитаются разумныя неразумнымъ, какъ на примѣръ люди скотамъ; и изъ тѣхъ, кои имѣютъ разумъ, предполагаются безсмертные смертнымъ, такъ какъ Ангели людямъ. Но сіе предпочтеніе есть по порядку природы. Находитсяжъ другой къ оцѣненію вещей способъ по употребленію человѣческому, по которому бываетъ, что чувства лишенные предпочитаемы бываютъ чувствомъ одареннымъ, такъ что ежели было бы можно, то оныя изъ природы вещей истребить бы желали, хотя по невѣденію на оное мѣсто вещь поставляя, хотя и знаемъ, но ниже выгодъ нашихъ полагаемъ. Ибо кто въ домѣ своемъ желалъ бы лучше имѣть мышей и блохъ, нежели хлѣбъ? Но сіе удивительно ли, когда въ оцѣненіи людей, коихъ природа неоцѣненна, дороже покупается конь, нежели рабъ; дорогой камень, нежели рабыня? Такимъ образомъ по свободности разсудковъ далеко отстоитъ разумъ разсуждающаго отъ нужды требующаго, или удовольствія желающаго, когда одинъ изъ нихъ разсуждаетъ, чего стоитъ вещь сама по себѣ въ степеняхъ вещей, нужда же размышляетъ

о томъ, чего ради чего желаетъ; и одинъ что истиннымъ свѣту мысли является, удовольствіе же ищетъ, что пріятностію своею увеселяетъ тѣлесныя чувства. Но столько въ природахъ разумныхъ силы имѣетъ воля и любовь, что когда природы по порядку Ангели людямъ, то закономъ правды люди добродѣтельные злымъ Ангеламъ предпочитаются.

Глава седьмаянадесять.

Порокъ злобы не отъ природы, но противъ природы, котораго виною не Творецъ, но хотѣніе.

И такъ разумѣемъ, что ради природы, а не ради злобы прямо сказано: *Сей есть начало созданія Божія.* Понеже безъ сомнѣнія порокъ злобы предварила безпорочная природа. Порокъ же есть противъ природы, который быть бы не могъ, естьлибъ не причинилъ вреда природѣ. И такъ не было бы порокомъ отступить отъ Бога, естьлибъ природѣ, которой есть оной порокъ, не было свойственно быть съ Богомъ. Почему злая воля великимъ есть свидѣтельствомъ доброй природы. Но Богъ какъ добрыхъ природъ есть благимъ Творцемъ, такъ хотѣній злыхъ праведнымъ Строителемъ, что когда оныя на зло употребляютъ добрыя природы, то Онъ во благо употребляетъ и злыя воли. И такъ сотворилъ, дабы діаволъ въ разсужденіи творе-

творенія Божія добрый, въ разсужденіи воли своей злый, долу низринутый поругаемъ былъ отъ Ангеловъ Божіихъ, то есть, дабы въ пользу служили его искушенія святымъ, которымъ оными хощетъ причинить онъ вредъ. И понеже Богъ, когда его сотворилъ, о будущей злобѣ его зналъ, и предвидѣлъ, какое добро изъ его зла сдѣлаетъ: чего для и Псаломникъ говоритъ: *Змій сей, егоже создалъ еси ругатися ему*, дабы разумѣли мы, что Богъ въ разсужденіи его хотя сотворилъ по своей благости онаго добрымъ, уже своимъ предвѣденіемъ пріуготовилъ, какъ его употреблять и злаго.

Глава осьмаянадесять.

О благолѣпіи вселенныя, которое строеніемъ Божіимъ изъ противоположеній яснѣе открывается.

Понеже Богъ никого не только изъ Ангеловъ, но ни изъ людей не сотворилъ бы, котораго предузналъ злобу будущую, естьли бы не зналъ употребить ихъ во благо, и такимъ образомъ порядокъ вѣковъ какъ бы прекрасный стихъ изъ нѣкоторыхъ какъ бы противоположеній сочинить. Ибо противоположенія въ украшеніи рѣчи весьма пристойны. У насъ сіе слово (антитета) не употребительно, однако и Латинская рѣчь таковымижъ украшенія

шенія принимаетъ, или лучше сказать діалекты всѣхъ народовъ. Сими противоположеніями и Павелъ Апостолъ во второмъ посланіи къ Коринѳяномъ оное мѣсто прекрасно изъясняетъ, когда говоритъ: *Оружіи правды десными и шуими, славою и безчестіемъ, гажденіемъ и благохваленіемъ, яко лестцы и истинны, яко не знаеми и познаваеми, яко умирающе и се живи есмы, яко скорбяще, присно же радующеся: яко нищи, а многихъ богатяще: яко ничтоже имуще, а вся содержаще.* И такъ ежели противная противнымъ противоположенная въ рѣчахъ составляетъ красоту: такъ противоположеніемъ не словъ, но вещей благолѣпіе вѣка составляется. Явственно сіе положено въ книгѣ Екклезіаста такимъ образомъ: *Противъ зла благое, и противъ смерти животъ, такъ противъ благочестиваго грѣшникъ.* Такимъ образомъ разсмотри всѣ дѣла Всевышняго, по два и по единому.

Глава девятаянадесять.

Какъ разсуждать должно объ ономъ, что написано: и разлучи Богъ между свѣтомъ и между тьмою.

И хотя Божественнаго слова невразумительность и къ тому полезна, что многія раждаетъ истинныя мнѣнія и на свѣтъ изводитъ, когда одинъ такъ, другой инако

ко оное разумѣетъ; однако такъ, что въ невразумительномъ мѣстѣ нѣсколько постигаемое или свидѣтельствомъ явныхъ вещей, или другими мѣстами ясными и безсомнительными доказываемо было. Или когда много изслѣдываемо бываетъ, къ тому достигаетъ, что думалъ писатель; или хотябъ оное было и скрыто, но по случаю изъясняемой невразумительной глубины другое нѣчто истинное открывается. Мнѣ не безмѣстнымъ отъ дѣлъ Божіихъ мнѣніемъ кажется разумѣть, что когда свѣтъ оный первый сотворенъ, тогда сотворены Ангели, и что между Ангелами святыми и нечистыми сдѣлано раздѣленіе, когда сказано: *И разлучи Богъ между свѣтомъ и между тьмою, и нарече Богъ свѣтъ день, и тьму нарече нощь.* Ибо Онъ одинъ могъ сіе разлучать, который могъ прежде паденія предвидѣть, что имѣютъ пасть, и лишившись свѣта истинны, въ мрачной гордости пребудутъ. Понеже Богъ повелѣлъ между знаемыми нами, то есть днемъ и нощію, или между симъ свѣтомъ и сею тьмою, чувствамъ нашимъ подлежащимъ, свѣтиламъ небеснымъ раздѣлять. *Да будутъ*, говоритъ, *свѣтила на тверди небеснѣй, свѣтити на земли, и разлучати между днемъ и нощію.* И нѣсколько ниже: *И сотвори*, говоритъ, *Богъ два свѣтила великія: свѣтило великое въ начало дне, и свѣтило меньшее въ начало нощи, и звѣзды*;

и

и положи оныя Богъ на тверди невеснѣй, освѣщати на земли, и начальствовати днемъ и нощію, и разлучати между свѣтомъ и тьмою. Между онымъ же свѣтомъ, который есть святое общество Ангеловъ, просвѣщеніемъ умнымъ истинны сіяющихъ, и между противною оному тьмою, то есть злыхъ Ангеловъ, отпадшихъ отъ свѣта правды непотребными умами, Онъ единъ раздѣленіе учинить могъ, который зналъ о скрытномъ воли злѣ, а не природы.

Глава двадесятая.

О томъ, что по разлученіи между свѣтомъ и тьмою сказано: и видѣ Богъ свѣтъ, яко добро.

Притомъ и того молчаніемъ прейти не должно, что когда сказалъ Богъ: *Да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ*, тотчасъ прибавилъ: *И видѣ Богъ свѣтъ, яко добро.* Не послѣ, нежели разлучилъ Богъ между свѣтомъ и тьмою, и назвалъ свѣтъ днемъ и тьму нощію, дабы не подумалъ и то, что купно свѣтомъ и о таковой тьмѣ свидѣтельство благоволенія своего подалъ. Ибо о тьмѣ невинной, между коею и свѣтомъ, нашими очами видимымъ, свѣтила небесныя раздѣленіе дѣлаютъ, не прежде, но послѣ прилагается: *И видѣ Богъ, яко добро. И положи*, говоритъ, *оныя на тверди невеснѣй свѣтити на земли, и начальствовати*

днемъ

днемъ и нощію, и разлучати между свѣтомъ и тьмою. И видѣ Богъ, яко добро. Обое было благоугодно, понеже обое было безъ грѣха. Когда же сказалъ Богъ: *Да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ*, немедленно прибавилъ: *И видѣ Богъ свѣтъ, яко добро.* А потомъ прилагается: *И разлучи Богъ между свѣтомъ и между тьмою, и нарече Богъ свѣтъ днемъ, и тьму нарече нощію.* И въ семъ мѣстѣ уже не приложено: *И видѣ Богъ, яко добро*, дабы обоего не наречь добромъ, когда одно изъ нихъ сталось злымъ собственнымъ преступленіемъ, а не по природѣ. И для того-то единственно свѣтъ былъ благоугоденъ Творцу, тьма же Ангельская одобренія была недостойна.

Глава двадесять первая.

О вѣчномъ и неизмѣняемомъ вѣденіи Божіемъ и хотѣніи, въ разсужденіи которыхъ все сотворенное такъ благоугодно Ему было сотворить, какъ сотворено.

Ибо что иное разумѣть надлежитъ въ томъ, когда во всякомъ твореніи говорится: *И видѣ Богъ, яко добро*, какъ не одобреніе дѣла, по художеству сдѣланнаго, которымъ есть премудрость Божія? Богъ же не тогда познаетъ, что добро, когда уже будетъ сотворено; ибо ничего не было бы, ежели бы Ему не было извѣстно. И такъ когда видитъ, что есть добро, то ежели

бы

бы Онъ того прежде не видѣлъ, нежели въ дѣло оно произведено, не было бы того конечно: Онъ даетъ знать, что добро, а не самъ познаваетъ. Платонъ правда болѣе дерзнулъ сказать, что Богъ возрадовался, совершивъ вселенную. Я уповаю, что Платонъ не столь былъ безуменъ, дабы могъ думать, что Богъ новостію своего творенія сдѣлался блаженнѣйшимъ; но хотѣлъ показать, что художнику угодно было то, что содѣлалъ, которое угодно было, дабы содѣлать; и не для того, аки бы знаніе Божіе измѣняется, то есть аки бы инаково представляетъ оно себѣ вещи будущія, инаково настоящія, инаково прошедшія. Ибо Онъ не по обыкновенію нашему будущее предвидитъ, на настоящее взираетъ, прошедшее воспоминаетъ, но инаковымъ образомъ, отъ нашихъ помышленій совсѣмъ удаленнымъ. Понеже Онъ не преходитъ разумомъ отъ одного къ другому, перемѣняя мысль, но купно и неизмѣнно настоящее, прошедшее, будущее содержитъ въ разумѣ. Не инако очами, не инаково умомъ представляетъ; ибо Онъ не состоитъ изъ тѣла и души. Не инаково нынѣ, инаково прежде и инаково послѣ; поелику не такъ Его знаніе, какъ наше, трехъ временъ различіемъ премѣняется, то есть настоящаго, прошедшаго и будущаго. Понеже у Бога *нѣсть премѣненія, или преложенія тѣни*; ибо Его разумъ отъ помы-

мы-

мышленія на помышленіе не преходитъ, которой видитъ купно все; понеже времена знаетъ не по примѣтамъ, такъ какъ и времена движетъ безъ временныхъ движеній. И такъ тогда Онъ видѣлъ, что добро, когда видѣлъ добро, дабы его сдѣлать. И увидѣвъ содѣланное, не удвоилъ своего знанія и ни мало не умножилъ, такъ какъ бы меньшее знаніе было прежде, нежели содѣлалъ, нежели когда увидѣлъ; который столь совершенно не содѣлалъ бы, естьлибъ не имѣлъ совершеннаго знанія, къ которому ничего отъ дѣлъ не прибыло. Чего для ежели бы только намъ внушить надлежало, кто сотворилъ свѣтъ, то довольнобъ было сказать: *сотворилъ Богъ свѣтъ.* Ежелижъ нужда бы была впечатлѣть и то, не только кто сотворилъ, но и чѣмъ сотворилъ, то довольнобъ было написать: *И рече Богъ, да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ;* дабы мы знали, что не только сотворилъ свѣтъ Богъ, но и сотворилъ словомъ. Но поелику троякое нѣчто внушить намъ для знанія надлежало, то есть кто сотворилъ, чѣмъ сотворилъ и для чего сотворилъ, того ради написано: *И рече Богъ, да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ: и видѣ Богъ свѣтъ, яко добро.* И такъ ежели желаемъ знать, кто сотворилъ? *Богъ.* Ежели, чѣмъ сотворилъ? *Рече, да будетъ, и бысть.* Ежели для чего сотворилъ? *Яко добро.* Нѣтъ ни творца изящнѣе Бога, ни художника

совершеннѣе Божія слова, ни причины лучшей, какъ чтобъ отъ благаго Бога доброе было создано. Сію причину и Платонъ къ сотворенію міра праведною почитаетъ, дабы отъ благаго Бога добрыя творимы были дѣла. Самъ ли онъ о томъ читалъ, или можетъ быть отъ читавшихъ слышалъ, или остротою разума невидимая Божія отъ созданія міра помышляя, увидѣлъ, и отъ видѣвшихъ и выразумѣвшихъ познаlъ.

Глава двадесятьвторая.

О Троицѣ Божественной, которая по всѣхъ своихъ дѣлахъ впечатлѣла знаки о Себѣ.

Вѣруемъ, и содержимъ, и не ложно исповѣдуемъ, что Отецъ родилъ Слово, то есть Премудрость, которою все сотворено, единороднаго Сына, единъ единаго, вѣчный равновѣчнаго, преблагій преблагаго, и что Духъ Святый Духъ есть Отца единосущенъ и равновѣченъ обоимъ. И потому Троица есть въ разсужденіи свойствъ личныхъ, и единъ Богъ въ разсужденіи нераздѣльнаго Божества, какъ единъ всемогущій ради нераздѣльнаго всемогущества, однако такъ, что когда вопрошаютъ насъ о каждомъ лицѣ особо, тогда отвѣтствуемъ, что каждое лице есть Богъ и всемогущій; когда же о всѣхъ вообще, тогда говоримъ не три Боги, не три всемогущіе, но единъ Богъ всемогущій. Толикая есть нераздѣльность и единство, которое таковымъ

вымЪ образомЪ благоизволило проповѣдаемо быть. ОтецЪ есть ОтецЪ Слова, который рече: *Да будетъ.* И такЪ что СловомЪ Его сдѣлалось, вЪ томЪ всенепремѣнно означается Слово Его. ВЪ ономЪ же, когда пишется: *И видѣ БогЪ, яко добро,* довольно означается, что БогЪ не по нуждѣ, ни ради своей пользы, но по единой благости все сотворилЪ; поелику оно добро. Сіе по сотвореніи для того сказано, дабы показать, что сотворено сходственно есть сЪ Его благостію, изЪ которой все сотворено; которая благость ежели разумѣется ДухЪ Святый, то очевидно, что вся Троица вЪ своихЪ дѣлахЪ намЪ внушается. Оттуда града святаго, состоящаго изЪ святыхЪ АнгеловЪ, горѣ и начало и блаженство. Ибо ежели кто вопроситЪ, откуда оный? БогЪ его сотворилЪ. Ежели, откуда есть премудрЪ? Понеже отЪ Бога просвѣщается. Ежели, откуда блаженЪ? ОтЪ Бога; понеже ОнымЪ наслаждается, лицезрѣніемЪ озаряется и бытіе имѣетЪ, видитЪ, любитЪ, вЪ вѣчности Божіей пребываетЪ, во истиннѣ Божіей свѣтится, вЪ благости Божіей радуется.

Глава двадесять третія.

О образѣ вседышнія Троицы, которая по нѣкоторому образу находится въ природѣ непребывающаго еще въ блаженствѣ человѣка.

Правда, и мы сами вЪ себѣ хотя не равный и далеко отстоящій, ни равно-

вѣчный, и чтобъ короче сказать, не тогожъ существа, коего Богъ, однако котораго нѣтъ ничего въ вещахъ, сотворенныхъ отъ Него, природою ближайшаго, образъ Божій, то есть всевышней оной Троицы признаваемъ, который обновленіемъ въ совершенство приводить надлежитъ, дабы онъ былъ подобіемъ Божіему наиближайшимъ; ибо мы и бытіе имѣемъ, и оное знаемъ, также какъ оное, такъ и знаніе любимъ. Въ сихъ же трехъ, о которыхъ я сказалъ, никакая насъ ложь правдоподобная не смущаетъ; понеже мы онаго не такъ какъ наружныя вещи чувствами понимаемъ тѣлесными, какъ то цвѣты зрѣніемъ, звуки слышаніемъ, запахи обоняніемъ, вкусы отвѣдываніемъ, жесткое и мягкое осязаніемъ, коихъ чувствуемыхъ вещей образы, имъ подобные, но уже не тѣлесные, въ помышленіи обращаемъ, въ памяти содержимъ, и чрезъ оные возбуждаемся къ желанію ихъ. Но безъ всякаго мечты воображенія я знаю, что имѣю бытіе, оное вѣдаю и люблю. Никакихъ въ сей справедливости не страшусь Академическихъ доводовъ, которые говорятъ, что, ежели ошибаешься и обманываешься? Ибо ежели я обманываюсь, то конечно имѣю бытіе; понеже кто не имѣетъ бытія, тотъ обманываться не можетъ. И потому я имѣю бытіе, естьли обманываюсь. И такъ поелику имѣю бытіе, когда обманываюсь, то

какъ

какъ я обманываюсь, что имѣю бытіе, когда извѣстно мнѣ, что имѣю бытіе, когда обманываюсь. Какимъ же образомъ имѣлъ бы бытіе, который обманываюсь, когда, хотя бы я и обманывался, безъ сомнѣнія въ томъ, что я знаю о своемъ бытіи, не обманываюсь? Слѣдовательно и въ томъ, что я знаю, что знаю, не обманываюсь. Ибо какъ я знаю, что имѣю бытіе, такъ знаю и то самое, что я знаю. И оныя два когда люблю, то тужъ самую любовь нѣчимъ третьимъ равной важности и цѣны къ двумъ мною знаемымъ вещамъ присоединяю; ибо я не ошибаюсь, что люблю, когда въ томъ, что люблю, не обманываюсь. И хотя бы оныя вещи были ложны, при всемъ томъ было бы справедливо оное, что я ложное люблю. Понеже какимъ бы образомъ былъ я охуждаемъ и возбраняемъ отъ любленія ложныхъ, ежелибъ ложно было то, что я оныя люблю? Когда же оное истинно и не ложно, то кто усомнится, чтобъ любовь вещей любимыхъ не была истинная и неложная? И какъ нѣтъ ни одного, который бы бытія своего имѣть не хотѣлъ: такъ нѣтъ ни одного, который бы блаженнымъ быть не желалъ; ибо какимъ образомъ можетъ быть кто блаженнымъ, ежели онъ ничто?

Глава двадесять четвертая.

О мнѣніи тѣхъ, кои утверждаютъ, что Ангелы прежде сотворены, нежели міръ.

Но чтобъ кто не воспрекословилъ и не сказалъ, аки бы не Ангели тамъ означены, гдѣ написано: *Да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ*, но нѣкоторый свѣтъ тѣлесный; Ангелы же прежде сотворены не только прежде тверди, устроенной между водами и водами, названной небомъ, но и прежде онаго, что сказано: *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*; и оное слово; *въ началѣ* не въ такомъ разумѣ сказано, аки бы первое сіе было твореніе, когда прежде сотворилъ Ангеловъ, но поелику все премудростію сотворилъ, которая есть Слово Его, которое Священное Писаніе началомъ нарекло, какъ и самъ Христосъ въ Евангеліи вопрошающимъ Іудеямъ, ктобъ Онъ таковъ былъ, отвѣтствовалъ, что Онъ *начало*. Я на сіе вопреки прямо отвѣтствовать не стану; особливо для того, понеже меня сіе увеселяетъ крайнѣ, что въ самомъ началѣ священной книги Бытейской Троица представляется. Ибо когда такъ пишется: *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*, то разумѣется Отецъ въ Сынѣ, какъ свидѣтельствуетъ Псаломникъ, говоря: *Коль возвеличишася дѣла твоя Господи, вся премудростію сотворилъ еси.* Прилично же мало ниже воспоминается и Духъ Святый; ибо когда объяснено, каковую землю Богъ

сотворилъ сперва, или какое вещество для составленія неба и земли создалъ, прилагая сказалъ: *Земля бѣ невидима и неустроена, и тьма верьху бездны.* Потомъ немедленно, дабы Троицы лица исполнились, *И Духъ*, говоритъ, *Божій ношашеся* (1) *верьху воды.* И такъ какъ хочетъ кто сіе слово принимай, которое столь глубоко, что упражняющимся въ чтеніи безъ всякаго заблужденія отъ вѣры многія можетъ вложить мнѣнія, только бы святыхъ Ангеловъ, въ небесныхъ селеніяхъ пребывающихъ, не почиталъ никто равновѣчными Богу, о коихъ истинномъ блаженствѣ никто не сомнѣвается. Ибо и Христосъ, показывая, что младенцы принадлежатъ къ обществу Ангеловъ, не только то говоритъ: *Будутъ равны Ангеламъ Божіимъ*, но открываетъ, что Ангели наслаждаются лицезрѣніемъ Божіимъ, когда сказалъ: *Блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ: глаголю во вамъ, яко Ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца моего, иже естъ на небесѣхъ.*

Глава двадесять пятая.

О двухъ обществахъ Ангеловъ различныхъ и несходственныхъ, которые не неприлично названы именами свѣта и тьмы.

Что же согрѣшили нѣкоторые Ангелы и свержены въ преисподняя міра сего, какъ

 бы

бы въ темницу до послѣдняго осужденія суднаго дня, о томъ Апостолъ Петръ явственно говоритъ, что Богъ Ангеловъ согрѣшившихъ не пощадѣлъ, но низринувъ ихъ въ мрачныя ада темницы, блюдетъ на осужденіе въ день судный. И такъ кто усомнится, что между сими или предвѣденіемъ, или дѣломъ Богъ раздѣленіе учинилъ, и кто станетъ противорѣчить, что благіе Ангели не достойно Ангелами свѣта называются, когда мы, еще живущіи вѣрою и равными имъ быть нѣкогда надѣющіеся, а не получившіе, наречены отъ Апостола свѣтомъ? *Бѣсте бо*, говоритъ, *иногда тьма, нынѣ же свѣтъ о Господѣ.* Что же отпадшіе тьмою явственно называются, оное совершенно видятъ, которые разумѣютъ, или вѣруютъ, что оные злѣйшими суть людей невѣрныхъ. Чего для ежели въ сей книгѣ другой какой либо свѣтъ разумѣется, гдѣ читаемъ: *Рече Богъ, да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ*; и иная тьма означается чрезъ написанное: *Разлучи Богъ между свѣтомъ и между тьмою*; однако мы сіи два Ангеловъ общества, одно наслаждающимся Богомъ, другое надмѣнное гордостію; одно, коему сказано: *Да поклонятся ему вси Ангели его*; другое, коего князь говоритъ: *Сія вся тебѣ дамъ, аще падъ поклонишися мнѣ*; одно священною любовію пламенѣющимъ къ Богу, другое собственнаго прево-

возношенія пылающимъ нечистою любовію. И поелику, какъ писано, *Богъ гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать:* то одно на небеси небесъ живущимъ, другое оттуда низринутымъ въ семъ воздушномъ небѣ мятущимся; одно спокойнымъ, другое мрачными вожделѣніями смущеннымъ; одно мановеніямъ Божіимъ повинующимся и праведно отмщающимъ, другое по тщеславію и гордости своей желающимъ себѣ покорить и причинить вредъ; одно благости Божіей благоугождающимъ, другое, дабы столько не вредило, сколько желаетъ, властію Божіею обуздываемымъ разумѣемъ. Общество духовъ небесныхъ ругается обществу преисподнихъ, дабы оно не хотя служило въ пользу своими гоненіями; и общество преисподнихъ завидуетъ обществу небесныхъ, которое собираетъ странствующихъ своихъ. И такъ мы сіи два общества Ангельскія между собою различныя и противныя, одно и по природѣ добрымъ и по воли правымъ, другое же по природѣ добрымъ, но по воли развращеннымъ, другими яснѣйшими Священнаго Писанія свидѣтельствами показанными въ книгѣ Бытейской, подъ именами свѣта и тьмы означенными, почитаемъ. И хотя бы писатель сея книги разумѣлъ можетъ быть что либо другое, однако мы не безполезно сію темность объясняемъ. Понеже хотя намѣренія писателя сея кни-

ги постигнуть мы и не могли, однако отъ правила вѣры, которое знающимъ священныя другія книги извѣстно, не удалились. Ибо хотя здѣсь упомянуты дѣла Божія тѣлесныя, однако оныя безъ сомнѣнія имѣютъ нѣкоторое подобіе духовныхъ, по которому говоритъ Апостолъ: *Вси бо вы сынове свѣта есте, и сынове дне, нѣсмы нощи ни тьмы.* Естьли тоже намѣреніе имѣлъ и писатель, то наше словопрѣніе совершеннаго достигло конца, то есть, что никакимъ образомъ вѣрить не должно, чтобъ человѣкъ богодухновенный и премудрый, глаголавшій Святымъ Духомъ, воспомянувъ о дѣлахъ Божіихъ, совершенныхъ въ шестый день, пропустилъ твореніе Ангеловъ. Ибо вѣроятно, что или *въ началѣ*, понеже сперва сотворилъ, или, что приличнѣе, *въ началѣ*, понеже единороднымъ Словомъ своимъ сотворилъ, какъ написано: *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*, которыми именами вообще тварь означена, какъ духовная, такъ и тѣлесная. Или чрезъ упомянутыя великія двѣ части міра представлено все ими содержимое, дабы то есть сперва предложить вообще, а потомъ частно по таинственному числу дней изобразить.

Глава

Глава двадесять шестая.

О томъ, что нѣкоторые думаютъ, аки бы въ твореніи тверди подъ именемъ раздѣленныхъ водъ Ангели означаются, и аки бы воды не сотворены отъ Бога.

Хотя нѣкоторые думали, что именемъ водъ означены Ангели, и аки бы чрезъ сказанное: *Да будетъ твердь между воды и воды*, дано знать, что выше тверди воды суть Ангели, а ниже оной воды сіи видимые, или множество злыхъ Ангеловъ, или всѣхъ людей языки. Ежели оно такъ, то видно оттуда одно раздѣленіе, или разлученіе, а сотворенія не видно. Хотя и воды (1), что есть знакомъ нечестивѣйшаго суемудрія, признаваютъ нѣкоторые несотворенными, понеже нигдѣ не написано: *рече Богъ, да будутъ воды*; они могутъ съ равнымъ безуміемъ сказать и о землѣ подобное; ибо нигдѣ не написано: *рече Богъ, да будетъ земля*; но говорятъ, писано де есть: *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*. Слѣдовательно съ оною и воды разумѣть надлежитъ; ибо однимъ именемъ обѣ сіи вещи ограничены. Понеже *того есть море*, какъ говоритъ Псаломникъ, *и той сотворилъ е есть, и сушу руцѣ его создастѣ.* Но тѣ, которые подъ именемъ водъ (2) Ангеловъ (3) разумѣютъ, ужасаются тяжести стихіи, и потому не вѣрятъ, чтобы въ горнихъ міра мѣстахъ могла состоять водъ тяжелая и растекающаяся природа;

которые ежели бы по своему высокому разуму въ состояніи были человѣка сотворить, то думаю, что они флегмы, которая въ тѣлѣ нашемъ подобіе водѣ имѣетъ, во главѣ не положилибъ; ибо тамъ наиблагопристойно по Божію творенію находится флегма, или мокрота. По догадкамъ же ихъ столь сіе непристойно, что ежели бы мы того не знали и въ оной книгѣ также написано было бы, что Богъ влажность жидкую и хладную, и потому тяжелую, въ высочайшемъ изъ всѣхъ членовъ человѣческаго тѣла помѣстилъ, то сіи стихій испытатели никакъ бы тому не повѣрили; и ежели бы они тожъ Священное Писаніе принимали, то конечно другое что либо разумѣть совѣтовали бы. Но ежели тщательнѣе о всемъ разсудить и каждое изслѣдовать, что въ оной Божественной книгѣ о устроеніи міра писано, то много говорить бы надлежало и отъ предложенія удалиться. И такъ о двухъ оныхъ различныхъ и противныхъ другъ другу обществахъ Ангельскихъ, въ которыхъ находятся начатки двухъ градовъ, о коихъ я предприняль говорить, по моему мнѣнію довольно поговорили; и потому должны заключить наконецъ и сію книгу.

Конецъ книги первойнадесять о градѣ Божіемъ.

ПРИ-

ПРИМѢЧАНІЯ

на

Книгу Блаженнаго Августина, Епископа Иппонійскаго, о градѣ Божіемъ, перпуюнадесять.

На главу пятуюнадесять.

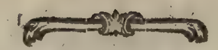
(1) *Искони діаволъ.* Не должно стѣснять Евангельской сей истинны до крайнихъ мгновеній. Одно, или два мгновенія не препятствуютъ сказать *искони*, такъ какъ ежели бы кто сказалъ: искони простирается братоненавидѣніе. Малое время, отъ начала прошедшее, не можетъ поколебать сея истинны.

(2) Отъ начала грѣха. Таковыми были Манихеи. Нѣкоторые богословы сіе отражаютъ тѣмъ, то есть что не можно въ томъ мгновеніе Ангелу согрѣшить, въ кое онъ сотворенъ; понеже таковое дѣйствіе не столь творенію, сколь Творцу присвоено было бы. Сіе и Оригенъ въ толкованіи на Іезекіиля утверждаетъ, когда говоритъ: змій, врагъ и супостатъ истиннѣ, не отъ начала и не вдругъ на чревѣ своемъ пресмыкаться началъ. Какъ Адамъ и Ева не тотъ часъ согрѣшили, такъ и змій былъ нѣкогда не зміемъ. Ибо Богъ злобы не сотворилъ.

(3) *Начало созданія Божія.* Іова глава четыредесятая. Знать же надлежитъ, что въ семъ мѣстѣ Іовлевомъ сихъ словъ: *сотворенъ, поруганъ быти Ангелы его*, въ Еврейскомъ подлинникѣ не имѣется, а приложены оныя седмьюдесятью переводчиками.

На главу двадесять четвертую.

(1) *И духъ*, говоритъ, *Божій ношашеся.* Іеронимъ говоритъ, что вмѣсто онагѡ слова *ношашеся* на Еврей-

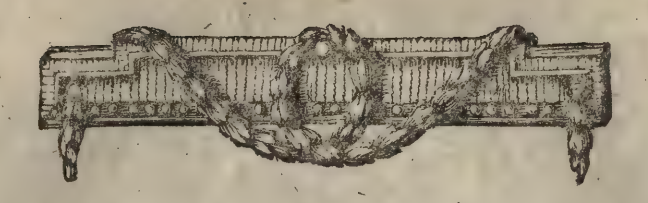
Еврейскомъ стоитъ *належаше*, на подобіе птицы, сидящей на яицахъ. Изъ сего разумѣть должно, что не о духѣ міра рѣчь тамъ, но о Духѣ Святомъ, какъ и Псаломникъ говоритъ: *Послеши Духа Твоего, и созиждутся.*

На главу двадесять шестую.

(1) Хотя и воды. Между ересями считаетъ Августинъ и тѣхъ, кои говорили, что воды совѣчны Богу; но именъ не упоминаетъ.

(2) Подъ именемъ водъ. Такъ думалъ Оригенъ; Епифаній къ Іоан. Іерусалимскому Епископу.

(3) Ангеловъ. По оному Апокалипсиса слову: *Народы яко воды многи.* О сихъ водахъ разумѣли оное: *И воды, яже превыше небесъ, да восхвалятъ имя Господне.* Ибо сіе къ разумнымъ тварямъ надлежитъ.

БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА, ИППОНІЙСКАГО ЕПИСКОПА, *КЪ МАРКЕЛЛИНУ* О градѣ Божіемъ.

КНИГА XII.

Глава первая.

О единой добрыхъ и злыхъ Ангеловъ природѣ.

Прежде нежели начну говорить о человѣкѣ, гдѣ двухъ градовъ, сколько къ роду словесныхъ и смертныхъ принадлежитъ, откроется начало, какъ въ книгѣ положенной предъ сею о Ангелахъ открылось, сперва нѣсколько объ Ангелахъ поговорить должно, коими бы показать сколько можно, сколь прилично и пристойно называется общество Ангеловъ и людей такъ, что не четыре, два то есть Ангельскіе и два человѣческіе, но два наипаче града, то есть общества, достойно и праведно почитаются, одинъ градъ въ добрыхъ, другій въ злыхъ, не только Ангелахъ, но и человѣкахъ устроенныя. Сомнѣваться не мож-

можно, что Ангеловъ благихъ и злыхъ противныя желанія не отъ различныхъ началъ природы, когда Богъ, всѣхъ существъ благимъ будучи Творцемъ и Содѣтелемъ, обоихъ сотворилъ, но отъ воли и хотѣній произошли. Когда одни изъ нихъ въ общемъ всѣхъ благѣ, коимъ для нихъ есть самъ Богъ, и въ Его вѣчности, истиннѣ, любви пребываютъ; другіе, своею властію утѣшаяся, сами себѣ суть какъ бы добромъ, отъ Вышняго, общаго всѣхъ блага, отпали, и имѣя превозношеніе вмѣсто вѣчности, лукавство вмѣсто истинны, мятежи вмѣсто нераздѣльной любви, гордыми, льстецами, завистливыми стали. И такъ добрыхъ виною блаженства есть прилѣпляться Богу, такъ напротивъ виною бѣдности злыхъ поставлять надлежитъ, что они не прилѣпляются Богу. Почему, естьли когда кто вопрошаетъ, почему добрые Ангели блаженны, справедливо отвѣтствуется: понеже прилѣпляются Богу; и когда вопрошаетъ, почему злые бѣдны, справедливо отвѣтствуется: понеже не прилѣпляются Богу. Нѣтъ для твари разумной и словесной инаго добра, чрезъ которое было бы оно блаженною, кромѣ Бога. И такъ хотя не всякая тварь быть можетъ блаженною, понеже не всякая сей даръ вмѣщаетъ, какъ на примѣръ звѣри и прочія безсловесныя, древа, камни и другія подобныя; однако оная, которая можетъ,

не

не отъ себя самой можетъ, понеже она сотворена изъ ничего; но отъ Того, отъ котораго сотворена. Ибо получивъ Его блаженною есть; лишась, остается бѣдною. А тотъ, который не другимъ, но самъ собственнымъ добромъ блаженъ, по тому бѣднымъ быть не можетъ, поелику самаго себя лишиться не можетъ. И такъ мы утверждаемъ, что нѣтъ неизмѣняемаго добра, кромѣ единаго истиннаго и блаженнаго Бога, а сотворенное Имъ хотя и добро, но по тому измѣняемо, понеже оно въ бытіе произведено изъ ничего, а не изъ Его существа. И такъ хотя высочайшимъ то не есть добромъ, котораго большимъ есть добромъ Богъ; однако оное измѣняемое добро есть великимъ, которое прилѣпляться можетъ неизмѣняемому добру, дабы быть блаженнымъ, которое толь для онаго нужно, что безъ него бѣднымъ быть должно. И прочее въ тваряхъ не по тому есть лучшее, понеже бѣднымъ быть не можетъ. Ибо и прочіе тѣла нашего члены не лучше очей по тому, что ослѣплены быть не могутъ. И какъ лучше есть природа чувствующая, хотя бы она и прискорбность имѣла, нежели камень, который скорбѣть не можетъ: такъ словесная природа превосходнѣе есть бѣдной, нежели та, которая чувства словесности лишена; и потому оной не свойственна бѣдность. А когда такъ, то сей природы,

 кото-

которая въ толикомъ изяществѣ сотворена, что хотя сама есть измѣняема, однако, прилѣпляясь неизмѣняемому добру, то есть всевышнему Богу, получаетъ блаженство, не наполняется недостатокъ, какъ только естьли будетъ блаженною, и къ наполненію оной ничто, кромѣ единаго Бога, не довольно: то поистиннѣ прилѣпляться Ему не порокъ. Всякой же порокъ вредъ причиняетъ природѣ, и потому онъ есть противъ природы. И такъ отъ прилѣпляющейся Богу не природою сія различается, но порокомъ, чрезъ которой однако порокъ показывается великою и похвалы достойною самая природа. Ибо которой природы охуждается порокъ, то безъ сомнѣнія чрезъ то выхваляется природа; ибо прямое охужденіе порока въ томъ состоитъ, когда открывается, что онымъ безчестится похвальная природа. И такъ какъ очей порокъ есть слѣпота, то тѣмъ самимъ показывается, что къ природѣ очей зрѣніе принадлежитъ. И когда порокомъ ушей называется глухота, то открывается, что къ природѣ ушей принадлежитъ слышаніе. Такъ когда порокомъ твари Ангельской называется, когда Ангели не прилѣпляются къ Богу, то ясно тѣмъ показывается, что прилѣпляться Богу свойственно есть Ангельской природѣ. Сколь же великою есть хвалою прилѣпляться Богу, дабы Ему жить, Имъ мудрствовать, толикимъ добромъ безсмер-

смертно, безпогрѣшительно, безпечально наслаждаться, кто вообразить умомъ, или словомъ изрещи можетъ? Чего для и порокомъ злыхъ Ангеловъ, коимъ они къ Богу не прилѣпляются, понеже всякой порокъ природѣ вредъ причиняетъ, довольно открывается, что Богъ толь доброю ихъ природу сотворилъ, что вредомъ для нихъ есть крайнимъ не прилѣпляться Богу и не пребывать съ онымъ.

Глава вторая.

Нѣтъ ни одной сущности Богу противной; понеже Всевышнему, всегда сущему, то только противнымъ кажется, что бытія не имѣетъ.

Сіе сказалъ я, дабы кто, когда о Ангелахъ апостатахъ (1) говоримъ, не подумалъ, что они иную какъ бы отъ инаго начала могли имѣть природу, и что ихъ природы не есть творцемъ Богъ. Сего заблужденія нечестія тѣмъ удобнѣе избавится всякой, чѣмъ обстоятельнѣе выразумѣетъ сказанное Богомъ, когда Моисея посылалъ къ сынамъ Израилевымъ: *Азъ есмь сый.* Ибо когда Богъ есть все высочайшею сущностію и неизмѣнною, то всѣмъ вещамъ, изъ ничего сотвореннымъ, далъ бытіе, но не высочайшее, каковое самъ имѣетъ, и инымъ далъ болѣе, инымъ менѣе; и такимъ образомъ сущности природъ степеньми устроилъ.

 Ибо

Ибо какъ отъ мудрствованія называется мудрость, такъ отъ существованія нарицается сущность, именемъ правда новымъ и у древнихъ Латинцовъ неупотребительнымъ, но въ наши времена въ употребленіе введеннымъ, дабы не недоставало въ нашемъ діалектѣ слова для изображенія Греческаго *οὐσίαν*, существа, или сущности; и потому той природѣ, которая высочайшее бытіе имѣетъ, и которая творитъ все, что бытіе имѣетъ, нѣтъ никакой природы противной, кромѣ той, которой въ бытіи быть не можетъ. Ибо тому, что имѣетъ бытіе, ничто не можетъ быть противнымъ, какъ только чего въ бытіи нѣтъ. И для того Богу, то есть высочайшему Существу и Творцу всѣхъ, какія бы онѣ ни были, существъ, нѣтъ ни одного существа противнаго.

Глава третія.

О врагахъ Божіихъ, не по природѣ, но по сопротивной волѣ, которая когда имъ причиняетъ вредъ, то причиняетъ оной доброй природѣ; понеже порока не составляетъ то, что не вредитъ.

Именуются же въ Священномъ Писаніи враги Божіи, которые не по природѣ, но пороками противляются Его власти, не въ силахъ будучи Богу причинить вреда, а только причиняя оной себѣ. Ибо они врагами суть въ разсужденіи сопротивленія воли,

воли, а не по силѣ дѣлать вредъ. Понеже Богъ неизмѣняемъ есть и всячески нетлѣненъ, и потому порокъ, коимъ противляющися Богу враги Его, не Богу, но имъ составляетъ зло; и сіе не для чего инаго, какъ только что въ нихъ портитъ добро природы. И такъ не природа Богу противна, но порокъ; понеже всякое зло противно есть добру. Кто же бы не призналъ, что Богъ есть высочайшее добро? И такъ порокъ противенъ есть Богу, какъ зло добру. Добро же есть и природа, которую порокъ вредитъ; почему и сему добру есть противенъ: но Богу единственно какъ добру зло, природѣ же, которую вредитъ, не только зло, но и вредно. Понеже Богу никакое зло вреда причинить не въ силахъ, но измѣняемымъ и тлѣннымъ природамъ, однако добрымъ, по свидѣтельству самыхъ пороковъ. Ибо ежели бы оныя не были добрыми, то пороки ихъ вредить никакимъ образомъ не могли бы. Понеже что онымъ, вредъ причиняя, дѣлаютъ, какъ только отнимаютъ непорочность, лѣпоту, здравіе, добродѣтель и всякое другое природы добро, которое обыкновенно порокомъ или истребляется, или уменьшается? Ежели же никакого добра не отъемлетъ, то тѣмъ самимъ не есть порокомъ; ибо и быть порокомъ и не причинять вреда не можетъ. Отсюда заключается, что хотя порокъ вреда причинить неизмѣняемому добру не можетъ, однако не мо-

можетъ не вредить, развѣ добру; понеже тамъ порока нѣтъ, гдѣ онъ не вредитъ. Сіе и таковымъ образомъ сказать можно: что порокъ не можетъ быть, развѣ въ добрѣ, хотя въ высочайшемъ добрѣ не можетъ. И такъ одно добро въ чемъ либо быть можетъ, а одно зло никогда. Понеже и природы тѣ, кои порокомъ повреждены злаго хотѣнія, поелику повреждены, суть злы, поелику же суть природы, добры. И когда находится въ наказаніи порочная природа, то выключая, что она природа, и то благимъ, или добромъ почесться тамъ должно, что она не безъ наказанія. Ибо сіе есть праведно, всякое же праведное безъ сомнѣнія добро, понеже никто за пороки природные (1), но только произвольные, не наказывается. Ибо и тотъ порокъ, который по привычкѣ и закоснѣлости (2) стался какъ бы природнымъ, а начался отъ произволенія. Ибо мы говоримъ о порокахъ той природы, которая имѣетъ разумъ, вмѣщающій мысленный свѣтъ, коимъ различается праведное отъ неправеднаго.

Глава четвертая.

О природѣ безсловесныхъ, или неодушевленныхъ, которыя въ своемъ родѣ и порядкѣ благолѣпію вселенныя не дѣлаютъ безобразія.

Впрочемъ весьма посмѣятельно думать, что пороки, или недостатки древъ и дру-

другихъ вещей измѣняемыхъ и временныхъ, или разума, или чувства, или жизни совсѣмъ лишенныхъ, коими ихъ разрушаемая природа вредится, суть казни достойны. Когда сіи твари таковой образъ отъ изволенія Творца получили, дабы однѣ истребляясь, другія возникая, составляли красоту и благолѣпіе временъ, въ родѣ своемъ частямъ міра сего пристойное. Ибо не было нужды земныя сіи вещи съ небесными равнять, или оныя во вселенной не производить, понеже небесныя суть лучшими. И такъ когда въ сихъ мѣстахъ, гдѣ таковымъ вещамъ быть прилично было, однѣ послѣ другихъ раждаются, и большія преодолѣваютъ меньшихъ и въ качества свои превращаютъ (1), сіе означаетъ порядокъ вещей преходящихъ, котораго порядка благолѣпіе для того насъ не увеселяетъ, понеже мы по состоянію нашей смертности въ томъ не заключаясь, всего, которому частицы, насъ огорчающія, пристойно приличествуютъ, чувствовать не можемъ. Сего для въ чемъ порядка созерцать мы не въ состояніи, то должны несомнѣнно вѣрить, что есть въ томъ Создателевъ промыслъ, и не дерзать въ чемъ либо охуждать по безразсудству дѣло толикаго Художника, хотя пороки вещей земныхъ ни самопроизвольные, ни въ наказаніе опредѣленные. Природы самыя, изъ коихъ нѣтъ ни одной, которую бы не сотворилъ Богъ,

 ежели

ежели благоразумнѣе разсмотрѣть, то тѣмъ же самымъ разумомъ оныя одобряются; понеже и то въ нихъ не безъ порока нашего не нравится, что въ природѣ благоугодно. Развѣ что людямъ и самыя природы по большой части не угодны бываютъ, когда причиняютъ вредъ, какъ оныя животныя, которыхъ множество за гордость на Египтянъ послано было. Но такимъ образомъ они могутъ охуждать и солнце; понеже нѣкоторые преступники, или не плательщики долговъ (2), поставляемы бываютъ отъ судей на солнце. И такъ не по выгодѣ нашей, или убытку, но сама по себѣ разсуждаема будучи природа, прославляетъ своего Художника. Такъ и природа огня вѣчнаго безъ сомнѣнія похвальна, хотя осужденнымъ нечестивымъ будетъ служить оный казнiю. Ибо что огня пламенѣющаго и блестящаго прекраснѣе? Что теплоты его къ пользѣ и варенiю пристойнѣе, хотя нѣтъ ничего жженiя его жесточае? Тотъ же самой огнь, подложенной на казнь, мучителенъ, которой, инаково употребленъ будучи, приноситъ пользу. Ибо пользу его въ мiрѣ кто словами изобразить въ состоянiи? Не должно же слушать тѣхъ, кои похваляютъ въ огнѣ свѣтъ, а жаръ охуждаютъ (3), разсуждая по своей выгодѣ, или вреду; понеже видѣть хотятъ, а горѣть не желаютъ. Но таковые мало тому внимаютъ,

что

что самый свѣтъ, который имъ нравится, слабымъ очамъ по несходству причиняетъ вредъ; и напротивъ въ томъ самомъ жару, которой они охуждаютъ, нѣкоторыя животныя (4) по сходству живутъ безъ вреда.

Глава пятая.

Что по всякомъ природы образѣ и видѣ хвалы достоинъ Творецъ.

И такъ всѣ природы, поелику суть, и потому имѣютъ образъ свой и видъ свой и нѣкоторый съ собою миръ, то всенепремѣнно суть добры. И когда тамъ онѣ находятся, гдѣ по порядку природы быть имъ должно, то сколько воспріяли, бытіе свое хранятъ; и которыя присносущнаго бытія не получили, тѣ по употребленію и движенію вещей, коими повинуются закону и уставу Творца, въ лучшее, или хуждшее премѣняются, къ тому промысломъ Божіимъ стремясь концу, который разумъ, управляющій вселенною, въ себѣ заключаетъ, такъ что и самое тлѣніе, которое природы измѣняемыя и смертныя къ уничтоженію приводитъ, не можетъ сдѣлать того, дабы въ таковое небытіе пришло, что было, чтобъ отъ того не послѣдовало, чему быть должно. Когдажъ такъ, то Бога, который высочайшее бытіе имѣетъ, и всякое существо, не имѣющее высочайшаго бытія, сотворилъ, которое не могло быть

Ему равнымъ, понеже изъ ничего сотворено, и не могло бы быть, ежели бы сотворено не было, ни за какія несовершенства вещей охуждать, но наипаче разсуждая о всѣхъ природахъ, прославлять надлежитъ.

Глава шестая.

Какая причина есть блаженства Ангеловъ добрыхъ, и какая бѣдности Ангеловъ злыхъ.

И потому причина блаженства Ангеловъ добрыхъ та неложною есть, что они прилѣпляются Тому, который высочайшее бытіе имѣетъ. Когда же ищемъ причины бѣдности злыхъ Ангеловъ, находимъ оную, что они отвратились отъ имѣющаго высочайшее бытіе, и обратились къ себѣ, не имѣя сами въ себѣ высочайшаго бытія; и сей порокъ не что иное есть, какъ гордость. *Начало бо всякаго грѣха гордыня.* И такъ не восхотѣли къ нему сохранить крѣпости своей, и которые были бы несравненно большими, ежели бы Тому, который высочайшее бытіе имѣетъ, прилѣпились; но они себя превознести, то, что есть меньшее, предпочли. Сей первой недостатокъ, и первая бѣдность, и первый порокъ той природы, которая такою сотворена, что не имѣетъ высочайшаго бытія; однако къ пріобрѣтенію блаженства могла наслаждаться имѣющимъ высочайшее бытіе, отъ котораго отвратившись, хотя въ ничто не

пре-

превратилась, однако сталась хуждшею, и потому бѣдною. Сей злой воли творительной причины ежели искать будемъ, то никакой не найдемъ. Ибо что дѣлаетъ волю злою, когда она дѣлаетъ злое дѣло? И потому злая воля есть причиною злаго дѣла; причиною же злой воли творительною ничто. Понеже ежели она есть нѣкакою вещїю, то или имѣетъ, или не имѣетъ воли каковой либо. Естьли имѣетъ, то имѣетъ всенепремѣнно или добрую, или злую. Естьли добрую, то ктобъ столь безумнымъ сыскался, который бы сказалъ, что добрая воля дѣлаетъ волю злую? Ибо ежели оно такъ, то будетъ воля добрая виною грѣха, чего безмѣстнѣе и безразсуднѣе ничего сказать, или помыслить не можно. Естьли же вещь оная, которая, какъ думаютъ, дѣлаетъ волю злою и сама имѣетъ злую волю, то я, дабы имѣть предѣлъ вопросамъ, вопрошаю о первой причинѣ злой воли. Ибо не есть та воля первая злою, которую не сдѣлала никакая воля злая; но оная есть первою, которую никакая не сдѣлала. Понеже естьли предварила содѣлавшая, то она первѣйшею есть, которая содѣлала. Ежели отвѣтствовано будетъ, что оную никакая вещь не сдѣлала, и потому оная всегда была, то вопрошаю, въ какой природѣ? Ибо ежели не была ни въ какой, то всенепремѣнно не была; ежелижъ была въ нѣкакой природѣ, то вредъ причиняла оной и чрезъ

то

то лишала добра. И потому вЪ природѣ злой воля злая быть не могла, но вЪ доброй, однако измѣняемой, которой могЪ порокЪ сей причинять вредЪ. Ибо ежели вреда не причинялЪ, то конечно не былЪ порокомЪ; и для того сказать слѣдуетЪ, что не было и злой воли. ЕжелижЪ причинялЪ вредЪ, то лишая добра, или умаляя оное, причинялЪ. И такЪ не могла быть вѣчною воля злая вЪ той вещи, вЪ которой предварило природное добро, которое злая воля, причиняя вредЪ, могла истребить. ЕстьлижЪ она не была вѣчною, то вопрошаю: кто оную сдѣлалЪ? Остается сказать, что та вещь сдѣлала волю злою, вЪ которой никакой не было воли. И о сей также вопрошаю, вышшая ли она, или нижшая, или равная? Но ежели вышшая, то конечно лучшая. И такЪ какимЪ образомЪ никакой, а не наипаче доброй воли? ТожЪ самое поистиннѣ сказать можно, ежели она была равною. Ибо два покуда суть равны вЪ разсужденіи доброй воли, то одинЪ изЪ нихЪ другому не дѣлаетЪ воли злой. Остается сказать, что нижшая вещь, неимѣющая воли, произвела вЪ Ангельской природѣ, которая первая согрѣшила, волю злую. Но и нижшая вещь до преисподней земли, поелику есть природою и существомЪ, то безЪ сомнѣнія есть доброю, когда имѣетЪ образЪ свой и свой видЪ вЪ родѣ своемЪ и порядкѣ. И такЪ какимЪ образомЪ

зомъ вещь добрая виновною будетъ воли злой? Какимъ, говорю, образомъ доброе будетъ причиною зла? Ибо когда воля, оставя вышшее, къ нижшему обращается, тогда дѣлается злою не потому, аки бы то, къ чему обратилась, было зло, но поелику зло есть самое обращенiе. И потому не вещь нижшая волю злою содѣлала, но что вещи нижшей сотворенной безпорядочно пожелала. Ибо ежели бы двое равно одаренные душею и тѣломъ равными, увидѣли одного тѣла красоту, и одинъ изъ нихъ къ непозволительному оною наслажденiю подвигнулся, другой же въ цѣломудренной пребылъ волѣ: то что думать мы будемъ, что причиною поставимъ, что въ одномъ произведена воля злая, въ другомъ нѣтъ? Какая вещь въ томъ произвела, въ которомъ оная вселилась? Понеже не благолѣпiе оное тѣла тому причиною, поелику оное не произвело въ обоихъ, когда оба равномѣрно видѣли. Чтожъ, не плоть ли видѣвшаго тому причиною? Но для чего и не другаго купно? Или душа? Но для чего не обоихъ? Ибо мы сказали, что они оба по тѣлу и по духу были равны. Не уже ли скажемъ, что одинъ изъ нихъ тайнымъ образомъ отъ злаго духа искушенъ, какъ будто бы онъ на искушенiе оное не собственною волею согласился? И такъ сiе согласiе, сiю злую волю, которою онъ злѣ совѣтующему повинулся, что въ немъ произвело, вопрошаемъ. Ибо дабы и

сiе

сіе препятствіе изЪ сего вопроса исключить, ежели оба однимЪ искушеніемЪ искушаемы были, и одинЪ на оное склонился бы, другой тѣмЪ же и таковымЪ же, какЪ былЪ, пребылЪ бы: то что иное оттуда открывается, какЪ только что одинЪ хотѣлЪ, а другой не хотѣлЪ отЪ непорочности отступить? Почему сказать можно, что тогда равны они были по душѣ и по тѣлу; и когда очами своими равномѣрно видѣна была оная красота, то всенепремѣнно обоимЪ имЪ было тайное искушеніе. И такЪ желающіе знать, какая вещь одного изЪ нихЪ волю содѣлала злою, ежели обстоятельнѣе вникнутЪ, никакой не найдутЪ. Ибо естьли скажемЪ, что онЪ самЪ волю свою содѣлалЪ злою, то что онЪ былЪ прежде злой воли, какЪ только природою доброю, которыя ТворецЪ БогЪ, неизмѣняемое благо? Ежели же скажетЪ кто, что тотЪ, который искушающему и совѣтующему подалЪ согласіе, которому не подалЪ другой, кЪ непозволительному употребленію прекраснаго тѣла, которое оба равномѣрно видѣли, когда прежде онаго видѣнія и искушенія подобны были по душѣ и по тѣлу, самЪ себѣ содѣлалЪ злою волю, которой добрымЪ былЪ прежде злой воли: то пускай разберетЪ, для чего оную содѣлалЪ, для того ли, понеже природа есть, или поелику изЪ ничего сотворена? и найдетЪ, что воля злою не отЪ того быть начинаетЪ, понеже есть

при

природа, но потому, что природа изЪ ничего сотворена. Ибо ежели природа причиною есть воли злой, то что иное принуждены будемЪ мы говорить, какЪ только что отЪ добра дѣлается зло, и что добро есть причиною зла, когда отЪ природы доброй бываетЪ воля злая? Сіе откуда быть можетЪ, чтобЪ природа добрая, хотя измѣняемая, прежде нежели имѣть будетЪ волю злую, содѣлала нѣчто злое, то есть самую волю злую?

Глава седьмая.

Причины творительной злой воли изыскивать не должно.

И такЪ никто не долженЪ искать причины творительной злой воли; ибо она не творительная, но лишительная, поелику и оная не есть произведеніе, но лишеніе. Понеже уклоняться отЪ того, что высочайшее бытіе имѣетЪ, кЪ меньшему, сіе-то есть начинать имѣть волю злую. Причины же уклоненій сихЪ когда я сказалЪ, что она не творительная, но лишительная, тщаться изобрѣсти, есть таково же, какЪ бы кто хотѣлЪ видѣть тьму, или слышать молчаніе, которое однако обое мы знаемЪ. И первое не инако, какЪ только чрезЪ очи; другое же не инако, какЪ только чрезЪ уши; не вЪ видѣ правда, но вида вЪ лишеніи. И такЪ никто пускай отЪ меня

знать

знать не желаетъ, о чемъ я знаю, что того не знаю, развѣ только дабы отъ меня научиться не знать, о которомъ вѣдать должно, что знать того не можно. Ибо то, что не въ видѣ, но въ лишеніи вида познавается, ежели словами изъясняемо, или разумѣваемо быть можетъ, нѣкоторымъ образомъ незнаніемъ познаваемо бываетъ, дабы знаніемъ было не познаваемо. Понеже когда взоръ нашихъ очей тѣлесный стремится по видамъ тѣлеснымъ, то никогда тьмы не видитъ, кромѣ какъ только когда начинаетъ не видѣть. Такимъ же равно образомъ не къ другому какому чувству, какъ только къ однимъ ушамъ принадлежитъ чувствовать молчаніе, котораго однако никакъ чувствовать не можно, какъ только не слыша. Такимъ образомъ виды мысленные разумъ нашъ разумѣвая вритъ, но какъ оныхъ не достаетъ, то незнаніемъ поучается. *Грѣхопаденія во кто разумѣетъ?* Сіе только знаю, что естество Божіе никогда, нигдѣ и никакимъ образомъ лишенія имѣть не можетъ, и что напротивъ то лишеніе имѣть можетъ, что сотворено изъ ничего; которое когда дѣлаетъ добро, то имѣетъ причины творительныя; когда же злое дѣлаетъ, то имѣетъ причины лишительныя.

Глава

Глава осьмая.

О разпращенной любви, коею воля отъ неизмѣняемаго добра къ измѣняемому уклоняется.

Знаю также, что злая воля въ томъ бываетъ, котораго ежели бы не восхотѣлъ, то онаго не было бы. И потому не за необходимымъ, но самопроизвольнымъ лишеніемъ праведное послѣдуетъ наказаніе. Ибо уклоненіе дѣлается не ко злу, но злѣ; то есть не къ худымъ природамъ, но по тому злѣ, понеже оное дѣлается въ противность порядка природъ, отъ того, что высочайшее бытіе имѣетъ къ меньшему. Понеже сребролюбіе не есть порокомъ сребра или злата, но человѣка любящаго злато съ удаленіемъ отъ правды, которую несравненно паче злата предпочитать надлежало. Также и сладострастіе не есть порокомъ прекрасныхъ и пріятныхъ тѣлъ, но души разпустно любящей плотскія удовольствія съ презрѣніемъ воздержанія, которымъ мы вещамъ краснѣйшимъ и нетлѣнно пріятнѣйшимъ соединяемся, ни тщеславіе есть порокомъ выхвалъ человѣческихъ, но души любящей похвалы человѣческія съ пренебреженіемъ свидѣтельства своей совѣсти. Ни гордость есть порокомъ дающаго власть, или самой власти, но души неправо любящей свою власть, съ уничтоженіемъ правды сильнѣйшаго. И чрезъ то лю-

бящій развращенно какое либо природы добро, хотя бы онъ и получилъ оное, бываетъ въ добрѣ злымъ, и бѣднымъ лишившися лучшаго.

Глава девятая.

Святые Ангели котораго имѣютъ Творца своей природы, тогожъ ли имѣютъ Творцемъ и доброй воли по разліяніи въ нихъ любви Духомъ святымъ?

И такъ когда злыя воли причины творительной, или, ежели сказать можно, существенной нѣтъ никакой; ибо отъ нея начинается духовъ измѣняемыхъ зло, коимъ умаляется или повреждается природы добро: и таковой воли ничто несодѣловаетъ, кромѣ отступленія, коимъ уклоняемся отъ Бога, котораго уклоненія также причина не извѣстна. То ежели скажемъ, что нѣтъ никакой творительной причины и доброй воли, то опасаться должно, дабы волю добрыхъ Ангеловъ не сотворенною и Богу равновѣчною не признать. Ибо ежели они сотворены, то волю ихъ какъ назовемъ несотворенною? Естьли же она сотворена, то купно ли съ ними, или прежде они безъ нея были? Но естьли съ ними, то нѣтъ сомнѣнія, что она сотворена отъ того, отъ котораго и они, и купно, какъ только сотворены, къ тому, отъ котораго сотворены, тою любовію,

съ которою сотворены прилѣпились. И симъ то самымъ добрые отъ общества злыхъ различаются, понеже добрые въ той же благой волѣ пребыли, а злые отъ оной уклонившись премѣнились, злою, то есть, волею: потому, что уклонились отъ добра, отъ коего не уклонились бы, естьли не восхотѣли. Естьли же добрые Ангели были прежде безъ доброй воли, и оную въ себѣ самихъ безъ содѣйствія Божія сдѣлали, слѣдовательно они сами чрезъ себя лучшими стали, нежели какъ сотворены отъ Бога. Да не будетъ. Ибо что они были безъ доброй воли, какъ только злые? Или ежели потому не были злы, понеже воли злой въ нихъ не было, поелику отъ оной, которой имѣть не начинали, не удалились: при всемъ томъ не были таковыми, не были столь добрыми, какъ съ доброю волею быть начали. А ежели не могли самихъ себя сдѣлать лучшими, нежели какъ они сотворены отъ того, котораго никто лучше не содѣлываетъ, то всенепремѣнно и воли доброй, коею бы лучшими имъ быть, имѣть не могли бы безъ содѣйствующей помощи Творца. И когда ихъ воля добрая то произвела въ нихъ, что они не къ себѣ самимъ, но къ тому, который высочайшее бытіе имѣетъ, обратились, дабы ему прилѣпляясь его причастіемъ премудро и блаженно жить: то что иное отсюда открывается, что

всякая воля добрая была бы недостаточна, естьли бы тотЪ, который добрую природу изЪ ничего сотворилЪ, самимЪ собою наполняя не содѣлалЪ лучшею, сперва сотворивЪ стремящеюся желаніемЪ? Ибо и сіе разсмотрѣть должно: понеже естьли добрые Ангели сами вЪ себѣ содѣлали добрую волю, то волею ли какою, или безЪ воли оную содѣлали? Естьли безЪ воли: слѣдовательно и не содѣлали; естьли волею: то или злою, или доброю? Естьли злою: то какимЪ образомЪ воля злая могла быть творительною причиною воли доброй? Естьлиж доброю: слѣдовательно они ея уже имѣли. И сію кто же содѣлалЪ, кромѣ того, который ихЪ сЪ чистою любовію, коею ему прилѣпляются, сотворилЪ, купно творя вЪ нихЪ и природу, и даруя благодать? Чего для не должно думать, аки бы Ангели святые безЪ доброй воли, то есть безЪ любви кЪ Богу были. Оные же, которые сотворены будучи добрыми, однако суть злыми, собственною своею волею, коей добрая природа не содѣлала, но самоизвольное отступленіе отЪ добра, дабы зла виною не было добро, но самоизвольное отступленіе отЪ добра: или меньшую любви кЪ Богу благодать получили, нежели тѣ, кои вЪ той же пребыли: или естьли обои равно добрыми сотворены, то при паденіи злою волею однихЪ, другіе помоществуемы будучи болѣе кЪ оной блаженства полнотѣ,

изЪ

изъ которой никогда ниспасть не могутъ, достигли: какъ въ положенной предъ сею книгѣ мы говорили. И такъ признаться должно, съ должною хвалою Творцу, что не только къ однимъ святымъ людямъ, но и святымъ Ангеламъ то принадлежитъ, что *любовь Божія изліяся въ нихъ духомъ святымъ даннымъ имъ*. И не только людей, но во первыхъ и наипаче есть Ангеловъ добромъ то, что написано: *Мнѣ же прилѣплятися Богови благо есть.* Сіе добро, коимъ есть общимъ, тѣ имѣютъ и съ тѣмъ, которому прилѣпляются, и между собою святое общество, и суть единымъ градомъ Божіимъ, тоюжде живою жертвою Богу, и живымъ ему храмомъ, котораго часть изъ смертныхъ соединиться имѣющая съ Ангелами собирается, и нынѣ на земли странствуетъ, или преставившись упокоевается. Которая какъ отъ тогожъ Творца началась, какъ о Ангелахъ я сказалъ, поговорить теперь должно. Ибо отъ одного человѣка, котораго сперва Богъ создалъ, родъ человѣческій воспріялъ начало, по достовѣрности Священнаго Писанія, которое чудную важность по достоинству во всей вселенной имѣетъ, и во всѣхъ языкахъ, о которыхъ между прочимъ въ немъ написанномъ богодухновенно предвозвѣстило, что оныя ему увѣриться имѣютъ.

Глава десятая.

О ложности той повѣсти, которая прошедшимъ временамъ многія тысячи лѣтъ приписываетъ.

Оставимъ догадки людей незнающихъ, что говорятъ о природѣ и началѣ человѣческаго рода. Ибо иные, какъ и о самомъ мірѣ думали, вѣрили, что люди всегда были. Почему Апулій описывая сей родъ животныхъ, говоритъ: что смертные природою своею и родомъ вѣчны; хотя они во особенности и смертны. И ежели имъ скажетъ кто либо: ежели родъ человѣческій всегда былъ, то какимъ образомъ справедливы будутъ ихъ повѣсти, которыя описываютъ первыхъ вещей изобрѣтателей, также свободныхъ наукъ и прочихъ художествъ учредителей и заводчиковъ. Подобно и тѣхъ, которые прежде всѣхъ страну какуюлибо, или часть земли населять начали, или на островахъ обитать? Отвѣтствуютъ, что потопами и пожарами въ извѣстныя нѣкоторыя и уставленныя времена, хотя не все, но почти все на земли такъ истребляется, что людей наималѣйшее количество остается, отъ которыхъ бы паки человѣческому роду размножиться: и такимъ образомъ думается, что начинается то, что было крайнимъ опустошеніемъ разорено и почти истреблено, хотя впрочемъ человѣкъ и не можетъ родиться, какъ только

ко отъ человѣка. Говорятъ же они то, что думаютъ, а не по знанію. Обманываютъ ихъ также ложныя нѣкоторыя повѣсти, которыя въ исчисленіи временъ многія тысячи лѣтъ содержатъ: когда напротивъ Священное Писаніе открываетъ, что отъ начала человѣческаго рода не прошло еще шести тысячь (1) лѣтъ. Чего для дабы не продолжить словопрѣнія, показывая, какимъ образомъ оныя писанія, кои представляютъ многія тысячи лѣтъ, отражать надлежитъ, и что оныя въ себѣ не заключаютъ никакой справедливости: довольно упомянуть объ одномъ письмѣ Александра великаго, писанномъ имъ къ матери своей Олимпіадѣ, которое писалъ онъ представляя повѣствованіе нѣкотораго Египетскаго жреца, который изъ священными называемыхъ книхъ Александру оное показывалъ. Оное письмо заключаетъ въ себѣ и тѣ государства, которыя извѣстны и Греческой исторіи. Государство Ассирійское (2) по повѣствованію онаго Египтянина продолжалось съ лишкомъ пять тысячь лѣтъ; Греческая же исторія считаетъ отъ начала самаго Вила перваго Ассирійскаго Государя около тысячи трехъ сотъ лѣтъ. А сего Государя и Египтянинъ оный полагаетъ первымъ. Персидское же и Македонское государство, по его сказкамъ, до Александра, съ которымъ онъ говорилъ, болѣе осьми тысячь лѣтъ про-

должалось: когда напротивЪ у ГрековЪ по исторіи Македонское до смерти Александровой простиралось четыре ста восемдесятЪ пять лѣтЪ: Персидское же до побѣды полученной надЪ Персами АлександромЪ, продолжалось двѣсти тритцать три года. И такЪ сіи числа несравненно менѣе ЕгипетскихЪ, такЪ, что ежели умножить ихЪ втрое, и тогда сравниться не могутЪ. Ибо сказываютЪ о ЕгиптянахЪ, (3) что они толь краткія имѣли годы, что каждый годЪ четырьмя мѣсяцами опредѣляли. Почему годЪ полный и прямый, каковой нынѣ они и мы имѣемЪ, три года ихЪ вЪ себѣ заключалЪ древнихЪ. Но и такимЪ образомЪ, какЪ я сказалЪ, Греческая исторія сЪ Египетскою вЪ числѣ лѣтЪ не можетЪ быть сходною. И для того Греческой наипаче вѣрить должно, понеже она не превышаетЪ справедливаго числа лѣтЪ содержащихся вЪ СвященномЪ нашемЪ Писаніи. И такЪ ежели сіе письмо Александрово всѣмЪ извѣстное удалено вЪ разсужденіи временЪ отЪ вѣроятія: то кольми паче не должно вѣрить тѣмЪ повѣстямЪ, которыя наполнивЪ баснями, какЪ нѣкоторыми настоящими и прямыми древностями, издали нѣкоторые вЪ опроверженіе СвященныхЪ книгЪ, которые предвозвѣстили, что вся вселенная пріиметЪ вѣру, и которымЪ, какЪ вЪ нихЪ предсказано, вся вселенная, вѣритЪ: которыя показали и подали до-

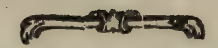
водЪ,

водѣ, что о прошедшемъ справедливо повѣствовали, когда не ложно исполняется то, что они будущее предсказали.

Глава первая на десять.

О тѣхъ, которые хотя міра вѣчнымъ не признаваютъ, но признаваютъ множество міровъ, или думаютъ, что тотъ же самый міръ въ назначенныя времена разрушается и раждается.

Другіе же, которые міра сего не поставляютъ вѣчнымъ, но или думаютъ, что онъ одинъ (1), или безчисленные (2): и хотя одинъ, но въ уставленныя вѣки, тмократно разрушается и раждается, тѣ по необходимости признаться должны, что родъ человѣческій безъ людей его родившихъ начался. Ибо какъ нѣкоторые спорятъ, что по потопахъ (3) и пожарахъ міра, коихъ они не признаваютъ повсемственными, малочисленные люди остаются всегда для размноженія рода человѣческаго: такъ сіи могутъ думать, что при разрушеніи міра остаются нѣкоторые люди для возобновленія человѣческаго рода. Но какъ они почитаютъ, что самый міръ паки изъ вещества раждается, такъ должны признать, что въ немъ человѣческій родъ изъ стихіевъ начало получаетъ, а потомъ отъ родителей, наподобіе другихъ животныхъ, племя происходитъ.

Глава втораянадесять.

Что отвѣтствовать должно тѣмъ, которые говорятъ, что первый человѣкъ созданъ поздо.

Что мы отвѣтствовали, когда о началѣ міра говорили, тѣмъ, которые вѣрятъ, что міръ не всегда былъ, но быть началъ: какъ и Платонъ ясно признается; хотя нѣкоторые говорятъ, что онъ инако думалъ, нежели говорилъ; сіе и о созданіи первомъ человѣка отвѣтствовать могу тѣмъ, которые гнѣваются, для чего человѣкъ въ безконечныя оныя прошедшія прежде міра времена не сотворенъ, а сотворенъ столь поздо, что шести тысячь лѣтъ не прошло отъ того времени, по свидѣтельству Священнаго Писанія, какъ первый человѣкъ бытіе получилъ? Ибо ежели краткость времени ихъ безпокоитъ, то есть, что мало лѣтъ прошло отъ того, какъ человѣкъ созданъ, по повѣствованію нашихъ книгъ: то пускай себѣ вообразятъ, что нѣтъ ничего долговѣчнаго, когда имѣетъ предѣлъ, и всѣ вѣки, ежели съ безконечною сравнить вѣчностью, то не только малыми почесть надлежитъ; но и со всѣмъ ничѣмъ. И потому естьли не только пять или шесть тысячь, но и шездесятъ или шесть сотъ, или нѣсколько сотъ тысячь милліоновъ умноженныя до толикаго числа, котораго ни словами изобра-

зить

вить ни наименовать мы не умѣли бы, въ которыя бы сотворенъ былъ человѣкъ: то и тогда можно было бы спрашивать, для чего Богъ прежде того не сотворилъ? Ибо Богъ есть вѣченъ и прежде не творилъ человѣка: и потому ежели неизчисленное множество временъ конецъ имѣющихъ сравнить съ вѣчностію, то всѣ оныя вѣки меньше несравненно покажутся, нежели капля противъ всего Океана: ибо капля хотя есть малѣйшая въ разсужденіи того, сколько объемлетъ Океанъ, а Океанъ несравненно великъ: однако предѣлъ имѣетъ. Оная же времени великость, которая начинается отъ нѣкотораго начала, и ограничена предѣломъ, сколь бы ни была увеличиваема и продолжаема, однако въ сравненіи съ тѣмъ, которое начала не имѣетъ, не только почесться можетъ малымъ, но лучше сказать ничѣмъ. Ибо отъ сего числа естьли по одному числу отнимать, то хотя бы таковое было число, котораго наимяновать не знаемъ, такъ какъ ежели бы отнимать изъ числа дней человѣческихъ, начиная отъ дня настоящей жизни до дня рожденія, то когда нибудь до начала достигнемъ: естьли же отнимать считая назадъ числа изъ того, что начала не имѣетъ, не говорю минутами, или часами, или днями, или мѣсяцами, или годами, но такими вѣками, которыя объяты быть могутъ числомъ: то никакой Маѳиматикъ исчислить

того

того будетъ не въ состояніи: и сіе не однажды пускай сдѣлаетъ, но всегда при всемъ томъ никакъ до начала не достигнетъ. Чего для о чемъ мы нынѣ по пяти тысячахъ лѣтъ вопрошаемъ, о томъ могли бы и потомки наши по прошествіи милліона лѣтъ съ такимъ же любопытствомъ вопрошать, естьлибъ только до толикихъ временъ родъ смертныхъ продолжился, и немощь невѣжественная простерлась. Могли и прежде насъ бывшіе въ самыя первыя человѣка времена о томъ же вопрошать. И самъ первый человѣкъ на другой или на третій день могъ вопрошать, для чего онъ не прежде созданъ. Но когда бы человѣкъ созданъ ни былъ, однако вопросъ сей о началѣ временныхъ вещей остался бы не рѣшеннымъ.

Глава третіянадесять.

О обращеніи вѣковъ, о которыхъ философы думали, что по совершеніи ихъ все въ той же порядокъ и въ тотъ же видъ возвратится.

Сей же вопросъ любомудрцы міра сего не инаково могли рѣшить, какъ допущеніемъ нѣкоторыхъ оборотовъ, коими все всегда въ природѣ вещей было возобновляемо: и увѣреніемъ себя, что и впредь безпрестанно обращеніе вѣковъ таковое быть имѣетъ: или въ пребывающемъ мірѣ, или въ

въ разрушающемся и паки раждающемся, которое вещи минувшія какъ бы новыя представлять имѣетъ, отъ которой игрушки и безсмертной души, когда она и мудрости достигнетъ, свободить не могутъ, идущей безпрестанно къ ложному блаженству, и возвращающейся непрестанно къ истинной бѣдности. Ибо какимъ образомъ есть истиннымъ то блаженствомъ, на вѣчность коего уповать не можно, когда душа грядущей бѣдности, или по невѣдѣнію истинны не знаетъ, или нещастно въ блаженствѣ ужасается? А естьли душа къ бѣдности никогда возратиться не имѣетъ, и отсюда къ блаженству преселяется; слѣдовательно бываетъ нѣчто новое въ мірѣ, которое конца времени не имѣютъ. Такъ для чегожъ и не міръ? Для чего и не человѣкъ созданный въ мірѣ, дабы оныхъ не вѣдомо какихъ ложныхъ оборотовъ отъ лживыхъ и обманчивыхъ мудрецовъ изобрѣтенныхъ, въ здравомъ ученіи стезею праваго пути избѣжать? Ибо нѣкоторые и оное, что пишется въ книгѣ Соломоновой называемой Экклесіастомъ: *что есть, еже бѣ? Тожде еже имать содѣлатися. Нѣсть ничто же ново подъ солнцемъ, и нѣсть иже речетъ: се сіе ново. Уже бѣ въ вѣкахъ прежде насъ бывшихъ*; влекутъ къ своимъ оборотамъ. Которое онъ или о тѣхъ вещахъ сказалъ, о коихъ говорилъ выше, то есть о рожденіяхъ и разрушеніяхъ; о оборотахъ солнечныхъ,

ныхъ, о стремленіи источниковъ; или о родахъ всѣхъ вещей, которыя раждаются и разрушаются. Ибо были люди прежде насъ, находятся и съ нами, будутъ и послѣ насъ. Равно и прочія животныя и растѣнія. И самыя чудовища раждаемыя въ необычайномъ видѣ, хотя между собою различны, и нѣкоторыя однажды родившимися описываются: но поелику вообще суть удивленія и чудовища, то оныя и прежде были и будутъ впредь. И не есть новое нѣчто, что чудовище родилось подъ солнцемъ. Хотя нѣкоторые сіи слова такъ толковали, что въ разсужденіи предъопредѣленія Божія премудрый все разумѣетъ и почитаетъ содѣланнымъ, и потому нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ. И такъ вѣра правая не повелѣваетъ намъ вѣрить, что Соломонъ оными словами означаетъ оныя вымышленныя философовъ обороты, которыми такъ времена и вещи временныя обращаются, что на примѣръ какъ естьлибъ въ семъ вѣкѣ Платонъ философъ въ городѣ Аѳинахъ, въ училищѣ называемомъ академіею училъ учениковъ, то отъ нынѣ считая назадъ множество вѣковъ, или впредь той же самой Платонъ въ томъ же городѣ тѣхъ же учениковъ обучалъ или обучать имѣетъ. Никакъ говорю, вѣрить тому не должни. *Ибо Христосъ единою умре за грѣхи наши, воставъ же отъ мертвыхъ къ тому уже не умираетъ, смерть имъ ктому не-*

обла-

обладаетъ. И мы по воскресенiи *всегда съ Господемъ будемъ*, которому нынѣ вопiемъ, что царствующiй пророкъ внушаетъ: *Ты Господи сохраниши ны, и соблюдеши ны отъ рода сего во вѣки.* Кажется же мнѣ довольно приличествуетъ симъ людямъ то, что далѣе въ семъ псалмѣ написано: *Окрестъ нечестивiи ходятъ,* но потому акибы чрезъ обращенiе и круги ими мнимые житiе ихъ возвратится, но что таковъ есть заблужденiй ихъ путь, то есть ложно ученiе.

Глава Четвертаянадесять.

О временномъ созданiи человѣческаго рода, которое Богъ ни новымъ совѣтомъ, ни измѣняемою волею устроилъ.

Чтожъ? удивительно ли, что тѣ, кои окрестъ заблуждаютъ, не знаютъ ни входа ни исхода? понеже не вѣдаютъ, когда родъ человѣческiй и сiя наша смертность, и въ какое начало началась, и какой конецъ имѣть будетъ; когда глубины Божiей проникнуть не могутъ. Понеже когда Богъ есть вѣченъ и безначаленъ, однако отъ нѣкотораго начала началъ времена и человѣка, котораго никогда прежде не творилъ, сотворилъ во времена, при всемъ томъ не новымъ и внезапнымъ, но неизмѣняемымъ и вѣчнымъ совѣтомъ. Кто глубину сiю въ состоянiи постигнуть, и неиспытанное испытать;

по которой Богъ временнаго человѣка, прежде котораго ни одного человѣка не было, неизмѣняемымъ хотѣніемъ во времени создалъ, и отъ одного родъ человѣческій умножилъ? Когда псаломникъ сказавъ прежде: Ты Господи сохраниши ны, и соблюдеши ны отъ рода сего во вѣки: потомъ отражаетъ безумное и нечестивое ученіе тѣхъ, которые свобожденія и блаженства душѣ не присвояютъ вѣчнаго, приложивъ: *Окрестъ нечестивіи ходятъ.* Какъ будто бы ему сказано было: какже ты вѣруешъ, какъ разсуждаешъ, понимаешъ? Не ужели думать должно, что Богу внезапно благоугодно было создать человѣка, котораго въ безконечную считая назадъ вѣчность не создалъ? Не уже ли богу приключилось что либо новое, въ которомъ нѣтъ ничего измѣняемаго? И чтобъ мы слыша сіе не смутились и неусомнились, тотчасъ отвѣтствуетъ, говоря къ самому Богу: *По высотѣ твоей умножилъ еси сыны человѣческія.* Пускай, говоритъ, думаютъ люди, какъ хотятъ, пускай мечтаютъ, какъ имъ угодно, и словопрятся, однако ты *по высотѣ твоей*, которой никто отъ человѣкъ постигнуть можетъ, *умножилъ еси сыны человѣческія.* Ибо крайне непостижимо есть сіе, что Богъ былъ всегда, и что человѣка, котораго никогда прежде не созидалъ, со временемъ создать благоизволилъ, и что ни совѣта своего, ни воли не измѣнилъ.

Глава

Глава пятаянадесять

Что Богъ какъ всегда былъ Богомъ, такъ и Господь, дабы всегда былъ Господемъ, должно ли вѣрить, что тварь всегда была, надъ которою бы онъ господствовалъ; и какимъ образомъ называется всегда сотворенымъ, котораго не льзя назвать Богу равновѣчнымъ.

Я какъ не дерзаю сказать, что Господь Богъ нѣкогда не былъ господемъ: такъ сомнѣваться не долженъ, что человѣка никогда прежде не было, и съ нѣкотораго времени вопервыхъ человѣкъ созданъ. Но когда помышляю, чему онъ всегда былъ Господемъ, когда не было твари, то страшусь утверждать что либо. Понеже и самъ на себя взираю, и воспоминаю написанное: *Кто отъ человѣкъ можетъ познать совѣтъ Божій? или кто можетъ уразумѣть, что хощетъ Господь? Помышленія во смертныхъ боязлива, и погрѣшительна умышленія ихъ.* Понеже тлѣнное тѣло обременяетъ душу, и земное жилище тяготитъ чувство и мысль помышляющую о многомъ. И такъ изъ сихъ, о которыхъ я въ семъ земномъ жилищѣ многихъ разсуждаю, многихъ для того, понеже одно изъ нихъ или кромѣ ихъ, о которомъ можетъ быть я не помышляю, есть истинно, найти не могу. Естьли сказать, что всегда была тварь, которой бы былъ Господемъ тотъ,

 который

который всегда есть Господемъ, и никогда Господемъ не не былъ, но иногда та, иногда другая въ разсужденіи различныхъ временъ, дабы не поставить нѣкоторую тварь равновѣчную Творцу, что вѣра и здравый разумъ отвергаетъ: то опасаться должно, дабы не было безмѣстнымъ, и отъ свѣта истинны удаленнымъ, что смертная и измѣняемая по временамъ тварь разрушающаяся и раждающаяся была всегда безсмертная же не прежде началась, какъ уже до нашего дошло вѣка; когда и Ангели сотворены, естьли прямо ихъ означаетъ первый оный свѣтъ, или наипаче оное небо, о коемъ сказано: *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю.* Которые однако не были, прежде нежели сотворены, дабы, ежели сказать, что они всегда были, какъ безсмертные, не подумалъ кто, что они Богу равновѣчны. Естьли же сказать, что не во времени сотворены Ангели, но прежде всѣхъ временъ были, коихъ Богъ былъ Господемъ, который всегда былъ Господемъ: то паки вопрошаютъ меня: ежели прежде всѣхъ временъ сотворены, то моглиль быть всегда сотворенные? Таковымъ по видимому можетъ быть такъ отвѣтствовать должно; какъ же не всегда, когда то, что есть во всяко время, не непристойно всегда называется. Столь же они были во всякое время, что и прежде временъ сотворены, естьли только времена

на-

начались отЪ неба, и они были прежде неба. Но ежели время не отЪ неба, но было прежде неба, не вЪ часахЪ, и дняхЪ, и мѣсяцахЪ и годахЪ: ибо сіи размѣренія временныхЪ разстояний, которыя употребительно и собственно называются временами, извѣстно, что отЪ теченій небесныхЪ начались: чего для и БогЪ сотворивЪ небесныя свѣтила, сказалЪ: и да будутЪ вЪ знаменія, и во времена, и во дни, и лѣта: но вЪ нѣкоторомЪ измѣняемомЪ движеніи, котораго иное первое прошло, другое послѣднее наступило, потому, что купно быть не могутЪ. И такЪ ежели прежде неба вЪ АнгельскихЪ движеніяхЪ таково нѣчто было, и потому уже было время, и Ангели со времени сотворенія свое временное движеніе имѣли, то и такимЪ образомЪ они во всякое время были, когда сЪ ними сотворены времена. Кто же скажетЪ, что то навсегда было, что во всякое было время? Но ежелибЪ я такЪ отвѣтствовалЪ, то сказано будетЪ мнѣ: какимЪ же образомЪ они Богу неравновѣчны, когда и онЪ и они были всегда? И какЪ тѣхЪ сотворенными назвать, которые всегда бывшими разумѣются? Что на сіе отвѣчать должны? СкажемЪ ли, что они и всегда были, понеже были во всякое время, когда сотворены современемЪ, или сЪ которыми сотворены времена, однако и они сотворены? Ибо и самые времена сотворенными

 при-

признаваемЪ, хотя никто не сумнѣвается, что во всякое время было время. Понеже естьли не во всякое время было время, то можнобЪ было сказать; что было время, когда не было времени. Кто сіе изЪ наибезумнѣйшихЪ скажетЪ? Ибо можемЪ справедливо сказать: было время, когда не было Рима: было время, когда не было Іерусалима: было время, когда не было человѣка, и прочее подобное. НаконецЪ, ежели не вЪ началѣ, но по нѣсколькомЪ времени сотворенЪ мірЪ, то можемЪ сказать: было время, когда не было міра. А оное: было время, когда не было время, столь непристойно сказать, какЪ ежелибы кто выговорилЪ: былЪ человѣкЪ когда не было никакого человѣка: или былЪ мірЪ сей, когда не было сего міра. Ибо естьлибЪ по соотношенію кЪ другому сказано было, то было бы приличнымЪ: на примѣрЪ: былЪ иной человѣкЪ, когда не было сего человѣка. ТакЪ можемЪ справедливо сказать: было иное время, когда не было сего времени. Но было время, когда не было время, кто изЪ самыхЪ несмысленныхЪ скажетЪ? И такЪ какЪ говоримЪ, что время сотворено, когда потому всегда бывшимЪ называется, понеже во всякое время было время: такЪ не слѣдуетЪ изЪ того, что естьли Ангели всегда были, то аки бы они и не сотворены. Ибо они для того всегда бывшими называются, понеже

во все время были, и во все время потому были, понеже безъ нихъ самыя времена быть не могли. Понеже гдѣ нѣтъ никакой твари, коей измѣняемыми движеніями времена совершалися бы, тамъ времена совсѣмъ быть не могутъ. И потому, ежели всегда были, то они сотворены, и потому Творцу не равновѣчны. Ибо онъ былъ всегда вѣчностію неизмѣняемою, а сіи сотворены. Но потому всегда бывшими называются, понеже во всякое время были, безъ которыхъ времена быть не могли. Время же поелику въ разсужденіи измѣняемости своей преходитъ, то вѣчности неизмѣняемой не можетъ быть равновѣчнымъ. И того ради естьли безсмертность Ангеловъ не преходитъ во времени, ни почитается мимошедшею, какъ будто бы оной уже не было, ни будущею какъ будто бы оной еще не было: однако ихъ движенія, коими времена совершаются, изъ будущаго на прошедшее преходятъ: и потому Творцу, которому ни прошедшаго ничего ни будущаго нѣтъ, равновѣчными быть не могутъ. Того для естьли Богъ всегда былъ Господемъ, то всегда имѣлъ тварь Его владычеству работающую, однако не отъ Него рожденную, но изъ ничего сотворенную, и слѣдовательно ему не равновѣчную. Ибо Онъ былъ прежде ея, хотя ни въ какое время не былъ безъ нея, предваряя оную не временемъ преходящимъ, но пребывающею

щею вѣчностію. Но ежели я таковой отвѣтъ дамъ тѣмъ, которые вопрошаютъ: какимъ образомъ Творецъ всегда былъ Господемъ, когда твари работающей Ему всегда не было: или какъ тварь сотворенною поставляется, а не равно вѣчною Творцу, когда она всегда была? Боюсь, дабы не подумали обо мнѣ, что я то утверждаю, чего не знаю, нежели предлагаю то, что знаю. И такъ возвращаюся къ тому, что Творецъ нашъ благоволилъ намъ знать: а оное, что даровалъ въ сей жизни знать однимъ премудрѣйшимъ, или предоставилъ оное совершеннымъ въ будущей жизни, признаюсь превосходитъ мои силы. Но для того я говорилъ о семъ ничего не утверждая, дабы читающіе сіе видѣли, отъ какихъ вопросовъ удерживаться должны, и не щитали бы себя ко всему способными, и разумѣли бы, сколь нужно повиноваться Апостолу здраво повелѣвающему: *Глаголю же благодатію данною мнѣ, всѣмъ сущимъ въ васъ, не мудрствовати паче, неже подобаетъ мудрствовати, но мудрствовати въ цѣломудріи, якоже комуждо Богъ далъ есть мѣру вѣры.* Ибо ежели по мѣрѣ силъ своихъ питаемъ будетъ младенецъ, то послѣдуетъ отъ того, что возрастая болѣе будетъ принимать, ежелижъ силы свои превзойдетъ въ младенчествѣ, то изнеможетъ прежде нежели возрастетъ.

Глава

Глава шестаянадесять.

Какъ разумѣть оное надлежитъ, что жизнь вѣчная обѣщана отъ Бога прежде лѣтъ вѣчныхъ.

Какія вѣки прошли, прежде нежели былъ созданъ родъ человѣческій, признаюсь, что не знаю, однако нимало не сумнѣваюсь, что твари Творцу равновѣчной нѣтъ никакой. Упоминаетъ также Апостолъ о лѣтахъ вѣчныхъ, да и то не о будущихъ, но, чему наипаче удивляться должно, прошедшихъ. Ибо такъ онъ говоритъ: *въ чаяніе жизни вѣчныя, юже обѣща не ложный Богъ прежде лѣтъ вѣчныхъ: явиже времены своими Слово Свое.* Вотъ Апостолъ говоритъ, что были лѣта вѣчныя, которыя однако были Богу не равновѣчными. Когда Богъ не только былъ прежде лѣтъ вѣчнымъ, (1) но и обѣщалъ жизнь вѣчную, которую явилъ во времена свои, то есть уставленныя, что иное, какъ слово свое? *Сіе бо есть животъ вѣчный.* Какимъ же образомъ обѣщалъ, когда обѣщалъ людемъ, коихъ не было прежде лѣтъ вѣчныхъ? Не инако какъ только, что въ Его вѣчности и въ самомъ Его словѣ Ему равновѣчномъ предъуставлено было, что во свое время быть имѣло.

Глава седьмаянадесять.

Что въ разсужденіи неизмѣняемаго Божія совѣта, или Божіей воли правая вѣра защищаетъ противъ мнѣнія тѣхъ, которые поставляютъ, что дѣла Божія отъ вѣка повторяемыя, чрезъ тѣже непрестанно обращенія вѣкамъ возвращаются.

О томъ также не сумнѣваюсь, что прежде нежели созданъ былъ первой человѣкъ, никогда ни одного человѣка не было, и что также человѣкъ или другой ему природою равенъ чрезъ нѣкоторыя обороты временъ въ жизнь сію нѣсколько кратъ не возвращался. И отъ сего признанія и вѣры никакія философовъ доказательства устрашивъ меня отвратить не могутъ. Въ числѣ коихъ оное наиострѣйшимъ почитается, которое предлагаютъ, что никакимъ знаніемъ безконечнаго постигнуть не можно. И потому, говорятъ, Богъ всѣхъ вещей имъ сотворенныхъ предѣлы имѣющихъ всѣ предѣльныя въ себѣ вины содержитъ, благость же Его бездѣйственною почитать недолжно, дабы дѣйствіе оной не было временнымъ, которыя бездѣйственность считая назадъ есть вѣчною, какъ будто бы онъ сожалѣвъ о безначальномъ бездѣйствіи, принялся за начало дѣла. И потому говорятъ потребно тѣмъ же вещамъ повторяемымъ быть, или при бытіи міра образомъ измѣняемымъ, который хотя никогда не-

не былъ, однако сотворенъ или рожденіемъ и разрушеніемъ его, дабы кто не подумалъ, что естьли Богъ дѣла свои нѣкогда началъ, то первая Его бездѣйственность была праздною, и потому аки бы когда она Ему стала не угодною, тогда оную перемѣнилъ. Естьли же дѣлалъ временное то или другое, и такимъ образомъ къ творенію человѣка, котораго никогда прежде не дѣлалъ, приближился, не знаніемъ, о которомъ думаютъ, что всякаго безконечнаго постигнуть не можно; но какъ пришло на разумъ, какъ бы случайнымъ нѣкоторымъ непостоянствомъ содѣлалъ все, что содѣлалъ. И такъ ежели, говорятъ, допустить оные обороты временъ или при цѣлости міра, или при разрушеніи его и рожденіи, то не будетъ празднымъ Богъ, особливо когда безначальная вѣчность ему присвояется, и дѣла Божіи не будутъ случайными. Понеже естьли тожъ потомужъ повторяемо не будетъ, то не могутъ безконечныя различно измѣненныя знаніемъ или предвѣденіемъ какимъ либо быть постигнуты. Сіи доказательства, которыми нечестивые простое наше благочестіе, дабы мы съ ними *окрестъ ходили*, съ праваго пути сбить, естьлибъ разумъ отразить не могъ, то покрайней мѣрѣ вѣра онымъ посмѣхаться долженствовала. Сюда принадлежитъ, что помощію Господа Бога нашего сіи обороты разумомъ человѣческимъ вы-

мышляемые здравый разумЪ опровергаетЪ, и разрушаетЪ. Ибо отЪ сего наипаче они заблуждаютЪ, и лучше окрестЪ ходить, нежели истиннымЪ и правымЪ шествовать путемЪ изволяютЪ, понеже разумЪ Божій неизмѣняемый; все безчисленное безЪ перемѣны мыслей и щитающій по своему человѣческому и измѣняемому и тѣсному соразмѣряютЪ разуму. И сбывается на нихЪ Апостольское слово: *подобяще сами себя самимЪ себѣ, сами себя не разумѣютЪ.* Понеже какЪ имЪ что новое во умЪ придетЪ новымЪ дѣлаютЪ совѣтомЪ, ибо измѣняемыя разумы имѣютЪ, не о Богѣ, котораго помыслитЪ не могутЪ, но вмѣсто его о себѣ самихЪ помышляя не Его, но самихЪ себя, не Ему но самимЪ себѣ уподобляютЪ. Мы же не должни вѣрить, что БогЪ инаковЪ когда не дѣлаетЪ и инаковЪ, когда дѣлаетЪ: ибо вЪ Его естествѣ ничего не бываетЪ чего бы прежде не было. И такЪ когда БогЪ не дѣлаетЪ, не должно воображать вЪ его недѣланіи лѣности, нерадѣнія: такЪ когда дѣлаетЪ, не надлежитЪ воображать труда, тщанія, попеченія. ОнЪ знаетЪ дѣлать безЪ заботы, и дѣлая не безпокоится. МожетЪ кЪ новому дѣлу не новой, но вѣчный употреблять совѣтЪ, и не изЪ раскаянія, что прежде не дѣлалЪ, дѣлать началЪ, чего не дѣлалЪ. Но ежели и прежде не дѣлалЪ, и послѣ началЪ дѣлать, что я не знаю какимЪ образомЪ человѣкЪ разумѣть можетЪ, то

безЪ

безъ сомнѣнія сіе самое, что называется прежде и послѣ было въ вещахъ, коихъ прежде не было, и которыя послѣ въ бытіе приведены. А въ Богѣ предваряющей послѣдствующая неизмѣнила воли, но одно и тожъ хотѣніе неизмѣнное дѣлало, дабы созданныя вещи прежде не были, и послѣ пришли въ бытіе. Отсюда открываетъ, что онъ во всемъ никакой не имѣлъ нужды, но сотворилъ изъ единой своей благости, когда безъ всѣхъ вещей въ вѣчности начала не имѣющей не менѣе пребывалъ блаженнымъ.

Глава осьмаянадесять.

Противъ тѣхъ, которые говорятъ, что безчисленное и безконечное и Божіимъ знаніемъ объято быть не можетъ.

Что же они говорятъ, акибы безчисленное и Божіимъ знаніемъ объято быть не можетъ, то остается имъ сказать, и въ бездну глубокаго нечестія погрузить себя, и утвердить, что Богъ всѣхъ числъ не знаетъ Ибо извѣстно, что они безчисленны, понеже на какомъ бы ты ни восхотѣлъ числѣ положить конецъ, то оное не говорю прибавленіемъ одного умножается, но хотябъ великое и крайнее въ себѣ содержалъ множество, въ самомъ счисленіи и знаніи числъ не только удвояться, но и умножаться можетъ. Всякое же число такъ своими свойства-

ствами опредѣляется, что ни одно изъ нихъ другому равнымъ быть не въ силахъ. Слѣдовательно они и различны между собой и несходственны, и каждое изъ нихъ имѣетъ предѣлъ, и всѣ вообще конца и предѣла неимѣютъ. И такъ не уже ли по причинѣ безчисленности, не знаетъ числъ Богъ, какъ будто бы знаніе Божіе до нѣкотораго наивеличайшаго числа достигаетъ только, а прочихъ числъ не знаетъ! кто сіе изъ самыхъ наибезумнѣйшихъ скажетъ? И не дерзнутъ утверждать, что числа такъ какъ нѣчто презрѣнное къ Божію знанію не принадлежатъ: которыхъ увѣряетъ Платонъ, что Богъ числомъ міръ сотворилъ, и у насъ пишется, что Богъ *все мѣрою и числомъ и вѣсомъ устроилъ.* О которомъ глаголетъ Пророкъ, *творяй числомъ вѣкъ*, и Спаситель во Евангеліи: *власы*, говоритъ, *ваши изочтены суть.* И такъ не должны мы сомнѣваться, акибы той зналъ совершенно всякаго числа, *котораго разума*, какъ въ псалмѣ пишется, *нѣсть числа.* Почему безчисленность числа, хотя безчисленныхъ числъ нѣтъ никакого числа, однако постижны тому, *котораго разума нѣсть числа.* Чего для естьли все объемлемое знаніемъ объятіемъ и вмѣщеніемъ знающаго оканчивается и ограничивается, то всенепремѣнно и вся безконечность и безчисленность несказаннымъ нѣкоторымъ образомъ у Бога ограничена, понеже знанію Его все вмѣстимо. То-

го

то ради, естьли безчисленность числъ знанію Божію, коимъ объемлются, не можетъ быть безконечною; то какъ мы знанію его предѣлы положить предпринимаемъ говоря, что естьли тѣми же оборотами временъ тожъ временное повторяемо не будетъ, то не можетъ Богъ всего, что сотворилъ, или предвѣдать, дабы сотворить, или знать, когда сотворилъ. Котораго премудрость просто многоразличная и однообразно многоразличная такъ не вмѣстимое вмѣщаетъ, что всякое новое и не подобное предваряющему послѣдующее, не предвидѣлъ бы ближайшимъ временемъ, но въ вѣчномъ предвѣденіи содержалъ бы.

Глава девятаянадесять.

О вѣкахъ вѣковъ.

Я опредѣлить не смѣю, соединены ли нѣкоторымъ союзомъ между собою называемые вѣки вѣковъ (1), перемѣняясь однако благоустройнымъ различіемъ, при неизмѣнномъ пребываніи въ своемъ блаженномъ безсмертіи тѣхъ, кои избавляются отъ бѣдности: или такимъ образомъ называются вѣки вѣковъ, дабы мы разумѣли, что вѣки въ премудрости Божіей неизмѣнно пребывающіе сихъ со временемъ преходящихъ вѣковъ какъ бы творительные. Ибо можетъ статься, что можно назвать вѣкомъ, которые суть вѣки, такъ что нѣчто иное

бу-

будетъ вѣкъ вѣка, какъ вѣки вѣковъ: какъ и небо небесе нѣчто иное называется, какъ небеса небесъ. Ибо небомъ нарекъ Богъ твердь, выше которой находятся воды, однако во псалмѣ *и воды*, говорятъ, *яже превыше небесъ, да восхвалятъ имя Господне*. Которое же изъ сихъ двухъ основательнѣе, и не можно ли другаго чего о вѣкахъ вѣковъ разумѣть, вопросъ сей есть наиглубочайшій. И сіе что мы нынѣ говоримъ, не препятствуетъ, дабы сей вопросъ остался не разрѣшеннымъ; или ежели бы нѣчто мы и въ состояніи были опредѣлить, то симъ разсужденіемъ должни быть осторожнѣйшими, дабы въ толикой невразумительности вещей не дерзали безразсудно что либо утверждать. Ибо нынѣ у насъ рѣчь противъ мнѣнія тѣхъ, кои признаваютъ, что чрезъ обороты временъ тожъ паки повторяется. Но которое бы мнѣніе о вѣкахъ вѣковъ справедливо ни было, однако ни одно къ оборотамъ временъ не принадлежитъ нимало: понеже хотя были бы вѣки вѣковъ, однако оные будутъ не повторяемые но одни изъ другихъ проистекающіе, при пребываніи блаженства избавившихся отъ бѣдностей, безъ подверженія паки онымъ, хотя вѣки вѣковъ были бы вѣчными, какъ бы надъ временными владычествующими, однако обращенія оныя мѣста не имѣютъ, которыя опровергаетъ вѣчная жизнь святыхъ.

Глава

Глава двадесятая.

О нечестіи тѣхъ, которые утверждаютъ, что души высочайшее и истинное наслѣдившія блаженство паки и паки чрезъ обращеніе временъ къ той же бѣдности и трудамъ возвратятся.

Чьи изъ благочестивыхъ уши (1) снести могутъ, что по препровожденіи съ толикими бѣдствіями жизни, естьли только жизнію ея назвать можно, а не наипаче смертію (2), послѣ толикихъ золъ (3) толь великихъ и страшныхъ наконецъ чрезъ истинное благочестіе и мудрость очищенныхъ и оконченныхъ достигнуть къ лицезрѣнію Бога, и быть участникомъ блаженства чрезъ созерцаніе безплотнаго свѣта и неизмѣняемаго безсмертія, къ пріобрѣтенію котораго мы любовію стремимся; потомъ всего того лишиться, и отъ оной вѣчности, правды, блаженства низринувшись впасть въ прискорбную смертность, неразуміе и бѣдность, и искать паки блаженства чрезъ непотребства: и сіе претерпѣвать безконечно за тѣмъ единственно, дабы при обращеніи временъ преходящихъ и наступающихъ чрезъ наше ложное блаженство, и истинную бѣдность непрестанно одно за другимъ послѣдующія могли быть Богу свѣдомы Его дѣла; аки бы онъ не могъ безчисленнаго познать. Кто сіе терпѣливно слышать, кто безъ сумнѣнія вѣрить, кто безъ огорченія снести мо-

можетъ? Которое ежели бы было справедливо, то благоразумнѣе было бы о томъ молчать. Ибо ежели тамъ въ памяти мы содержать того не будемъ, и потому будемъ блаженными, то для чего здѣсь знаніемъ того обременяется наипаче наша бѣдность. Естьли же тамъ по необходимости знать будемъ, то покрайней мѣрѣ здѣсь того знать не должны, дабы щастливѣйшимъ было наше ожиданіе, нежели тамъ полученіе высочайшаго добра: когда здѣсь ожидаемъ вѣчной жизни, а тамъ блаженной, но не вѣчной, когда познаваемъ, что нѣкогда оной лишимся. Когда же говорятъ, что никто не можетъ онаго блаженства достигнуть: естьли не познаетъ сихъ обращеній въ жизни, гдѣ блаженство и бѣдность поперемѣнно случаются: то какимъ образомъ утверждаютъ, что чѣмъ болѣе кто возлюбитъ Бога, тѣмъ удобнѣе блаженства достигнетъ, когда самижъ они научаютъ тому, которое дѣлаетъ любовь хладною. Ибо кто не хладнѣе станетъ любить того, о которомъ будетъ думать, что онъ его оставитъ, и противъ его истинны и премудрости чувствовать станетъ? и сіе когда полнаго по своей мѣрѣ знанія, и совершеннаго блаженства достигнетъ? когда и человѣка друга не можетъ вѣрно никто любить, ежели о немъ будетъ извѣстенъ, что онъ врагомъ ему быть имѣетъ. Но мы не должни почитать истин-

тиннымъ прещенія истинною бѣдностію безконечною, прерываемою однако безконечно ложнымъ блаженствомъ. Ибо что онаго блаженства лживѣе и ложнѣе, когда при толикомъ свѣтѣ истинны не будемъ знать, что имѣемъ быть бѣдными, или станемъ бояться въ горнемъ блаженства селеніи. Понеже естьли знать не будемъ о будущей нашей бѣдности, то лучшею будетъ здѣшняя наша бѣдность, въ которой о будущемъ блаженствѣ мы знаемъ! Естьли же не скрыто оное отъ насъ будетъ, то бѣдная душа блаженнѣе времена препровождать можетъ здѣсь, по совершеніи которыхъ къ блаженству разрѣшится, нежели будучи блаженною, когда въ прежнюю бѣдность возвратисься имѣетъ. И такимъ образомъ надежда нашего не благополучія будетъ щастливою, и щастія нещастною. Изъ чего заключается, что, поелику мы настоящія бѣдствія претерпѣваемъ здѣсь, а тамъ боимся наступающихъ, то поистиннѣ можемъ мы всегда назваться бѣдными, нежели нѣкогда блаженными. Но понеже сіе ложно, какъ показываетъ благочестіе, и открываетъ самая истинна: ибо намъ неложно обѣщается истинное блаженство, котораго ни конца ни перемѣны не будетъ, то мы шествуя путемъ прямымъ, которымъ намъ есть Христосъ, помощію сего вожда и Спасителя отъ суетнаго и безумнаго нечестивыхъ обращенія путь вѣры и

разумъ отвратимъ. Ибо ежели въ разсужденіи сихъ непрестанныхъ временъ оборотовъ и возвращенія душъ, Порфирій Платоническій отрекся послѣдовать мнѣнію своихъ, тронутъ будучи или несправедливостію самой вещи, или уже устыдясь временъ Христіанскихъ, и лучше восхотѣлъ сказать, что душа ради познанія золъ въ міръ посланная, когда отъ оныхъ свободившись возвратится къ своему отцу, тогда уже впредь ничего таковаго не пострадетъ: кольми паче мы сію враждебную Христіанской вѣрѣ ложъ должны проклинать, и отъ оной удаляться. По уничтоженіи и отраженіи сихъ оборотовъ временъ, никакая необходимость насъ принудить не можетъ думать, что нѣтъ начала времени, когда начался родъ человѣческій, потому, что нѣтъ ничего въ вещахъ новаго, котораго бы и прежде за нѣсколько временъ не было, или послѣ быть не имѣло. Ибо ежели свобождается душа съ тѣмъ, дабы къ бѣдности ей не возвращаться такъ, какъ она никогда такъ свобождаема не была; то начинаетъ въ ней быть нѣчто, чего прежде никогда не было и сіе есть крайне великое, то есть получается ею непрестающее и вѣчное блаженство. Естьли же въ природѣ безсмертной бываетъ таковая новость будущая, никакимъ не повторяемая обращеніемъ, то для чего говорятъ, что въ вещахъ смертныхъ тому быть

не

не можно? Естьли же скажутЪ, что вЪ душѢ не бываетЪ новости блаженства, понеже она возвращается кЪ нему, вЪ которомЪ всегда была, то самое свобожденіе поистиннѢ бываетЪ новое, когда свобождается отЪ бѢдности, вЪ которой никогда она не была, и самая бѢдности новость вЪ оной сдѢлалась, которой никогда вЪ ней не было. Сія же новость не порядкомЪ вещей БожіимЪ промысломЪ управляемыхЪ случается, но наипаче по случаю, то гдѢ оныя опредѢленныя и размѢренныя обращенія, вЪ которыхЪ ничего новаго не бываетЪ, но повторяется тоже, что было? Естьли же и сія новость отЪ строенія Божія промысла не исключается, хотя душа ниспослана, хотя низринута, то можетЪ быть новымЪ оное, котораго прежде не было, и которое однако отЪ порядка вещей не удалено. И естьли могла душа своимЪ не благоразуміемЪ причинить бѢдность, о которой промыслЪ Божій не могЪ не знать, дабы вЪ порядокЪ вещей оную не включить, и дабы отЪ оной душу промыслительно избавить: то сЪ какимЪ безразсудствомЪ дерзаемЪ прекословить, что Божество можетЪ не вразсужденіи себя, но вЪ разсужденіи міра новыя производить вещи, которыя всегда ему были извѢстны? Естьли же скажутЪ, что души свобожденныя кЪ бѢдности никогда не возвратятся, но когда сіе бываетЪ, тогда ничего новаго не бываетЪ, понеже тѢ и другія всегда свобо-

 жда-

ждались, свобождаются, и свобождаться будутЪ: то чрезЪ сіе уступаютЪ, что души вновь сотворяются, которымЪ приключаются и новая бѣдность и новое свобожденіе. Ибо ежели они скажутЪ, что души суть древнія, и считая время назадЪ вѣчныя, которыя непрестанно составляютЪ сЪ тѣломЪ купно человѣка, и исходя отЪ тѣла никогда не возвращаются кЪ бѣдности, слѣдовательно принуждены будутЪ сказать, что души суть безчисленны. Ибо сколь бы ни велико было число душЪ, то не стало бы оныхЪ на прошедшія времена безчисленныя. И никакимЪ образомЪ изЪяснить немогутЪ, какимЪ образомЪ вЪ вещахЪ безчисленныхЪ Богу извѣстныхЪ не есть безчисленное число душЪ. Чего для когда уже обращенія оныя отражены, коими по мнѣнію ихЪ обращались души кЪ бѣдности, то что остается пристойнѣе благочестію, какЪ вѣрить, что Богу возможно и не содѣланное вновь содѣлать, и по неизреченному предвѣдѣнію не имѣть воли неизмѣняемою? ВпрочемЪ пускай они сами разсуждаютЪ о томЪ, умножается ли число свобожденныхЪ, и кЪ бѣдности не имѣющихЪ возвратиться душЪ, когда они о умаленіи безчисленности столь тонко разсуждаютЪ: а мы сЪ своей стороны свое разсужденіе ограничиваемЪ. Ибо ежели можетЪ, то какая причина опровергать, что могЪ сотворить никогда не сотворенное: но свобожденныхЪ

душЪ

душъ число не бывшее не только единожды сотворено, но никогда сотворяемо быть не престанетъ? Естьли же надлежитъ быть свобожденныхъ душъ опредѣленному числу, которыя никогда къ бѣдности не возвратятся, и оное бы число не умножалось; то безъ сомнѣнія и той самой, который имѣетъ быть, прежде никогда не былъ, который поистиннѣ возрасти, и къ своему количеству достигнуть безъ нѣкотораго начала не могъ бы, котораго начала поелику прежде никогда не было, то дабы быть оному, сотворенъ человѣкъ, прежде котораго ни одного не было.

Глава двадесять первая.

О сотворенiи одного перваго человѣка, и въ немъ человѣческаго рода.

Изъяснивъ трудный сей вопросъ, сколько силъ въ насъ было, что Богъ вѣчный творитъ новое не имѣя новой воли, нетрудно понять, что несравненно лучше было содѣланное, то есть, дабы отъ одного человѣка, котораго въ началѣ создалъ, умножить родъ человѣческiй, нежели отъ многихъ; ибо когда прочихъ животныхъ создалъ, иныхъ любящихъ уединенiе, какъ то орловъ, коршуновъ, львовъ, волковъ, и прочихъ подобныхъ; иныхъ стадныхъ, которые стадами любятъ жить, какъ-то голубей, скворцовъ, оленей, дикихъ козъ,

и прочихъ таковыхъ. Однако каждой изъ сихъ родъ не отъ одной пары произвелъ, но многимъ вкупѣ парамъ бытіе даровалъ. Человѣка же, котораго природу среднею между Ангелами и животными устроилъ, сотворилъ съ тѣмъ, что ежели онъ своему Творцу какъ истинному Господу повинуясь, заповѣдь его съ благоговѣйнымъ послушаніемъ сохранитъ преселился въ сообщество Ангеловъ, имѣя получить блаженное и безконечное безсмертіе: естьли же употребивъ своего хотѣнія Господа Бога своего надменностію и не послушаніемъ оскорбитъ, то жилъ бы находясь подъ смертнымъ приговоромъ, будучи рабомъ сладострастія, и послѣ смерти осужденъ былъ бы на вѣчное мученіе. Того ради одного создалъ не съ тѣмъ, чтобъ удалить его отъ человѣческаго общества, но чтобъ внушить ему наипаче союзъ и согласіе, когда не только человѣкъ съ человѣкомъ сходствомъ и подобіемъ природы, но и союзомъ родства сопряженъ. Когда и жену, которую имѣлъ ему совокупить, не такъ сотворилъ какъ мужа, но изъ него, дабы весь родъ человѣческій отъ одного человѣка размножился.

Глава

Глава двадесять вторая.
О природѣ человѣческой души сотворенной по образу Божію.

И такъ создалъ Богъ человѣка по образу и по подобію своему (1), То есть таковую ему сотворилъ душу, которою въ разсужденіи разума онъ превосходитъ всѣхъ животныхъ земныхъ летающихъ и водныхъ, кои таковаго разума не имѣютъ. И когда сотворилъ мужа отъ земли, и вдохнулъ въ него душу, каковую я выше сказалъ; то и жену въ помощь ему для рожденія изъ его ребра создалъ, какъ Богъ. Не должно же помышлять о семъ тѣлесно, такъ какъ видимъ художниковъ изъ вещества земнаго дѣлающихъ, какъ художество ихъ и тщаніе повелѣваетъ: руки Божіи суть не что другое какъ сила его и могущество, который и видимое невидимо творитъ. Но сіе баснословнымъ наипаче, нежели истиннымъ почитаютъ, которые силу и премудрость Божію могущую и безъ сѣменъ сотворить сѣмена, изъ обыкновенныхъ и всегдашнихъ соразмѣряютъ дѣлъ: о томъ же, что сперьва уставлено, поелику не знаютъ, съ недовѣрчивостію помышляютъ. Какъ будто бы знаемое ими о зачатіи и рожденіи, естьлибъ незнающимъ расказываемо было, не невѣроятнѣйшимъ показалось: хотя и то самое многіе тѣлеснымъ винамъ природы, нежели дѣламъ Божія разума присвояютъ.

Глава двадесять третія.

Могутъ ли Ангели назватъся хотя наималѣйшей твари творцами.

Но намъ съ сими нѣтъ никакого дѣла (1), которые не вѣрятъ, что Богъ творитъ и печется о всемъ. А тѣ, которые Платону своему вѣрятъ, и признаваютъ, что животныя всѣ, между коими бы человѣкъ первѣйшее и свойственное самимъ Богомъ занималъ мѣсто, не отъ Всевышняго Бога создавшаго міръ, но отъ другихъ меньшихъ имъ сотворенныхъ позволеніемъ его или повелѣніемъ созданы; ежели отвергнуть суевѣріе, коимъ тщатся себя оправдать и показать, аки бы праведно жертвы и священнослуженія они отправляютъ, какъ бы своимъ творцамъ, то удобно избавятся и отъ заблужденія сего мнѣнія. Ибо не можно и не должно ни самой малѣйшей природы и смертной творцемъ кого признавать кромѣ Бога, Ангеловъ же, коихъ они лучше богами изволяютъ называть, хотя бы и дѣйствовали что либо въ природѣ вещей, однако столь же они недостойни имени творцовъ, сколько землѣдѣлецъ и садовникъ недостойны имяноваться творцами жита и деревъ.

Гла-

Глава двадесять четвертая.

О томъ, что всякая природа, и всякой видъ всей твари есть дѣломъ Божіимъ.

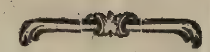
Ибо когда иной видъ есть, который дѣлается и прилагается всякому тѣлесному веществу, такъ какъ дѣлаютъ ваятели и рѣзчики и прочіе подобные художники, которые изображаютъ виды подобныя животнымъ: другой же, который врутренніи дѣйствительныя имѣетъ вины отъ тайнаго изволенія существа разумнаго, которое не только природныя тѣлъ виды, но и самыя животныхъ души, когда ихъ нѣтъ, творитъ. Вышепомянутой видъ всѣмъ художникамъ приписать можно: другаго же никому кромѣ Единаго Творца и Создателя Бога, который міръ самый и Ангеловъ безъ всякаго міра, и безъ всѣхъ Ангеловъ сотворилъ. Ибо сила оная Божія, которая всѣ вещи раздѣлила и сотворила, имѣетъ дѣлать. Отъ оной приняли видъ, когда міръ созидаемъ былъ, и круглость неба, и круглость солнца, круглость очей, и круглость яблока и прочіе образы природные, которыя мы видимъ въ вещахъ раждающихся, не только внѣшніе, но и внутренніи силою и могуществомъ Творца сотворены, который сказалъ: *Небо и землю азъ наполняю*; *и котораго премудрость досязаетъ отъ конца до конца съ крѣпостію, и все устрояетъ пождѣлѣнно.*

Сотворенные же сперва Ангели Творцу прочее созидающему совершалили какое служеніе, не знаю, и не смѣю приписать имѣ того, чего они можетѣ быть дѣлать не вѣ силахѣ, и не долженѣ отнимать отѣ нихѣ, что можетѣ быть они могутѣ. Однако твореніе и свойство всѣхѣ природѣ тому приписываю Богу, которому и они бытіемѣ своимѣ должни, за что они и благодареніе ему приносятѣ. И такѣ не только земледѣльцовѣ не называемѣ творцами какихѣ либо плодовѣ, когда читаемѣ: *ни насаждаяй есть что, ни напаяяй, но позпращаяй Богѣ.* Но на самую землю, хотя она и кажется плодоносною матерію, которая растѣнія возникающія питаетѣ, и корни содержитѣ, когда также читаемѣ: *Богѣ же даетѣ сѣмени тѣло, якоже хощетѣ, и коемуждо сѣмени свое тѣло.* Такимѣ же образомѣ и жену своего исчадія не должни называть творительницею, но того наипаче Творцемѣ, который рабу своему нѣкоему сказалѣ: *прежде неже создахѣ тя по чрепѣ, познахѣ тя.* И хотя душа такѣ или инако можетѣ приложить плоду своему нѣкоторыя качества, какѣ о пестрыхѣ жезлахѣ Іаковлевыхѣ видимѣ (1), дабы овцы раждались пестрыми: однако природы раждаемой столь же она не содѣлала, какѣ ни сама себя. И такѣ всякія тѣлесныя вины употребляемы будучи или Ангеловѣ, или людей; или другихѣ животныхѣ, или мужей

и

и женѣ смѣшеніе (2), также нѣкоторыя желанія (3) и движенія души матерней хотя могятъ нѣкоторыя черты или случайности въ нѣжныхъ тѣлахъ впечатлѣть: однако самыя природы, дабы оная въ своемъ родѣ была таковою, или инаковою, никто кромѣ Бога не дѣлаетъ, котораго сокровенная сила все проницая присудствіемъ своимъ дѣлаетъ все, что бытіе имѣетъ, понеже естьли бы не творилъ онъ, дабы такъ или инако то или другое было, то совсѣмъ быть ни что бы не могло. Почему ежели въ видѣ наружномъ тѣлесныхъ вещей употребляемомъ художниками говоримъ, что городъ Римъ, и городъ Александрію (4) не художники и архитекторы, но Ромулъ и Александръ Цари, коихъ повелѣніемъ оные города основаны, создателями суть и строителями: то кольми паче никого кромѣ Бога не должны нарицать Творцемъ природъ, которой не дѣлаетъ ничего изъ вещества, котораго бы онъ не содѣлалъ: и не имѣетъ рабовъ, кромѣ тѣхъ, коихъ самъ сотворилъ: и ежели силу свою творительную отниметъ, то всего не будетъ такъ, какъ прежде не было. Но я говорю прежде не въ разсужденіи времени, но въ разсужденіи вѣчности. Ибо кто можетъ быть творцемъ временъ, кромѣ того, который сотворилъ тѣ вещи, коихъ движеніемъ текутъ времена?

Глава

Глава двадесять пятая.

О мнѣнiи Платоническихъ философовъ, которые утверждали, что хотя Ангели отъ Бога сотворены, однако они сотворили человѣческiя тѣла.

Такимъ образомъ думалъ Платонъ, что всевышнимъ Богомъ сотворенные меншiе боги сотворили прочихъ животныхъ: то е́сть они отъ него безсмертiе получили, а сами содѣлали смертныхъ. И потому Платонъ Ангеловъ творцами душъ нашихъ не признавалъ, но только тѣлъ. Чего для поелику Порфирiй ради очищенiя души совѣтуетъ всякаго тѣла удаляться, и купно съ Платономъ своимъ и прочими той же секты утверждаетъ, что тѣ, кои невоздержно и нечестно жизнь препровождали, для наказанiя возвращаются въ тѣла смертныя; и Платонъ правда говоритъ, что и въ тѣла скотскiя, Порфирiй же только въ человѣческiя. Слѣдовательно должно имъ сказать, что сiи, коихъ богами они признаваютъ, и повелѣваютъ какъ родителей и творцовъ почитать, не что другое суть, какъ творцы нашихъ оковъ и темницъ, и не наставники наши, но заключители въ бѣдственныхъ темницахъ, и тяжкихъ оковахъ. Ибо не наказанiе претерпѣваютъ души ниспосылаемыя въ тѣла, и всѣхъ живущихъ какъ на небеси такъ и на земли нѣтъ никакого творца кромѣ того, кото-

рый

рый сотворилъ небо и землю. Понеже естьли жизнь въ тѣлахъ для того дарована, дабы претерпѣвать наказаніе, то какимъ образомъ говоритъ Платонъ, что міръ не могъ бы быть столь прекраснымъ и благолѣпнымъ, естьли бы не былъ наполненъ безсмертными и смертными тварми? Естьлижъ наше бытіе даромъ есть Божіимъ, то какимъ образомъ быть можетъ казнію, къ благодѣянію Божію возвратиться? И ежели Богъ, какъ непрестанно Платонъ внушаетъ, какъ всего міра, такъ всѣхъ животныхъ виды въ вѣчной премудрости содержалъ, то для чегожъ онъ не сотворилъ всего? Или инаго сотворить онъ не благоизволилъ, которое содержалъ несказанный и неизреченный Его разумъ? И такъ по достоинству оное благочестіе есть истиннымъ, которые всего міра и всѣхъ животныхъ, то есть и душъ и тѣлъ творцемъ признаваетъ и проповѣдаетъ. Между коими земными особенно по образу Его одинъ человѣкъ сотворенъ ради той причины, которую я предложилъ, или какая есть сокровенная другая, но однимъ не оставленъ. Ибо нѣтъ никакого другаго рода кромѣ человѣческаго не союзнаго въ разсужденіи порока, и другоюбнаго по природѣ. Полезнѣе противъ порока несогласія или прежде нежели оное начнется, или по начатіи, убѣждать насъ не моглабъ природа, какъ воспоминаніемъ онаго праотца, котораго

раго для того Богъ благоизволилъ сотворить одного, отъ котораго бы размножить человѣческій родъ, дабы тѣмъ во многихъ согласіе сохранить. Что же жена отъ ребра сотворена, то и отсюда довольно открывается, сколь любовнымъ должно быть мужа и жены соединеніе. Сіи Божіи дѣла для того суть необычайны, поелику суть первыя. А которые сему не вѣрятъ, тѣ не должны никакимъ удивленіемъ вѣрить. Ибо и оныя ежели бы обыкновеннымъ природы порядкомъ происходили, то удивленіями и чудесами быть не могли бы. Чтоже при толикомъ строеніи Божія промысла, хотя инаго вина и сокровенна, напрасно производимо бываетъ? Говоритъ псаломникъ: *пріидите и видите дѣла Божія, яже сотвори чудеса на земли.* Для чего же жена изъ ребра мужа сотворена, и сіе первое нѣкако чудо что предобразовало, о томъ на другомъ мѣстѣ, сколько мнѣ Богъ поможетъ, предложу.

Глава двадесять шестая.

Въ первомъ человѣкѣ началось исполненіе все человѣческаго рода, въ которомъ предвидѣлъ Богъ, которая часть достойна будетъ почести и возмездія, и которая осужденія на мученія.

Нынѣ поелику книгу сію окончать намѣреваемъ, сказать должны, что въ первомъ чело-

человѣкѣ, не въ самомъ дѣлѣ, но въ предвѣдѣніи Божіемъ начались въ родѣ человѣческомъ два общества, какъ бы два града. Ибо отъ него имѣли родиться люди, изъ коихъ иные съ злыми Ангелами въ наказаніи, другіе съ добрыми въ награжденіи соединены и совокуплены быть долженствовали, хотя по сокровенному Божію суду, однако праведному. Ибо когда написано: *Вси путіе Господни милость и истинна*: то ни благодать Его не праведною, ни жестокою быть не можетъ Его правда.

Конецъ второйнадесять книги о градѣ Божіемъ.

ПРИМѢЧАНІЯ
на
Книгу Блаженнаго Августина, Епископа Иппонійскаго, о градѣ Божіемъ, вторуюнадесять.

На главу вторую.

(1) Апостатахъ, отступникахъ; демоны таковы, кои отъ Бога отступили. Θеодоритъ о богахъ и Ангелахъ. Сатана, Еврейское, значитъ отступника. Іеронимъ, противника или преступника.

На главу третію.

(1) За пороки природные. Порокъ природный, когда родившись кто получилъ отъ рода своего, и вида, и разума, и природы различное какъ напримѣръ меньше или больше имѣть членовъ, нежели у всѣхъ, косвенность въ языкѣ, слѣпоту, глухоту, которой порокъ и въ прочихъ животныхъ случается. Порокъ нравовъ, когда отъ заповѣдей и правилъ нѣкоторыхъ уставленныхъ уклоняемся.

(2) По привычкѣ и закоснѣлости. Воспиталось, утвердилось, и почти въ природу преобратившись владычествуетъ надъ человѣкомъ, и какъ бы понуждаетъ. Чего для многіе объясняются, что не могутъ противъ вооружиться, желая извинить себя въ порокѣ: но извѣстно, что онъ человѣческимъ произволеніемъ воспитанъ, и ежелибъ человѣкъ воспротивился, могъ отверженъ быть, и хотя не столь удобно отразить оный можно, какъ допустить его къ себѣ, однако отразить не невозможно, и ежели не отразишь, когда можешь, безъ вины не останешся.

На главу четвертую.

(1) И въ качества свои превращаютъ. Касается здѣсь вѣчныхъ стихій, и отъ нихъ происходящихъ сра-

сраженій. Гдѣ въ томъ же родѣ и находятся, кои къ противнымъ преходятъ преодолѣны бывши, и преодолѣвая къ себѣ привлекаютъ. Вода всегда нѣсколько отъемлетъ у воздуха, воздухъ у воды, и воздухъ у огня, и огнь у воздуха, но въ различныхъ мѣстахъ.

(2) Нѣкоторые преступники, или неплательщики долговъ. Родъ сей казни болѣе имѣетъ безчестія нежели казни, хотя не недостаетъ въ ономъ и мученія. Симъ образомъ наказываются въ Испаніи тѣ жены, которыя посредницами бываютъ между полюбовниками; ихъ привязавъ къ doскамъ намазываютъ медомъ, дабы мухи, пчелы и осы ихъ терзали.

(3) Кои похваляютъ въ огнѣ свѣтъ, а жаръ охуждаютъ, научившись повидимому у онаго Сатира, который, какъ Плутархъ пишетъ, любовался огнемъ отъ Промиѳея изобрѣтеннымъ, столь, что его и обнялъ, но какъ ожегся, то бросивъ оный побѣжалъ. Подобное пишитъ Мела о народахъ Африканскихъ нѣкоторыхъ, коимъ огнь открылъ Евдоксъ.

(4) Нѣкоторыя животныя. Аристотель въ книгѣ исторіи животныхъ пятой пишетъ, что въ Кипрѣ островѣ въ печахъ мѣдныхъ, гдѣ жгутъ нѣкотораго рода камень, раждаются животныя крылатыя больше гораздо нежели большія мухи, и питаются въ огнѣ. Сказываютъ, что саламандра въ огнѣ живетъ, и не только не сгараетъ, но огнь наипаче погашаетъ.

На главу десятую.

(1) Не прошло еще шести тысячь. Евсевій, которому въ счисленіи лѣтъ послѣдуетъ Августинъ, отъ сотворенія міра до плѣненія Рима Готѳами считаетъ пять тысячь шесть сотъ одиннатцать лѣтъ, По счисленію седмидесяти переводчиковъ. Ибо изъ Еврейскаго подлинника Беда, до государствованія Онорія и Ѳеодосія юнѣйшаго, въ которое время плѣнили

Римъ Готѳы, полагаетъ четыре тысячи триста семдесятъ семь лѣтъ.

(2) Государство Ассирійское: о семъ говорено будетъ ниже. То здѣсь только замѣтить должно, что древніе писатели нещадили лѣтъ въ счисленіи. Плиніи въ книгѣ первой надесять изъ Евдокса повѣствуетъ, что Зороастръ жилъ прежде смерти Платоновой за шесть тысячь лѣтъ. Ермиспъ сказываетъ, что онъ жилъ до Троянской войны за пять тысячь лѣтъ. Цицеронъ пишетъ, что Халдеи объявляютъ, что у нихъ повѣсти заключаютъ въ себѣ четыре ста семдесятъ тысячь лѣтъ. Тожъ почти и Діодоръ, который пишетъ, что съ того времени, какъ начали Халдеи наблюдать теченія планетъ, прошло до Александра Македонскаго четыреста три тысячи лѣтъ.

(3) Сказываютъ о Египтянахъ, и сіи не меньше о годахъ налгали. Платонъ по сказанію одного Египетскаго жреца написалъ, что Египтяне на восемь тысячь лѣтъ имѣютъ лѣтописи. А Аѳины построены прежде еще Сакса за тысячу лѣтъ. Діогенъ Лаерцій пишетъ, что Вулканъ былъ сынъ Египетскаго Нила, и отъ него до Александра Македонскаго прошло лѣтъ сорокъ восемь тысячь, восемь сотъ шестьдесятъ три. Въ которое все время было затмѣніевъ солнечныхъ триста семдесятъ три, лунныхъ же восемьсотъ тритцать два. Мела скромнѣе солгалъ. Ибо такъ о Египтянахъ пишетъ: они, какъ сказываютъ о себѣ, наидревнѣйшіе изъ всѣхъ людей. Они показываютъ лѣтописи заключающія въ себѣ, что было у нихъ триста тритцать Царей прежде Амазиса, и что лѣтъ прошло до него болѣе тринатцати тысячь. Но еще не доставало ко лжи его того, что онъ непропустилъ прибавить: у нихъ записано также въ книгахъ, что съ того времени, какъ Египтяне находятся въ свѣтѣ, солнце четыре раза перемѣняло свое теченіе, дважды уже то было, что оно тамъ имѣло

за-

западъ, гдѣ востокъ. Діодоръ въ книгѣ первой пишетъ, что отъ Озириса до Александра Македонскаго иные считаютъ десять тысячь лѣтъ, другіе дватцать три тысячи. Нѣкоторые баснословятъ, аки бы сперьва у нихъ владычествовали боги, потомъ полубоги, и продолжалось ихъ государствованіе до осмнатцати тысячь лѣтъ. Но вѣдать должно, что Египетскіе и другихъ народовъ годы меньше были нашихъ обыкновенныхъ. Плиній въ книгѣ седьмой пишетъ, что Египтяне нѣкогда имѣли годъ состоящій изъ одного мѣсяца. Нѣкоторые, говоритъ, годъ ограничивали однимъ лѣтомъ, нѣкоторые одной зимой. У иныхъ состоялъ годъ изъ одной части нашего года, какъ то у Аркадянъ, коихъ годы были трехмѣсячные. У иныхъ одномѣсячные какъ то у Египтянъ. Для того то пишется у нихъ въ исторіяхъ, что нѣкоторые изъ нихъ по тысячи лѣтъ жили. Ценсоринъ свидѣтельствуетъ, что у Египтянъ въ древности годъ состоялъ изъ двухъ мѣсяцовъ: потомъ Пизонъ Царь сдѣлалъ у нихъ годъ изъ четырехъ мѣсяцовъ: наконецъ довели они свой годъ до тринатцати мѣсяцовъ и пяти дней. Пишетъ Діодоръ, что и у Халдеевъ годъ въ древности состоялъ изъ одного мѣсяца. Но дабы не скрыть мнѣ и своего мнѣнія, то объявляю, что я догадываюсь, что древніе народы вдавшіеся въ наблюденія астрономическія планетъ бродящихъ обращеніе за годъ считали такъ, что въ тритцати годахъ солнечныхъ состоять былъ долженъ одинъ Сатурновъ, пять Юпитеровыхъ или Марсовыхъ, болѣе тритцати Меркуріевыхъ и Венериныхъ, Луныхъ до четырехъ сотъ. Всѣхъ же безъ мала до пятисотъ.

На главу первуюнадесять.

(1) Одинъ сего мнѣнія держался Ираклитъ, Иппасъ, и стоики, которые думали, что міръ нѣкогда погибнетъ отъ огня, и какъ скоро сгоритъ, то новой сотворенъ будетъ.

(2) Безчисленные. Сіе мнѣніе Демокритово, и Эпикурово.

(3) По потопахъ. Платонъ и Аристотель спорятъ, что ни всемірнаго потопа, ни всемірнаго пожара никогда быть не можетъ; Стоики же полагали, какъ говоритъ Цицеронъ, что наконецъ міръ воспламенится, когда истреблена будетъ влажность такъ, что ни земля питаться, ни воздухъ имѣть движенія не возможетъ. И такъ Платонъ и Аристотель нѣкоторую часть людей для сѣмени всегда въ мірѣ оставляли, другіе со всѣмъ съ міромъ истребляли, дабы вновь имъ быть сотвореннымъ.

На главу шестую надесять.

(1) Прежде лѣтъ вѣчныхъ. Въ посланіи къ Титу въ главѣ первой, которое мѣсто Іеронимъ такимъ образомъ изъясняетъ; но и сего молчаніемъ прейти не должно, какимъ образомъ неложный Богъ прежде лѣтъ вѣчныхъ обѣщалъ жизнь. По повѣсти бытейскихъ книгъ съ котораго времени сотворенъ сей міръ и проч. въ семъ теченіи какъ колесо времена міра проходятъ, и приходятъ и быть имѣютъ. Чего для нѣкоторые философы настоящимъ временемъ никакого не почитаютъ, но только два полагаютъ времени, прошедшее и будущее. Понеже все, что мы говоримъ, дѣлаемъ, помышляемъ, или когда дѣлаемо бываетъ, проходитъ, или естьли не сдѣлано еще, ожидаемъ. И такъ прежде сихъ міра временъ вѣрить надлежитъ, что была нѣкоторая вѣчность вѣковъ, въ которыя всегда съ Сыномъ и Духомъ Святымъ былъ отецъ, и дабы такъ сказать, время Божіе есть вся вѣчность, или лучше сказать безчисленныя суть времена, когда безконеченъ есть тотъ, который будучи прежде временъ, всякаго времени древнѣе. Шести тысячь еще не прошло нашему міру, то сколько, думать можно, прошло времянъ, сколько вѣковъ, въ коихъ Ангели, престоли, Господствіа, и прочія силы служили Богу, безъ перемѣны временъ, и безъ мѣры. И

такъ

такъ прежде сихъ временъ, коихъ ни словомъ изобразить, ни умомъ объять, ни мыслію постигнуть не можно, обѣщалъ Богъ слово свое и свою премудрость пожелать, и даровать животъ тѣмъ, кои вѣрятъ въ Него.

На главу девятуюнадесять.

(1) Вѣки вѣковъ. Часто въ Священномъ Писаніи сіи имена соединенными между собою находятся. Что же оныя означаютъ, изъясняетъ Іеронимъ въ толкованіи посланія къ Галатомъ: разсмотрѣть, говоритъ, должно, какое есть различіе между вѣкомъ, и вѣкомъ вѣка, или вѣками вѣковъ. Вѣкъ на Еврейскомъ діалектѣ пишется двояко съ приложеніемъ буквы, ך, и безъ приложенія. Съ приложеніемъ означаетъ вѣчность, безъ приложенія означаетъ время пятидесяти лѣтъ. Для того то о Іудеяхъ сказано работающихъ другому, что ежели имъ господинъ понравится по причинѣ жены и дѣтей, то по провертѣніи ушей повелѣвалось имъ служить во вѣкъ, то есть до пятидесятаго года. Нѣкоторые же говорятъ, что смыслъ здѣсь тотъ же есть, то есть въ вѣкахъ вѣковъ, какъ во святыхъ святыхъ, въ небесахъ небесъ, въ дѣлахъ дѣлъ, въ пѣсняхъ пѣсней.

На главу двадесятую.

(1) Чьи благочестивыхъ уши. Немалый споръ происходитъ между Платоническими философами, когда душа каждая переселяется въ свою планету или звѣзду, съ тѣмъ ли переселяется, дабы вѣчно тамъ пребывая наслаждаться блаженствомъ, или съ тѣмъ, дабы по прошествіи безчисленныхъ временъ, паки возвратиться въ тѣло, и изъ онаго инуда переселиться? Ибо Платонъ въ Федрѣ и въ книгѣ о республикѣ присвояетъ душамъ вѣчное блаженство. Того ради Порфирій и Ямвлихъ думаютъ, что очистившійся духъ не возвращается въ тѣло. Плотинъ, и Проклъ утверждаютъ, что и очистившаяся душа возвращает-

ся

ся сюда. И когда ПлатонЪ говоритЪ: вѣчно, то они оное слово берутЪ за долговременность.

(2) Смертію: ЦицеронЪ вЪ книгѣ шестой о Республикѣ послѣдуя мнѣнію Платонову жизнь нашу называетЪ смертію, вЪ которой мы окружены бывши безчисленными злыми почти ежеминутно умерщвляемся.

(3) Послѣ толикихЪ золЪ. Между прочими злыми, которыя сія тѣлесная смерть имѣетЪ, что по истребленіи разума и совѣта силы любленіе себя безмѣрное страстямЪ вливаетЪ: и ежели бы сильны вЪ насЪ были разумЪ и совѣтЪ, то свободиться отЪ смерти сея, которую мы жизнію называемЪ, пожелалибЪ, мы бы стенали сЪ АпостоломЪ сказавшимЪ оныя слова: *кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея.*

(4) Для чего знаніемЪ. Страшиться золЪ великою есть бѣдностію: мнѣ кажется, лучше умереть безЪ опасности, нежели жить страшась.

На главу двадесять вторую.

(1) СоздалЪ БогЪ человѣка по образу и по подобію своему. ОбразЪ относится кЪ природѣ, подобіе кЪ дарованіямЪ, безсмертію, добродѣтелямЪ, премудрости, коими человѣкЪ подобится Богу.

На главу двадесять третію.

(1) Но намЪ сЪ ними нѣтЪ никакого дѣла, какЪ то сЪ Епикурами, которые думали, что все случайно дѣлается вЪ свѣтѣ. Или которые утверждаютЪ, что природа одна владычествуетЪ вЪ мірѣ, которое мнѣніе многіе Аристотелю приписываютЪ: или которые полагаютЪ, что тѣлесныя вещи сотворены отЪ демоновЪ, какЪ нѣкоторые еретики.

На главу двадесять четвертую.

(1) КакЪ о пестрыхЪ жезлахЪ ІаковлевыхЪ видимЪ. Плиній вЪ книгѣ осьмой пишетЪ вЪ разсужденіи

деніи барановъ примѣчательно то особливо, что какія у котораго подъ языкомъ будутъ жилы, такова на дѣтяхъ его шерсть. Разношерстныя родятся, естьли различныя будутъ жилы. И перемѣна водъ производитъ различіе. И такъ можно шерсть таковую въ животныхъ дѣлать, какую хочемъ, какъ и Іаковъ учинилъ. Бытія глава тридесятая.

(2) Смѣшеніемъ. Плиній въ книгѣ седьмой пишетъ, что подобіе въ мысли есть воспоминовеніе: въ которомъ случаѣ много дѣйствуютъ видѣніе, слышаніе и память и проч.

(3) Желанія. Жены непраздныя многихъ вещей желаютъ, часто употребляютъ уголья и золу и проч.

(4) Александрію. Хотя Александріевъ много въ Аріи, Согдіанѣ, въ Троадѣ, въ Киликіи, въ Индіи, однако здѣсь разумѣетъ Августинъ о Египетской наиславнѣйшей недалеко отъ устія Канопическаго построенной.

Конецъ второй части.

